

Иван Сергеевич Тургенев в книжной памяти Омска

Юбилейный каталог-путеводитель по фонду редкой книги
ОГОНБ им. А. С. Пушкина

1. Прижизненные публикации Ивана Сергеевича Тургенева (1847-1883)

1847

1. **Тургенев Ив.** Бретёр // Отечественные записки. – 1847. – № 1. – С. 1-42.

Первая публикация.

Бретёр – (другое написание: бреттёр) – «человек, ищущий повода к дуэли», «скандалист», «забияка». В бретёре Лучкове Тургенев показал тёмную природу русской бесформенности. Раннее сиротство и жизнь в российской провинции сформировали в Лучкове озлобленность, жёсткость, фразёрство, отсутствие нежности и общительности, душевную пустоту, умственное убожество и пошлость. Лучков – будущий Солёный из «Трёх сестер» Чехова, бретёр в тургеневском вкусе.

2. [Тургенев И. С.] Повести, сказки и рассказы казака Луганского...// Отечественные записки. – 1847. – № 1. – С. 1-3 (паг. 6-я).

Первая публикация.

Казаки Луганский – псевдоним русского писателя, этнографа и учёного-диалектолога Владимира Ивановича Даля (1801-1872). В 1840-х годах он служил в Министерстве внутренних дел и был непосредственным начальником Тургенева в годы его службы. Интерес к новому сборнику произведений Даля был вызван у Тургенева тем, что он сам в это время работал над «Хорем и Калинычем» – первым очерком из «Записок охотника», главным героем которых стал русский крестьянин. Тургенев писал (с. 2-3): «чтоб заслужить название народного писателя /.../ нужно сочувствие к народу, родственное к нему расположение, нужна наивная и добродушная наблюдательность. В этом отношении, никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с г. Далем. /.../ Первые рассказы Казака Луганского /.../ обратили на себя внимание читателей русским складом ума и речи, изумительным богатством чисто русских поговорок оборотов. /.../ Он смышлен русской смышленостью. У него мало юмора, но русского игривого остроумия у него бездна. /.../ У г. Даля гораздо более памяти, чем воображении».

1850

3. -е- [Тургенев И.С.] Несколько слов об опере Мейербера «Пророк» // Отечественные записки. – 1850. – № 2. – С. 280-283 (8-я паг.).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. Хрон. № 46. Надпись на форзаце: Отечественные / записки / февраль 1850 года / Канцелярии Главного Управления Западной Сибири. Надпись (с.181): Омского Уездного Училища / № 62 [зачеркнуто красными чернилами, написано «55»].

Первая публикация.

Авторство Тургенева устанавливается на основании его писем к А. А. Краевскому. 28 декабря 1849 г. Тургенев писал: «Вот Вам, любезный Краевский, половина моего обещания: письмо о *Пророке*. /.../ Не выставляйте даже начальной буквы моего имени под письмом о «Пророке»: на то есть у меня особенные причины». Причиной этой просьбы были опасения Тургенева, что его похвалы в адрес Полины Виардо будут восприняты как бестактность по отношению к артистке и поставят её в неловкое положение. Письмо Тургенева об опере «Пророк» является единственной музыкальной рецензией писателя, если не считать отдельных высказываний о музыкальной жизни Петербурга и Берлина в статьях «Современные заметки» и «Письма из Берлина».

Тургенев писал (с. 281): «*.../* мелодия его [Мейербера] не течет свободно и обильно, подобно воде из родника, как у Россини; его произведения, как первые речи Демосфена, «пахнут маслом», отзываются трудом; вообще он не столько великая музыкальная натура, сколько даровитая и многосторонняя организация, со всем настойчивым упорством, свойственным еврейской породе, обратившаяся на разработку своего музыкального капитала». Интересно высказался Тургенев и об авторе либретто (с. 282-283): «Г. Скриб смотрит на историю в уменьшительное стекло. Ни один характер не выдержан, исключая матери Иоанна, Фидэс, одного из самых трогательных созданий новейшего искусства; сам Иоанн – слабое и бледное существо *.../* Мейерберу, не смотря на плохое либретто, умеет привлекать весь Париж. *.../* В пятом акте замечательны: большая ария Фидэс, которая каждый раз производит неописанный фурор; она отличается не столько достоинством самой мелодии, сколько оригинальностью ритма и блестящей смелостью пассажей; Виардо поет ее, как никто не певал до нее».

Премьера оперы «Пророк», состоявшаяся в Париже 16 апреля 1849 г., и последующие её постановки вызвали исключительный интерес европейской общественности. Этому способствовала популярность её автора Джакомо Мейербера (1791-1864), виднейшего представителя жанра французской «большой оперы». Характерными чертами этого жанра являются монументальность масштабов, трагедийное содержание, сочетание героической патетики с блестящей декоративностью и яркими сценическими эффектами.

1851

4. Тургенев Ив. Провинциалка: Комедия в одном действии // Отечественные записки. – 1851. – № 1. – С. 1-38.

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. Надпись на форзаце: № 29 / Отечественные записки / Январь / 1851 года / уездного училища / Канцелярии Главного Управления Западной Сибири. Надпись на тит. л.: Омского уезд. училища / № 56 [красными чернилами].

Первая публикация.

В середине октября 1850 г. Тургенев писал Н. В. Самойловой: «Я имел не раз удовольствие видеть Вас на театре и был бы очень рад написать для Вас и Вашего брата одноактную комедию, которой план уже составлен мною и даже первые сцены написаны. Смее надеяться, что Вы бы не отказались от Вашей роли; но, будучи в неизвестности относительно дня Вашего бенефиса, не могу приняться за работу, совершенно не зная, успею ли ее окончить. И потому прошу Вас, если Вы согласны на мое предложение – уведомить меня, когда именно будет Ваш бенефис, и позвольте мне увидаться с Вами и с Вашим братом, с которым познакомил меня г. Панаев, для сообщения и обсуждения плана». Премьера «Провинциалки» в Петербурге состоялась 22 января 1851 г. в Александринском театре во время бенефиса Н. В. Самойловой.

А. В. Дружинин отметил, что последняя «комедия г. Тургенева не принадлежит к числу лучших вещей даровитого автора, несмотря на прекрасный язык, которым она написана». Резко отрицательно оценил «Провинциалку» А. Григорьев: «Вообще забота посмеить какими бы то ни было средствами составляла, кажется, одну из главных забот автора и, как нам кажется, много повредила художественности комедии. Такое поверхностное понимание комизма мы заметили уже прежде в г. Тургеневе. *.../* В пьесе его очень мало русского. Но согласитесь, что большую часть ее можно очень легко перевести, напр., на французский язык, она нисколько не потеряет от этого. Не таковы пьесы Гоголя. *.../* г. Тургенев способен задумать и исполнить настоящую комедию, и ждем от него, как искупления за маленькие грешки в прежних его комедиях и важную ошибку – печатание *Провинциалки*».

ПСС, 2, 659-676.

5. Тургенев Ив. Записки охотника. XX. Бежин луг // Современник. – 1851. – № 2. – С. 319-338.

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. Надпись на форзаце: № 23. / Современник / Февраль 1851 года / Канцелярии Главного управления Западной Сибири.

Первая публикация.

Бежин луг расположен в 13 километрах от Спасского-Лутовинова, у р. Снежедь, в Черномском районе Тульской области. О впечатлении, произведённом рассказом в литературных кругах, свидетельствуют письма из Москвы Е. М. Феофистова Тургеневу: «Вчера получен № 2 «Современника». Когда это Вы успели кончить и напечатать Вашу повесть – удивительное дело! Я прочел ее вчера Графине (Е. В. Салиас) – и она и я в совершенном от нее восторге. Решительно это одна из лучших вещей, Вами написанных».

В произведении «Бежин луг» рассказывается о том, как охотник, сбившись с дороги, набрел на крестьянских ребятишек, которые стерегли табун. В ожидании, пока сварятся «картошки», эти дети коротали ночное время разными рассказами о том, кто что видел, слышал – дома, в поле, в лесу, на реке. В этих безыскусственных разговорах детей проявились их мысли, чувства, суеверия и вообще наивный взгляд на природу и на людей. Автор рассказа тонко передал свои ощущения ночной природы, живущей своей, независимой от человека, жизнью: «Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах запахов русской летней ночи».

ПСС, 3, 463-465.

6. Тургенев Ив. Записки охотника. XXI. Касьян с Красивой Мечи // Современник. – 1851. – № 3. – С. 121-140.

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. Надпись на форзаце: № 24. / Современник / Март месяц / 1851 года / Канцелярии Главного Управления Западной Сибири. Надпись на титульном листе: «Омского Уездного Училища / № 73: [зачёркнуто красными чернилами, написано «68»].

Первая публикация.

В «Касьяне с Красивой Мечи» Тургенев поэтически воспроизвел некоторые черты народной крестьянской идеологии, прикрытой религиозной сектантской оболочкой. Через семью Аксаковых Тургенев был знаком с материалами судебного следствия по делу секты «бегунов» или «странников» в с. Сопелки Ярославской губ. (одним из участников этого следствия, производившегося в 1849 – 1851 гг., был И. С. Аксаков).

В соответствии с учением «странничества», Касьян не видит в окружающей его социальной действительности «правды» и «справедливости». Он не участвует в обычных крестьянских занятиях, которые учителя «странничества» называли «вражьей работой» на антихриста, отвергает собственность, деньги, живёт в безбрачии. Тургенев наделяет своего героя пантеистической любовью ко всякой живущей на земле твари и социальной мечтой о сказочной стране, где «живет птица Гамаюн сладкогласная» и «всяк человек» живёт «в довольстве и справедливости». «Бегуны» отвергали официальную церковь, и, вероятно, поэтому (возможно, по указанию И. С. Аксакова) при подготовке отдельного издания 1852 г. Тургенев отбросил слова Касьяна: «Случается, так в церкви божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею». Касьян был типичной фигурой для тогдашней действительности: «И не один я, грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут... да!..». Поэтизация в «Касьяне с Красивой Мечи» «странничества» как одной из разновидностей духовной жизни народа явилась причиной преимущественного успеха этого рассказа у славянофилов и «почвенников».

О впечатлении, произведенном рассказом на московских друзей Тургенева, Е. М. Феокистов сообщал автору: «...Ваша статья о Касьяне – прелесть! Это бесспорно один из лучших Ваших рассказов – и таково общее здесь мнение. Кроме характера, который вышел очень рельефен и понятен, самое описание деревни, пустой в жаркий летний день, наконец, описание самого этого дня, – всё это как будто сейчас видишь, как будто сам только что выехал из этой деревни. Вообще весь рассказ – истинно превосходен».

«Касьян с Красивой Мечи» был последним рассказом «Записок охотника», опубликованным в «Современнике». 2 апреля 1851 г. Тургенев писал Феокистову о том, что считает работу над «Записками охотника» законченной и намерен писать большое произведение в иной манере.

ПСС, 3, 466-468.

7. [Тургенев И. С.] Поэтические эскизы. Альманах стихотворений, изданный Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым // Современник. – 1851. – № 3. – С. 1-12 (паг. 5-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. Надпись на форзаце: № 24. / Современник / Март месяц / 1851 года / Канцелярии Главного Управления Западной Сибири. Надпись на титульном листе: «Омского Уездного Училища / № 73: [зачёркнуто красными чернилами, написано «68»].

Первая публикация.

Авторство установлено Н. В. Измайловым, опубликовавшим письмо И. С. Тургенева к Е. М. Феокистову от 2 апреля 1851 г., в котором говорится: «Я очень рад, что статейка моя о Познякове понравилась в Москве (здесь она прошла незамеченной). – Цензура ее сильно изуродовала – а в иных местах опечатки страшные... в одном месте пропущена целая строка». Статья Тургенева о сборнике «Поэтические эскизы», написанная в период оскудения русской поэзии, которое началось после гибели Лермонтова и продолжалось до середины 50-х годов, и связанная с выступлениями всего редакционного коллектива «Современника», была направлена против безыдейной поэзии эпигонов романтического стиля 1830-х годов.

ПСС, 4, 653-656.

1852

8. Тургенев И. С. Записки охотника / Сочинение Ивана Тургенева: [в 2 ч.]. – М.: в Университетской типографии, 1852.

Ч.1. – [4] 5-314 [2] = 316 с.

Первая публикация.

Омский экземпляр первого издания первой части «Записок охотника» И. Тургенева представляет собой конволют, в который входит издание второй части «Записок охотника» 1859 года. Составной переплёт: кожаный корешок тёмно-зелёного цвета с тиснением, переплётные крышки из картона, покрытые мраморной бумагой (оттенки зелёного, жёлтого, красного).

Содержание: «Хорь и Калиныч» (с. 3-28); «Ермолай и мельничиха» (с. 29-52); «Малиновая вода» (с. 53-72); «Уездный лекарь» (с. 73-92); «Мой сосед Радиков» (с. 93-110); «Одноворец Овсяников» (с. 111-146); «Льгов» (с. 147-170); «Бежин луг» (с. 171-212); «Касьян с красивой мечи» (с. 215-250); «Бурмистр» (с. 251-278); «Контора» (с. 279-314).

В июле 1852 года в Москве впервые вышли отдельным изданием «Записки охотника». Право на издание было подарено Тургеневым Н. Х. Кетчеру. Издание было готово ещё весной, но, чтобы не привлекать к нему внимание правительства, было решено задержать выход на некоторое время. Успех книги был чрезвычайный, хотя о Тургеневе как писателе опальном совершенно перестали говорить в печати вплоть до 1854 г. Тургенев был арестован 6 апреля 1852 года, а в мае выслан на родину, в Спасское, под надзор полиции. Формально репрессии

обрушились на писателя за публикацию им в Москве статьи о Гоголе, которая была запрещена в Петербурге. Но сам Тургенев был убеждён и неоднократно повторял, что арестовали его и отправили на жительство в деревню «в сущности за «Записки охотника»». Было непонятно, как московский цензор князь В. В. Львов решился пропустить книгу, столь открыто направленную против помещичьего строя. За свою оплошность цензор Львов был уволен. Впоследствии он стал детским писателем. Тургенев же был утешен заявлением Александра II о том, что с тех пор, как он, будучи ещё наследником, прочёл «Записки охотника», его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобождения крестьян от крепостного права. Не говоря уж о том, что с публикацией «Записок охотника» к Тургеневу пришла настоящая слава. Примерно в течение полугода первое издание «Записок охотника» было полностью продано. 12 (24) мая 1853 г. Тургенев сообщал И. Ф. Миницкому: «Уже три месяца, как все экземпляры разошлись».

Гончаров увидел на страницах книги «истинного трубадура, странствующего с ружьём и лирой по сёлам, по полям». 15 августа 1850 года Тургенев писал Полине Виардо: «...воздух родины имеет в себе что-то необъяснимое, он хватает вас за сердце. Это невольное, тайное влечение плоти к той почве, на которой мы родились. А кроме того воспоминания детства, люди, говорящие на твоём языке и сделанные из того же теста, что и ты; даже несовершенство окружающей природы становится тебе дорогим, как недостатки любимого человека – все трогает, все поражает. Бывает иногда – очень плохо, а все-таки ты в своей стихии».

Огромное впечатление "Записки охотника" произвели и на Мопассана. В статье, посвящённой Тургеневу, он писал: «Тургенев, молодой, пылкий, свободолюбивый, выросший в самой гуще провинциальной жизни, в степях, где он наблюдал крестьянина в его домашнем быту со всеми его страданиями и ужасающим трудом, в рабстве и нищете, был исполнен жалости к этому смиренному, терпеливому труженику, негодования к его угнетателям и ненависти к тирании. Он описал на нескольких страницах мучения этих обездоленных людей, но с такой силой, правдой, страстью и таким стилем, что вызвал волнение, распространившееся на все слои общества /.../ и как стрелы, бьющие в одну и ту же цель, каждая его страница разила в самое сердце помещичью власть и ненавистный принцип крепостного права. Так была создана историческая книга под названием Записки охотника. /.../ Она положила начало известности ее автора как писателя и как человека свободолюбивого».

Тургенев выразил ощущение огромной содержательности и таинственности духовного мира простого человека, в народной среде он видит разнообразие характеров. Поэт-охотник, скитающийся по родным полям, на каждом шагу делает удивительные открытия: любое его столкновение с мужиком оставляет в нем вопрос, ощущение тайны, не до конца понятых им возможностей и побуждений простых людей.

ПСС, 3, 398-445.

1853

9. И. Т. [Тургенев И. С.] «Записки ружейного охотника оренбургской губернии». С. А-ва // Современник. – 1853. – № 1. – С. 33-34 (паг. 3-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. Хрон. № 75. Надпись на форзаце: Современник / Январь 1853 года / Главного Управления Западной / Сибири. Надпись на титульном листе: Омского Уездного Училища / № 75: [зачёркнуто красными чернилами, написано «70»]. Надпись (с.5): Январь 1853 года.

Первая публикация.

16 декабря 1852 г. Тургенев писал Некрасову: «Посылаю тебе давно обещанную мною статью о книге Аксакова. Кажется, самая придирчивая цензура в ней не может найти ничего непозволительного – и если что-нибудь в ней будет вычеркивать, то значит – дело не в статье, а в имени. Прошу не выставлять под ней ничего, кроме букв И. Т.». Занятый подготовкой к печати первой книжки «Современника», Некрасов лишь 20 января 1853 г. отвечал Тургеневу: «Прежде всего спасибо тебе за твою статью, которую я нашел легкою и живою, насколько

подобает статейке такого рода, а другие находят даже прекрасною во всех отношениях, выражаясь так, что-де за что Тургенев ни возьмется, непременно выйдет отличная вещь». Сам же Тургенев отзывался об этом своём труде в письме к П. В. Анненкову от 10 января 1853 г. следующим образом: «Кроме двух-трех мыслей о природе и манерах ее описывать, в этой статье для Вас, кажется, не будет ничего занимательного». В конце января 1853 г. С. Т. Аксаков упрекал Тургенева: «Ваше письмо к издателю «Современника» – не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги. Впрочем, я очень понимаю, что, удержав характер критики, статья Ваша вышла бы, может быть, не так интересна и несколько суха». В печати статья Тургенева была встречена положительными отзывами. Так, например, рецензент «Москвитянина», считая, что эта статья «очень занимательна», приводил большой отрывок из неё и в заключение писал: «Все это прекрасно! Но как все это попало в рецензию на книгу об охоте? В странное время мы живем! Развертываешь статью об охоте – и находишь прекрасные эстетические положения; заглянешь в статью о поэзии – там вам ничего и не напомним об эстетике».

ПСС, 4, 671-676.

1854

10. Тургенев Ив. Два приятеля // Современник. – 1854. – № 1. – С. 97-134.

Ярлык на форзаце: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. / Хрон. № 58. Надпись на форзаце: № 58. / Современник / Январь / 1854 года / Канцелярии Главного Управления Западной Сибири. Надпись на тит. л.: Омского Уездного Училища / № 76: [зачёркнуто красными чернилами, написано «41»]. Надпись (с.5): Январь 1854 г. / Глав. Управ. Запад. Сибири.

Первая публикация.

Созданная в период Спасской ссылки, повесть «Два приятеля» основана на тех жизненных впечатлениях, которые писатель получал, живя в Спасском, посещая соседей-помещиков, бывая в Орле. К. Н. Леонтьев, приехавший к нему в Спасское-Лутовиново в 1852 г., пишет: «В рассказах его [Тургенева] про Орел я помню многое, что отозвалось года через два в повестях его «Два приятеля» и «Затишье»». Повесть «Два приятеля» связана с незаконченным романом «Два поколения». Как и этот роман, она написана в «гоголевской» манере. П. В. Анненков, рассматривая повести «Два приятеля» и «Затишье», замечал, что русская литература «постоянно и во всех видах старалась передать нравственную физиономию человека с развитой мыслью, но с неопределенной волей и ничтожным характером, с громкими задачами для жизни и большими требованиями от нее, но с бессилием к исполнению самой малой дозы житейских обязанностей». В 1856 г. А. В. Дружинин подчеркивал: «Вязовнина не выдает нам г. Тургенев за лицо, достойное любви или удивления, – автор только дает нам заметить, что между нами имеется много Вязовниных, что даже всякий из нас носит в себе некоторые начала характера, им обрисованного».

ПСС, 4, 624-632.

11. Тургенев Ив. Муму // Современник. – 1854. – № 3. – С. 9-36.

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. / Хрон. № 60. Надпись на форзаце: № 60 / Главного Управления Западной Сибири [зачеркнуто] / Современник / 1854 г. / Март. Надпись на тит. л.: «Омского Уездного Училища / № 76: [зачёркнуто красными чернилами, написано «41»].

Первая публикация.

Датируется концом апреля – первой половиной мая 1852 г. – временем, когда Тургенев находился под арестом в Петербург за публикацию в газете «Московские ведомости» статьи о

Гоголе. В основе произведения лежат реальные события, происходившие в московском доме матери писателя Варвары Петровны Тургеневой.

По количеству переводов на иностранные языки, появившихся при жизни Тургенева, «Муму» занимает первое место среди повестей и рассказов 1840-х – начала 1850-х годов. По свидетельству В. Рольстона, английский философ и публицист Т. Карлейль, который лично был знаком с Тургеневым и переписывался с ним, утверждал, говоря о «Муму»: «Мне кажется, это самая трогательная история, какую мне случалось читать». В 1924 г. Д. Голсуорси в статье «Силуэты шести романистов» писал, имея в виду «Муму», что «никогда средствами искусства не было создано более волнующего протеста против тиранической жестокости».

В городе Онфлёр, Франция, установлен памятник Муму (проект Юрия Грымова и Владимира Цеслера). 25 марта 2004 года в Санкт-Петербурге на площади Тургенева состоялось открытие памятника Муму, приуроченное к 150-летию со дня первой публикации рассказа.

ПСС, 4, 603-610.

12. И. Т. [Тургенев И. С.] Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева // Современник. – 1854. – № 4. – С. 23-26 (паг. 3-я).

Надпись (с.129): Ф.Б.О.Ж.Г. / № 352 / Современникъ / за 1854 г.

Первая публикация.

«О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии», – утверждал Тургенев в письме к А. А. Фету 27 декабря 1858 г. Эти слова определяют его отношение к поэзии Тютчева на всём протяжении жизни. Для Тургенева Тютчев всегда был поэтом не только чувства, но и мысли, «мудрецом», поэтом со «светлым и чутким умом». Появление в приложении к третьей книжке «Современника» за 1854 год девяноста двух стихотворений Тютчева вызвало ответную читательскую реакцию Тургенева, который писал /.../ от его стихов не веет сочинением; они все кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гёте, то есть они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве, и по этому драгоценному качеству мы узнаем, между прочим, влияние па них Пушкина, видим в них отблеск его времени. «/.../ Мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им и сама его проникает нераздельно и неразрывно. /.../ Он не думает ни щеголять своим ощущением перед другими, ни играть с ним перед самим собой. В этом смысле поэзия его заслуживает названия дельной, то есть искренней, серьезной /.../. В г. Тютчеве замечен тонкий вкус – плод многостороннего образования, чтения и богатой жизненной опытности. Язык страсти, язык женского сердца ему знаком».

ПСС, 4, 678-680.

13. Тургенев Ив. Затишье // Современник. – 1854. – № 9. – С. 13-80.

На авантитуле наклейка с надписью: Фундаментальной библиотеки Омской женской гимназии. / По хронологическому № 352. Надпись (с.5): Ф.Б.О.Ж.Г. / № 352.

Первая публикация.

Многоплановая композиция повести, позволившая проследить судьбы героев из разных слоев русского общества, переплетение лирико-психологической и иронической манеры повествования – всё это создавало художественные предпосылки для появления тургеневских романов. В повести «Затишье» Тургенев широко воспользовался теми впечатлениями, которые он накопил, живя в провинции и общаясь с обитателями дворянских усадеб. Д. И. Писарев в статье «Писемский, Тургенев и Гончаров» (1861), писал, что люди, подобные Веретьеву, «это люди с кипучими силами, с огненным темпераментом, с огромными страстями, с резкими недостатками, но с яркими талантами и с могучими стремлениями. /.../ Кабы этим силам да другую сферу – было бы совсем другое дело. Тип широкой природы, разбрасывающейся в

простом народе на сивуху, а в среднем кругу – на шампанское, мог бы переродиться в тип талантливого, живого, веселого работника». Критик «Русского слова» Ап. Григорьев считал, что, создавая образ Веретьева, Тургенев стремился «развенчать в этом типе сторону безумной страсти или увлечений и безграничной любви к жизни, соединенных с какою-то отважною беспечностью и верою в минуту».

В рукописи «Затишья» Тургенев тщательно отделял каждую картину природы, настойчиво искал соответствия между красками, звуками и линиями, добиваясь наиболее точного художественного образа. Так, значительной правке подвергались описания сада в Ипатовке, ночи, грозы. Тургенев впоследствии вспоминал: «...в «Затишье» в описании сцены свидания мне никак не давалось описание утра. Только сижу я раз в своей комнате за книгой – вдруг точно что-то толкнуло меня – прошептало мне: «Невинная торжественность утра». Я вскочил даже: «Вот они, вот они, настоящие слова»».

Героиня повести Марья Павловна имела реальный прототип. Об этом пишет Н. А. Островская, которой Тургенев рассказывал, что в ««Затишье», в лице Маши, представлена им девушка, малороссиянка, которую он знал в молодости и в которую был немножко даже влюблен. Тургенев подчеркнул украинское происхождение Марьи Павловны и её любовь к украинским песням. В связи с этим М. Драгоманов писал: «...Тургенев завел со мною разговор и об Украине и выражал сожаление, что ему не удалось ближе познакомиться с этой страной и населением ее, редкие встречи с которым возбудили в нем горячие симпатии; памятником этих симпатий остаются в его романах: Маша в повести «Затишье» и Михалевич в «Дворянском гнезде»».

ПСС, 4, 633-644.

1855

14. Тургенев Ив. Месяц в деревне. Комедия в пяти действиях // Современник. – 1855. – № 1. – С. 29-170.

Ярлык: Фундаментальной библиотеки уездного училища. / Хронол. Катал. № 62 / Систем. Катал. Отд. № 33. Надпись на тит. л.: Омского Уездного Училища. Штемпель на тит. л.: Библиотека / школы имени Л. Н. Толстого / отдел № 77. Надпись (с. 5): Глав. Управ. З. С.

Первая публикация.

Первая публикация «Месяца в деревне» явилась результатом переработки первой редакции, которая писалась в 1848-1850 гг. в Париже и предназначалась для майской книжки «Современника» 1850 г., но в апреле была запрещена цензурой в корректуре.

В любовной коллизии пьесы проверяется жизненность и сила трёх социальных характеров: во-первых, дворянского либерала-интеллигента, носителя тонкой эмоциональной и духовной культуры; во-вторых, «положительного», делового человека – помещика-хозяина и, наконец, студента-разночинца, вдохновлённого идеями Белинского. В комедии художественно воплощены характерные для Тургенева уже с конца 40-х годов раздумья о «лишнем человеке», его психологии и социальной природе, о новом общественном явлении – разночинце-демократе, о судьбах русской женщины, об отношении человека к природе. По свидетельству современников, некоторые ситуации и образы «Месяца в деревне» носят автобиографический характер.

М. Г. Савина вспоминала: «...Наталья Петровна существовала и в действительности. Теперь я забыла ее фамилию, но в Спасском Тургенев показывал мне даже портрет ее. И прибавил при этом: А Ракитин это я. Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя». Особенно много внимания уделил Тургенев образу Натальи Петровны, одному из первых ярких образов «тургеневских» женщин. Он наделил Наталью Петровну незаурядным умом, страстной натурой, способностью глубоко чувствовать. Беляев недаром отдаёт ей предпочтение перед Верой.

Постановка «Месяца в деревне» впервые была осуществлена режиссёром А. Богдановым на сцене московского Малого театра 13 января 1872 г. в бенефис Е. Н. Васильевой. Пьесы г. Тургенева, написанные, несомненно, прекрасным литературным языком и чрезвычайно художественные и интересные в чтении, очень много теряют при сценическом исполнении. Несмотря на неуспех первого представления, пьеса прошла в Малом театре еще четыре раза (17, 18, 19 и 23 января 1872 г.). Вторично «Месяц в деревне» был поставлен уже в Петербурге, на сцене Александрийского театра 17 января 1879 г., в бенефис М. Г. Савиной. На первом представлении комедия имела большой успех. Почти все петербургские газеты посвятили разбору этого спектакля статьи своих театральных обозревателей, назвав его «действительным праздником для всех». Как драматическое произведение пьеса всеми газетами была названа «скучной» или даже «скучнейшей» и несценичной, хотя в то же время признавались её высокие литературные достоинства. «Месяц в деревне» нельзя даже назвать комедией – это просто диалогированная повесть; отсутствие драматической жилки бросается здесь в глаза на каждом шагу, так же как и блестящие достоинства романиста-художника. При жизни Тургенева «Месяц в деревне» был возобновлён в начале 1881 г. в московском Малом театре в бенефис Г. Н. Федотовой.

В 1899 г. Вл. И. Немирович-Данченко делился с П. Д. Боборыкиным своими планами поставить тургеневскую комедию так, «чтоб от нее веяло ароматом тургеневского таланта и его колоритом, чтобы вся пьеса дышала его мягким, деликатным анализом душевного брожения Натальи Петровны, Ракитина и т. д. и чтобы эти Наталья Петровна, Ракитины и другие были плотью от плоти и кровью от крови своей эпохи, со всем складом их внешней и духовной жизни». С несколько иных позиций подошел к постановке «Месяца в деревне» К. С. Станиславский, которого в первую очередь занимало не исторически-конкретное воспроизведение быта и психологии обитателей «дворянского гнезда», а возможность использования тургеневской драматургии для выработки новых способов раскрытия человеческих чувств, их оттенков и переходов – способов, отличных от привычных театральных приемов. «Спектакль и, в частности, я сам в роли Ракитина имели очень большой успех, – писал Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве». – Впервые были замечены и оценены результаты моей долгой лабораторной работы, которая помогла мне принести на сцену новый, необычный тон и манеру игры, отличавшие меня от других артистов. Я был счастлив и удовлетворен не столько личным актерским успехом, сколько признанием моего нового метода».

ПСС, 2, 636-659.

15. Тургенев Ив. Постоялый двор; Два слова о Грановском. (Письмо к редакторам «Современника») // Современник. – 1855. – № 11. – С. 1-49; С. 83-86 (паг. 2-я).

Ярлык на форзаце: Фундаментальной библиотеки уездного училища. / Хронол. Катал. № 62 / Систем. Катал. Отд. № 33. Надпись на тит. л.: «Омского Уездного Училища / № 77: [зачёркнуто красными чернилами, написано «72»].

Первая публикация.

«Постоялый двор» является шагом вперед в творчестве Тургенева. По сравнению с рассказами из «Записок охотника» характеры героев обрисованы в этом произведении более определённо и ярко, каждый из них показан во взаимодействиях с другими персонажами.

Когда «Постоялый двор» был перепечатан во второй части «Повестей и рассказов И. С. Тургенева» (СПб., 1856), он вызвал, наряду с «Муму», ряд отзывов в печати. В статье о «Повестях и рассказах И. С. Тургенева» С. С. Дудышкин писал, сопоставляя «Муму» и «Постоялый двор»: «...повинуясь, по-видимому /.../ теории художественного беспристрастия, г. Тургенев оканчивает свой «Постоялый двор» уже совсем не так, как «Муму». Там немой утопил свою собачонку, чтоб она никому не доставалась; здесь старый дворник, желавший поджечь свой двор, умеряет гнев свой и отправляется на богомолье. Здесь уж в раздраженную

натуру влит целительный бальзам примирения – конечно, на том основании, что оно так бывает на святой Руси».

В некрологе, посвящённом Т. Н. Грановскому, Тургенев писал: «Вчера были похороны Грановского. Потеря его принадлежит к числу общественных потерь, и отзовется горьким недоумением и скорбью во многих сердцах по всей России. /.../ Всякое общее чувство, даже скорбное, связуя людей, возвышает их. /.../ Для душ молодых, еще не искушенных, не утомленных «плоской незначительностью» житейских дрызг, такие ощущения особенно благотворны. /.../ Сообщу Вам несколько моих воспоминаний о нем. /.../ Ирония, особенно ирония едкая и безжалостная, была чужда его светлой душе. /.../ Чуждый педантизма, исполненный пленительного добродушия, он уже тогда внушал то невольное уважение к себе. От него веяло чем-то возвышенно чистым; ему было дано редкое и благодатное свойство не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого. /.../ Грановский был профессор превосходный, несмотря на его несколько замедленную речь, он владел тайною истинного красноречия; /.../ на звание специалиста, ученого в строгом смысле слова, он не имел притязания. /.../ Проникнутый весь наукой, посвятив себя всего делу просвещения и образования, – он считал самого себя как бы общественным достоянием, как бы принадлежностью всякого, кто хотел бы образоваться и просветиться. /.../ Время еще впереди, когда настанет для нас потребность в специалистах, ученых; мы нуждаемся теперь в бескорыстных неуклонных служителях Науки».

ПСС, 4, 611-623.

16. Тургенев Ив. Рудин // Современник. – 1856. – № 1. – С. 5-68; № 2. – С. 159-220.

Наклейка с надписью на авантадуле в журнале №1: Фундаментальной библиотеки Омской женской гимназии / По хронологическому № 353. Надпись (с. 5): «Ф.Б.О.Ж.Г. / № 353.

Надпись в экземпляре в журнале № 2 (с. 142): Современник Февраль 1856 года / Омского Уездного Училища / № 78: [зачеркнуто красными чернилами, написано «73»].

Первая публикация.

Опубликовано без эпилога, с подзаголовком «Повесть». На черновике романа Тургенев надписал: «Рудин. Начат 5 июня 1855 г., в воскресенье, в Спасском; кончен 24 июля 1855 г. в воскресенье, там же, в 7 недель. Напечатан с большими прибавлениями в январ. и февр. книжках «Современника» за 1856 г.». «От нечего делать, – пишет Тургенев Анненкову, – принялся я за работу и окончил преобладающую повесть, над которой трудился так, как еще ни разу в жизни не трудился. Совершенно не знаю, удалась ли она мне. Мысль ее хороша – но исполнение – вот в чем штука».

Ю. Айхенвальд оставил критический отзыв в «Силуэтах русских писателей»: «/.../ он [Рудин] не понятен, не ясен ему самому, и, как бы ни старался автор, а за ним и критики примирить в Рудине его пламенный энтузиазм и его ледяную холодность, его благородство и его склонность жить на чужой счет, он все же не сведен в одно естественное целое».

ПСС, 5, 463-498.

17. Тургенев Ив. Фауст // Современник. – 1856. – № 10. – С. 91-130.

Наклейка с надписью на тит. л.: Фундаментальной / Омской женской гимназии / По хронологическому № 353. Надпись (с.91): Ф.Б.О.Ж.Г. / № 353. Штемпель (с. 91): Омская городская библиотека периодических изданий.

Первая публикация.

К работе над «Фаустом» Тургенев приступил в конце июня – начале июля 1856 г. Собираясь выехать в Москву и навестить В. П. Боткина, Тургенев писал ему из Спасского: «Наговоримся – я тебе кое-что прочту – я-таки сделал что-то, хотя совсем не то, что думал». Работа над повестью продолжалась и за границей. 18 (30) августа из Парижа Тургенев отослал рукопись «Фауста» в редакцию журнала «Современник».

«Фауст» Тургенева был опубликован в том же номере, где была напечатана 1-я часть «Фауста» Гёте в переводе А. Н. Струговщикова. Н. Г. Чернышевский сообщал об этом Н. А. Некрасову в Рим: «...мне не нравятся два «Фауста» рядом – не потому, чтобы это было дурно для публики, напротив – но Тургеневу это, может быть, не понравится». Тургенев в письме к И. И. Панаеву высказывал свои опасения по этому поводу: «Я очень рад, что «Фауст» в окончательном виде тебе понравился; дай бог, чтобы он понравился также публике. Вы хорошо делаете, что помещаете перевод Гётева «Фауста»; боюсь только, чтобы этот колосс, даже в недостаточном переводе Струговщикова, не раздавил моего червячка; но это участь маленьких; и ей должно покориться».

«Фауст» писался Тургеневым в обстановке намечавшегося политического кризиса, после окончания Крымской войны и смерти Николая I. Внутренние истоки повести, обусловившие её грустную лирическую тональность, раскрываются Тургеневым в письме к М. Н. Толстой: «Видите ли, мне было горько стараться, не изведав полного счастья – и не свив себе покойного гнезда. Душа во мне была еще молода и рвалась и тосковала; а ум, охлажденный опытом, изредка поддаваясь ее порывам, вымещал на ней свою слабость горечью и иронией. /.../ Когда Вы меня знали, я еще мечтал о счастье, не хотел расстаться с надеждой; теперь я окончательно махнул на всё это рукой. /.../ «Фауст» был написан на переломе, на повороте жизни – вся душа вспыхнула досадным огнем воспоминаний, надежд, молодости...». Изображая душевное состояние героя повести, вернувшегося в родовое имение после долгого отсутствия и полюбившего замужнюю женщину, Тургенев исходил из личного опыта. Из Спасского Тургенев писал Е. Е. Ламберт: ««Я не рассчитываю более на счастье для себя, т. е. на счастье в том опять-таки тревожном смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла. Дай бог, чтобы плод по крайней мере был какой-нибудь – а эти напрасные порывания назад могут только помешать его созреванию. Должно учиться у природы ее правильному и спокойному ходу, ее смирению...». Возможно, что прототипом героини повести, Веры Николаевны Ельцовой, отчасти послужила сестра Л. Н. Толстого М. Н. Толстая, с которой Тургенев познакомился осенью 1854 г. в Покровском, имении Толстых, находившемся недалеко от Спасского.

«Фауст» сделан психологическим центром повести, выступает как важный момент в формировании ее героев, как кульминация развития событий. Знакомство с «Фаустом» Гёте, который был воспринят героиней повести прежде всего в плане изображённой в нём любовной трагедии, помогло ей осознать неполноту своей жизни, разрушило барьер, воздвигнутый матерью, решившей построить жизнь дочери только на разумных, рациональных началах, отгородив её от сильных чувств и страстей.

В изображении судьбы героев повести, их отношений выступает характерная для Тургенева тема трагизма любви. Эта тема звучит и в предшествующих «Фаусту» повестях «Затишье», «Переписка», «Яков Пасынков» и в последующих – «Ася» и «Первая любовь». Рассматривая любовь как проявление одной из стихийных, бессознательных и равнодушных к человеку сил природы, Тургенев в «Фаусте» показывает беспомощность, беззащитность человека перед этой силой. Не могут уберечь от нее героиню повести ни целенаправленное воспитание, ни «благополучно» устроенная семейная жизнь. Любовь возникает в повести как страсть, которая лишь на мгновение вносит в жизнь поэтическое озарение, а затем разрешается трагически.

ПСС, 5, 412-430.

1857

18. Тургенев Ив. Чужой хлеб. Комедия в двух действиях // Современник. – 1857. – № 3. – С. 81-133.

Наклейка с надписью на авантитуле: Фундаментальной библиотеки Омской женской гимназии / По хронологическому № 354. Надпись (с. 5): Ф.Б.О.Ж.Г. / № 354.

Первая публикация. Последнее название «Нахлебник».

Текст пьесы являлся переработкой первой ее редакции, написанной в 1848 г. и предназначенной, под названием «Нахлебник», для третьего номера «Отечественных записок» 1849 г., но запрещённой цензурой 22 февраля 1849 г.

ПСС, 2, 583-606.

1858

19. Тургенев Ив. Ася // Современник. – 1858. – № 1. – С. 39-84.

Наклейка с надписью на авантитуле: Фундаментальной библиотеки / Омской женской гимназии / По хронологическому 355. Надпись на тит. л.: № 355 / Сентябрь. Надпись (с. 1): Ф.Б.О.Ж.Г. / № 355. Штемпель (с.1): Омская городская библиотека периодических изданий.

Первая публикация.

Н. А. Островская так передает рассказ Тургенева о «зинцигском» впечатлении, послужившем толчком к оформлению замысла повести и началу работы над ней: «Вечером /.../ вздумал я поехать кататься на лодке. /.../ Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего – высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она, и зачем она в этом домике, какие ее отношения к старухе, – и так тут же, в лодке, и сложилась у меня вся фабула рассказа» (Т сб (Пиксанов), с. 78).

Повесть «Ася» была задумана Тургеневым в момент острого идейного и душевного кризиса и явилась ответом на целый комплекс общественных и личных вопросов, вставших перед ним в середине 1850-х годов. 17 февраля (1 марта) 1857 г. Тургенев сообщал В. П. Боткину о своём твердом намерении отказаться от творчества. При этом писатель не скрывал, что творческий его кризис вызван изменением «вкуса» читающей публики и появлением писателей такой огромной силы и такой оригинальности, как Толстой и Щедрин (к творчеству последнего он в это время относился без симпатии). «Изменение вкуса» публики Тургенев рассматривал как общественно-историческое явление, понимая, что самый состав публики расширяется и меняется. Еще в 1845 году Тургенев писал: «У каждого народа есть своя чисто литературная эпоха, которая мало-помалу приуготовляет другие, более обширные развития человеческого духа» (наст. изд., т. 1, с. 200). Повесть «Ася» создавалась в тот момент, когда мысль Тургенева была сосредоточена на этих, глубоко задевавших его вопросах, когда он производил оценку сделанного им в литературе и намечал дальнейшие пути своей деятельности: «В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которых прошедшее умирает и зарождается нечто новое; горе тому, кто не умеет их чувствовать, и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызывать к жизни то, что еще не созрело», – пишет он Е. Е. Ламберт 3 (15) ноября 1857 г., то есть в ту пору, когда работа над «Асей» вступала в стадию завершения. Глубокие социальные раздумья, тесно переплетённые с интимными переживаниями, с размышлениями о своей личной и писательской судьбе, нашли выражение не только в окончательном тексте повести, но и в самом процессе работы над произведением, отражённом в черновой рукописи.

ПСС, 5, 437-461.

1859

20. Тургенев И. С. Записки охотника / Сочинение Ивана Тургенева: [в 2 ч.] – Изд. второе (без перемен). – СПб.: В тип. К. Вульфа, 1859.

Ч. 2. – [1-7] 8-22 [23-25] 26-42 [43-45] 46-68 [69-71] 72-94 [95-97] 98-120 [121-123] 124-158 [159-161] 162-188 [189-191] 192-208 [209-211] 212-260 [261-263] 264-297 [299-301] 302-312 [313-314] с.

Омский экземпляр второй части «Записок охотника» 1859 года являет собой владельческий конволют, в котором находится первое издание первой части «Записок

охотника» 1852 года. В омском экземпляре сначала следует шмуцтитул «Записки охотника. / Часть вторая», а затем титульный лист.

Содержание: «Бирюк» (с. 5-22); «Два помещика» (с. 23-42); «Лебедян» (с. 43-68), «Татьяна Борисовна и её племянник» (с. 69-94); «Смерть» (с. 95-120); «Певцы» (с. 121-158); «Пётр Петрович Каратаев» (с. 159-188); «Свидание» (с. 189-208); «Гамлет Шигровского уезда» (с. 209-260); «Чертопханов и Недоплюскин» (с. 261-298); «Лес и степь» (с. 299-312).

21. Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Современник. – 1859. – № 1. – С. 5-160.

Надпись: Фундаментальной библиотеки Омской женской гимназии. / По хронологическому 356.

Первая публикация.

Текст романа создавался на протяжении нескольких месяцев, начиная с середины июня 1858 г., когда писатель приехал в Спасское, до середины декабря того же года, когда в Петербурге были им закончены последние исправления. Но замысел произведения, по собственному признанию Тургенева, относится к 1856 г. П. В. Анненков, встречавшийся с Тургеневым весной 1858 г. в Дрездене, так характеризует в своих воспоминаниях этот этап, весьма знаменательный в истории создания романа: «*Дворянское гнездо* зрело в уме Тургенева. /.../ Тургенев обладал способностью в частых и продолжительных своих переездах обдумывать нити будущих рассказов, так же точно, как создавать сцены и намечать подробности описаний, не прерывая горячих бесед кругом себя и часто участвуя в них весьма деятельно». В письме к П. Виардо Тургенев писал: «Я чувствую себя в настроении для работы, а между тем жар молодости уже покинул меня; я пишу с каким-то удивительным для себя спокойствием: лишь бы оно не отразилось на самом произведении!». Значительная категория авторских вставок в текст романа объединяется темой религии. Писатель делает множество вставок на полях автографа и на отдельных страницах, касающихся идей христианской морали, понятий смирения и долга, философских и культовых основ религии. Вставки эти по содержанию распадаются на две разные части. Одна из них, теснее всего связанная с образом Лизы Калитиной, оттеняет этическую сторону религиозности, способствующей воспитанию нравственной цельности, твёрдости убеждений, готовности к самопожертвованию во имя блага ближних. Характерны испещрённые вставками страницы, где описывается молитва обездоленных людей, ищущих в церкви утешения. Писатель дополнительно вводит в текст диалог между Лаврецким и Лизой о значении религии в истории человечества, о смысле христианства; делает большую вставку о патриотизме и народолюбии Лизы, заключающую сцену спора Лаврецкого и Паншина (весь монолог Паншина, обнаруживающий его презрение к России и поверхностное западничество, также вписан на полях автографа); вставлена мотивировка решения Лизы уйти в монастырь («Я всё знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю всё. Всё это отомлить, отомлить надо»). Неоднократно уточняются в тексте те места, где говорится о религиозных расхождениях Лаврецкого и Лизы. В этом смысле обращает на себя внимание последовательность правки в описании «молитвы» Лаврецкого во время обедни, на которую он пришёл по просьбе Лизы после известия о смерти Варвары Павловны. Уже в первоначальном варианте текста говорилось, что Лаврецкий, давно не посещавший церкви и не обращавшийся к Богу, не произносил и теперь никаких молитвенных слов, а только проникся чувством смирения и умиления при воспоминании о детской своей вере в ангела-хранителя. Далее в автографе следовал текст: «Много лет прошло с тех пор, снова его души коснулся ангел, и он знал, он чувствовал его увлекающую и недремлющую руку». Затем Тургенев решительно зачеркивает этот текст и добавляет детали, как бы оправдывающие умиление Лаврецкого и объясняющие его состояние внешними впечатлениями. Автор вписывает: «Ему было и хорошо и немного совестно. Чинно стоявший народ, родные лица, согласное пение, запах ладану, длинные косые лучи от окон, самая темнота стен и сводов – всё говорило его сердцу». При дальнейшей отделке

этого места, уже не в автографе, Тургенев еще раз добавляет: «он без слов даже не молился». А в главе XXXIV вписывает не вызывающую сомнений фразу: «В одном только они расходились; но Лиза втайне надеялась привести его к Богу». Самым значительным изменениям в процессе создания «Дворянского гнезда» подвергся образ Лизы Калитиной. Иными стали не только отдельные черты её облика, видоизменился самый замысел этого персонажа. В первоначальном слое черновой рукописи почти отсутствовала интеллектуальная характеристика героини; значительно рельефнее выделялись черты, оттенявшие её милую женственность: «чистая женская душа», кротость смирения, мягкая набожность, взгляд «честный и невинный», «доброе молодое лицо», «чистый, несколько строгий профиль», голос «тихий», движения исполнены «ласковой важности».

ПСС, 6., 370-416.

1867

22. Тургенев И. С. Дым: повесть // Русский вестник. – 1867. – № 3. – С. 5-160.

Ярлык: Библиотек Сибирского кадетского корпуса. / Отдел XV / № 576 .

Первая публикация.

Роман Тургенева «Дым» был написан за 6 месяцев. Замысел романа возник у Тургенева гораздо раньше и связан с историко-философскими и социально-политическими дискуссиями Тургенева с Герценом, Огарёвым и Бакуниным в Лондоне 1862 г. Тургенев считал, что политическая мысль в России ещё не оформилась. Он подвергал сатирическому осмеянию две группы политических спорщиков. В «Дыме» Тургенев высказал свою горечь по отношению ко всем слоям русского общества. Тургенева тревожил вопрос: как согласуется перестройка русского общества в пореформенный период с потребностями народной жизни? Этот вопрос он ставил и в письме к П. В. Анненкову: «Общество наше, легкое, немногочисленное, оторванное от почвы, закружилось, как перо, как пена; теперь оно готово отхлынуть или отлететь за тридевять земель от той точки, где недавно еще вертелось; а совершается ли при этом, хотя неловко, хотя косвенно, действительное развитие народа, этого никто сказать не может. Будем ждать и прислушиваться». Образ дыма – это метафора современной героям жизни. Призрачные, обволакивающие, неясные идеи, постоянно меняющие свою форму. А по содержанию – тот же дым. Этот почти финальный эпизод возвращения Литвинова на родину проясняет деятельную вялость героев, поступки которых Литвинов воспринимает как ненужную игру. Не дымом в финале оказывается рассудочная любовь Литвинова к Татьяне и народническая общественная деятельность на благо крестьян.

Лев Шестов писал: «В "Дыме" Тургенев специально создает фигуру Потугина, чтобы иметь возможность высказывать свои собственные, тайные и явные мысли. Он нападает и на представителей официальной России и на молодое поколение, выступает до некоторой степени в не идущей к нему роли сатирика».

ПСС, 7, 508-550.

1868

23. Тургенев Ив. История лейтенанта Ергунова // Русский вестник. – 1868. – № 1. – С. 241-271.

Ярлык на форзаце: Омская городская вторая библиотека. Штемпель (с. 5): Общество попечения о начальном образовании в Омске. / Библиотека.

Первая публикация.

В год своего пятидесятилетия, И. С. Тургенев опубликовал небольшую повесть «История лейтенанта Ергунова». Писал он её в Баден-Бадене, городе, где был счастлив. Еще весной 1866 г. Иван Сергеевич поделился сюжетом будущего рассказа с Полиной Виардо. Работал над ним с ожесточением, с подъёмом, «каждое утро, как негр». Замысел расширился,

заставил отложить на время и «Дым», и другие произведения. «История лейтенанта Ергунова» – это история молодой души, история любви. Офицер русского флота Кузьма Ергунов 25 лет от роду служил в южном портовом городе Николаеве. Встреча с белокурой щебетуньей Эмилией и всё дальнейшее, что произошло с ним в доме её тетушки странной мадам Фритче, пережитое им любовное приключение перевернули его судьбу. Ергунов полюбил и чуть было не поплатился своей жизнью. Самое таинственное и загадочное в повести то, что Ергунов выжил, и спасла его любовь. Но в женщинах он разуверился навсегда. Осталась растревоженная душа, ужасный шрам на голове от уха до уха да непрямой ритуал регулярного, раз в месяц, рассказа своей истории друзьям и новым знакомым. Сорок лет жил он этим знаменитым приключением.

ПСС, 8. 425-430.

24. Тургенев Ив. Бригадир: рассказ // Вестник Европы. – 1868. – № 1. – С. 1-22.

Ярлык на форзаце: Библиотека Сибирского кадетского корпуса. Отдел: XV / № 817.
Штемпель на форзаце: «Омская городская библиотека периодических изданий». Штемпель (с. 1): Б. Омской воен. прогим.

Первая публикация.

Замысел «Бригадира» сложился в сознании Тургенева в конце 1850 года, когда после смерти матери он разбирал её архив. Разоблачение крепостнических нравов, поэтическое изображение русской природы, очерк сильного и благородного характера, бытовые фигуры обитателей помещичьей усадьбы – всё это связывает рассказ «Бригадир» с циклом «Записки охотника». В одном из планов этого цикла содержится замысел рассказа «Человек екатерининского времени»: Тургенев в 1840-1850-е годы интересовался поколением русских людей XVIII века. Сюжет «Бригадира», в своей основе близкий к сюжету повести «Манон Леско» Прево (изображение самоотверженной любви простодушного и рыцарски чистого человека к женщине, вовлекающей его в преступления и приведшей на край гибели), заставляет вспомнить, что в доме Тургенева в Спасском был портрет женщины XVIII века, который называли портретом Манон Леско, и что в пору работы над «Записками охотника» и первыми комедиями (между «Бирюком» и «Нахлебником») Тургенев занимался переводом «Манон Леско» на русский язык. Стремясь воссоздать типы и события XVIII века, Тургенев шёл от реальных происшествий, следы которых сохранились в семейном архиве Лутовиновых. О письме бригадира племяннице Телегиной, воспроизводящем подлинное письмо гражданского мужа тётки В. П. Лутовиновой (Тургеневой) к последней, исследователь Н. М. Гутьяр писал: «В этом документе изменены только имена; но необычайные факты, сообщаемые рассказом, и жестокие характеры лиц Ломовского (Лутовиновского) семейства являются не вымышленными и не прикрашенными».

ПСС, 8, 431-441.

1869

25. Тургенев И.С. Сочинения. (1844-1868): Ч. 1-8. – Изд. братьев Салаевых. – М.: Тип. Грачева и К., 1869-1871.

Ч. 1. – [5], VIII-СII, [3]; 2-338 = 429 с.

Подчёркивания на страницах: 153, 165, 171-172, 182-183, 185, 192-195, 198, 206, 224, 238, 249, 287, 298. Надписи: с. 218 – «31 мая 1909 г.»; с. 281 – «14 марта 1923 г.»; с. 293 – [запись чернилами, неразборчиво].

Содержание: «Литературный вечер у П. А. Плетнева» (с. XIII-XXIV); «Воспоминания о Белинском» (с. XXV-LXVIII); «Гоголь» (с. LXX-LXXXIX); «По поводу *Отцов и детей*» (с. XC-SII); «Записки охотника»: «Хорь и Калиныч» (с. 1-14); «Ермолай и мельничиха» (с. 15-27); «Малиновая вода» (с. 28-38); «Уездный лекарь» (с. 39-49); «Мой сосед Радилов» (с. 50-58); «Одноворец Овсяников» (с. 59-78); «Льгов» (с. 79-91); «Бежин луг» (с. 92-114); «Касьян с

красивой мечи» (с. 115-135); «Бурмистр» (с. 136-150); «Контора» (с.151-170); «Бирюк» (с. 171-180); «Два помещика» (с. 181-190); «Лебедян» (с. 191-204), «Гатьяна Борисовна и её племянник» (с. 205-218); «Смерть» (с. 219-232); «Певцы» (с. 233-253); «Пётр Петрович Каратаев» (с. 254-270); «Свидание» (с. 271-281); «Гамлет Шигровского уезда» (с. 282-309); «Чертопханов и Недопюскин» (с. 310-330); «Лес и степь» (с. 331-338).

Первая публикация очерка «Гоголь» (с. LXIX-LXXXIX).

Очерк «Гоголь» был задуман в 1868 г. Тургенев вспоминает литературные встречи разных лет. И не только с Гоголем. Последние были, конечно, наиболее значительными. Он рассказывает о своём знакомстве с М. Н. Загоскиным в годы детства и о встрече с этим писателем незадолго до его смерти: о знакомстве с Жуковским по приезду в Петербург для поступления в столичный университет; об единственной краткой встрече с Крыловым; о двух встречах с Лермонтовым, которые, к сожалению, не привели к личному знакомству.

Тургенев считал себя учеником и последователем Гоголя. В своих литературно-критических статьях, а также в художественных произведениях он постоянно высказывался за развитие гоголевского направления, считая его ведущим в русской литературе. Высланный из Петербурга в Спасское-Лутовиново за некролог о Гоголе, Тургенев в течение полутора лет вынужденного уединения читал и перечитывал его произведения. Несомненно, что и Гоголь ценил Тургенева как писателя. Еще 7 сентября 1847 г., после появления в «Современнике» первых очерков, составивших впоследствии книгу «Записки охотника», Гоголь писал П. В. Анненкову: «Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем замечательный и обещает большую деятельность в будущем». Тургенев в своём очерке оставил удивительное по выразительности описание портрета Гоголя: «Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатога, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом. В небольших карих глазах искрилась по временам веселость – именно веселость, а не насмешливость; но вообще взгляд их казался усталым. Длинный, заостренный нос придавал физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье; невыгодное впечатление производили также его одутловатые, мягкие губы под остриженными усами: в их неопределенных очертаниях выражались – так, по крайней мере, мне показалось – темные стороны его характера: когда он говорил, они неприятно раскрывались и выказывали ряд нехороших зубов; маленький подбородок уходил в широкий бархатный черный галстук. В осанке Гоголя, в его телодвижениях было что-то не профессорское, а учительское – что-то напоминавшее преподавателей в провинциальных институтах и гимназиях. «Какое ты умное, и странное, и большое существо!» – невольно думалось, глядя на него /.../ я и не готовился ни к какой беседе – а просто жаждал видиться с человеком, творения которого я чуть не знал наизусть. Нынешним молодым людям даже трудно растолковать обаяние, окружавшее тогда его имя; теперь же и нет никого, на ком могло бы сосредоточиться общее внимание. /.../ Гоголь говорил много, с оживлением, размеренно отталкивая и отчеканивая каждое слово – что не только не казалось неестественным, но, напротив, придавало его речи какую-то приятную вескость и впечатлительность. Всё выходило ладно, складно, вкусно и метко. Впечатление усталости, болезненного, нервического беспокойства, которое он сперва произвел на меня, – исчезло. Он говорил о значении литературы, о призвании писателя, о том, как следует относиться к собственным произведениям; высказал несколько тонких и верных замечаний о самом процессе работы, о самой, если можно так выразиться, физиологии сочинительства*, и все это – языком образным, оригинальным и, сколько я мог заметить, нимало не подготовленным заранее, как это сплошь да рядом бывает у "знаменитостей"».

Поэзия Жуковского сыграла значительную роль в литературном развитии Тургенева в годы его детства и ранней юности. В письмах В. П. Тургеневой к сыну не раз встречается имя Жуковского с цитатами из его произведений. В годы пребывания в московском пансионе Тургенев усиленно читал Жуковского, знал наизусть многие строки из его посланий и баллад.

Лермонтов был одним из любимых поэтов Тургенева. Поэзия его оказала воздействие на раннее творчество Тургенева – стихотворения и поэмы. «Герой нашего времени» имел большое значение для становления тургеневской прозы 1840-х годов. К 1865 г. относится предисловие Тургенева к французскому переводу поэмы «Мцыри». В 1875 г. Тургенев написал рецензию на английский перевод «Демона», осуществленный А. Стифеном.

ПСС, 11, 354-356.

26. Тургенев Ив. Несчастливая // Русский Вестник. – 1869. – № 1. – С. 37-112.

Ярлык на форзаце: Библиотека Сибирского кадетского корпуса.

Первая публикация.

Тургенев сомневался в успехе своей повести, которая не была одобрена Полиной Виардо; писателю повесть казалась «мрачнейшей», «непроницаемо чёрной». В. Я. Брюсов, разбирая повесть «Несчастливая», утверждал, что «мелочность и пошлость Фустова охарактеризована очень выразительно», что сила Сусанны «в противодействии, в способности не покориться; это пассивная, неактивная сила /.../ она из всех испытаний вынесла свою душу – светлой и чистой. Она не героиня – она несчастная; в этом мораль и смысл повести».

ПСС, 8, 442-457.

27. Тургенев Ив. Воспоминания о Белинском // Вестник Европы. – 1869. – № 4. – 695-729.

Первая публикация.

Замысел очерка о Белинском возник у Тургенева в 1867 году, когда был задуман цикл «Литературных воспоминаний». «Воспоминания о Белинском» – не только рассказ о событиях двадцатилетней давности, но и живой отклик на общественные и литературные споры, возникшие в России в середине 1860-х годов. Д. Д. Минаев на страницах журнала «Дело» упрекнул Тургенева в том, что его «Воспоминания о Белинском» похожи скорее на отрывки из его собственной автобиографии.

Тургенев оставил интересное описание внешнего облика Белинского: «Это был человек среднего роста, на первый взгляд довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головой. Одна лопатка заметно выдавалась больше другой. /.../ Лицо он имел небольшое, бледно-красноватое, нос неправильный, как бы приплюснутый, рот слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькие частые зубы; густые белокурые волосы падали клоком на белый прекрасный, хоть и низкий лоб. Я не видал глаз более прелестных, чем у Белинского. Голубые, с золотыми искорками в глубине зрачков, эти глаза, в обычное время полузакрытые ресницами, расширялись и сверкали в минуты воодушевления; в минуты веселости взгляд их принимал пленительное выражение приветливой доброты и беспечного счастья. Голос у Белинского был слаб, с хрипотью, но приятен; говорил он с особенными ударениями и придыханиями, «упорствуя, волнуясь и спеша». Смеялся он от души, как ребенок. Он любил расхаживать по комнате, постукивая пальцами красивых и маленьких рук по табакерке с русским табаком. Кто видел его только на улице, когда в теплом картузе, старой енотовой шубенке и стоптанных калошах он торопливой и неровной походкой пробирался вдоль стен и с пугливой суровостью, свойственной нервическим людям, озирался вокруг, - тот

не мог составить себе верного о нем понятия. /.../ Между чужими людьми, на улице, Белинский легко робел и терялся. Дома он обыкновенно носил серый сюртук на вате и держался вообще очень опрятно. Его выговор, манеры, телодвижения живо напоминали его происхождение; вся его повадка была чисто русская, московская; недаром в жилах его текла беспримесная кровь - принадлежность нашего великорусского духовенства, столько веков недоступного влиянию иностранной породы».

ПСС, 11, 337-342.

28. Тургенев И. Литературный вечер у П. А. Плетнёва // Русский архив. – 1869. – № 10. – стб. 1663-1676.

Ярлык на форзаце: Библиотека Омского военного собрания /№ 192 по общему каталогу / № VIII отдела по частному каталогу. Суперэкслибрис на кожаном корешке: Б.О.Оф.С.

Первая публикация.

Плетнёв связан в воспоминаниях Тургенева с порой его студенчества. В «Автобиографии» он выделял Плетнёва как единственного профессора С.-Петербургского университета тех лет, который «умел действовать на слушателей» (наст. том, с. 204). Это было также время первых шагов Тургенева в литературе, которым Плетнёв способствовал, опубликовав в «Современнике» его юношеские стихотворения. Для Тургенева встречи с Плетнёвым, который воспринимался современниками как человек, причастный к «знаменитой литературной плеяде», были дороги прежде всего как общение с другом Пушкина, остававшегося всю жизнь «идолом» Тургенева, его «учителем». В 1864 г. Тургенев писал Плетнёву из Баден-Бадена: «Здесь русских довольно – да ни одного по душе. Не с кем потолковать о том, что любишь, о поэзии, о Пушкине. Не то, что с Вами».

ПСС, 11, 328-332.

1870

29. Тургенев Ив. Странная история // Вестник Европы. – 1870. – №1. – С. 66-85.

Штемпель (с.5): Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

Первая публикация.

Тургенев называл «Странную историю» то повестушкой, то рассказом, то просто штучкой, студией. Писатель ощущал новое эстетическое качество своих произведений. В переписке с друзьями использовал не только традиционные рассказ, очерк, повесть, но и собственную терминологию – «студия», «этюд», «эскиз», «отрывок» и т. п. Как правило, это небольшое по объёму произведение с однолинейным сюжетным узлом, с одновременной композицией, с ограниченным числом действующих лиц. Жанр «студии» предполагал обязательное аналитическое исследование психологии поведения отдельного человека в личном и социальном аспектах этой проблемы. При этом Тургенев выделяет в образе какую-то одну, главенствующую черту характера, поражающую своей необычностью. Героиня рассказа Софи относится к числу «активных героев, которые видят цель своего существования в служении высоким внеличным идеалам». И это сближает её с героинями романов Тургенева – с Лизой Калитиной («Дворянское гнездо») и Еленой Стаховой («Накануне»). С сюжетной линией «божьего человека» Василия связаны вопросы о загадочном и таинственном в природе и человеке, о религиозных предрассудках, бытующих в среде народа. С линией Софи – проблемы социальных пороков общества, бездуховной жизни провинциального дворянства и т. д. При этом доминирующей в произведении является тема самоотвержения.

ПСС, 8, 464-473.

30. Тургенев Ив. Казнь Тропмана // Вестник Европы. – 1870. – № 6. – С. 872-890.

Штемпель на форзаце: Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске.

Первая публикация.

7 (19) января 1870 г. в Париже был казнён за убийство семейства Кинков Жан Батист Тропман, механик, двадцати одного года. Французский писатель М. Дюкан пригласил Тургенева присутствовать на обряде подготовки убийцы к казни и на его гильотинировании. Тургенев был потрясён всем увиденным. «Я не забуду этой страшной ночи, – писал он П. В. Анненкову, – в течение которой «I have supp'd full of horrors» («Я досыта наглотался ужасов» – англ.) и получил окончательное омерзение к смертной казни вообще и к тому, как она совершается во Франции в особенности. Я начал уже письмо к Вам, в котором рассказываю всё подробно и которое Вы потом, если вздумаете, можете напечатать в «С.-Петербургских ведомостях». Скажу теперь одно – что подобного мужества, подобного презрения к смерти, как в Тропмане, я и представить себе не мог. Но вся вещь – ужасна... ужасна».

Когда «Казнь Тропмана» была напечатана в «Вестнике Европы», очерк Тургенева не вызвал большого числа печатных откликов. Это объясняется тем, что интерес к Тропману, через полгода после его гильотинирования, значительно ослаб, а идейная направленность очерка – протест против смертной казни или её публичности – формально не могла дать пищи к обсуждению, потому что в то время смертная казнь в России за уголовные (не политические) преступления была отменена.

С исключительной резкостью откликнулся на «Казнь Тропмана» Ф. М. Достоевский. Переживший в молодости смертный приговор и приготовление к казни, Достоевский возмущался тем, что Тургенев сосредоточился на собственных чувствах и не передал переживаний обречённого на смерть Тропмана. «Меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила, – писал он Н. Н. Страхову. – Почему он все конфузится и твердит, что не имел права тут быть /.../ Всего комичнее, что он в конце отвертывается и не видит, как казнят в последнюю минуту /.../ Впрочем, он себя выдает: главное впечатление статьи в результате – ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей целостности, о своем спокойствии – и это в виду отрубленной головы!». Достоевский пародировал очерк «Казнь Тропмана» в романе «Бесы».

ПСС, 11, 396-401.

31. Тургенев Ив. Степной король Лир // Вестник Европы. – 1870. – № 10. – С. 441-507.

Штемпель: Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске.
Суперэклибрис на кожаном корешке: О.П.В.В.

Первая публикация.

Знаменитые слова Лира: «Нет в мире виноватых», которые Тургенев считал моментом наивысшего озарения личности героя Шекспира, нашли своё отражение в повести. В черновой рукописи текста писатель тщательно разработал важный эпизод – беседу Натальи Николаевны с Харловым, во время которой она добивается ответа на вопрос, как произошло изгнание Харлова и кто повинен в его несчастье. Харлов утверждал: «...больше всех виноват я сам», – и, отвергая мысль богатой соседки о том, что «вина» его состояла в неосмотрительной щедрости, поясняет: «...не тем я провинился, сударыня, а гордостью. Гордость погубила меня», – и тут же, на полях, Тургенев приписывает: «не хуже царя Навуходносора». Этому сознанию героя соответствует мнение народа о трагической вине семьи Харловых: «Казалось, все эти люди знали, что грех, в который впало харловское семейство, – тот великий грех поступил теперь в ведение единого праведного Судии и что, следовательно, им уже не для чего было беспокоиться и негодовать». Крестьянам придан здесь тот строй чувств, который Тургенев ощущал в трагедии Шекспира и который дал ему основание в юбилейной речи 1864 г. назвать

великого английского драматурга «беспощаднейшим и, как старец Лир, всепрощающим сердцеведцем». Беспощадностью оценок и высокой терпимостью проникнуты и внесенные при переписке белого автографа эпизоды, которые содержат оценку крестьянами характера Харлова и его судьбы: «А ведь покойный сам вас притеснял? – спросил я одного мужика, в котором я признал харловского крестьянина. – Барин был, известно, – отвечал мужик, – а всё-таки... обидели его!».

ПСС, 8, 476-490.

1871

32. Тургенев И.С. Сочинения. (1844-1868): [в 8 ч.]. – Изд. братьев Салаевых. – М.: Тип. Грачева и К, 1869.

Ч.8: Дополнительный том: 1868-1870. – [3], 6- 182 = 180 с.

Ярлыки: «Сибирского кадетского корпуса / №257 / принята 29 авг. / 1884 г.»; «Библиотеки Сибирской воен. гимназии / Зала «А». / Шкап 42. / полка 7. / №38.

Листы с подтёками от воды, частичная реставрация страниц (35-38). Подчёркивания на страницах: 21, 22, 41, 136,

Содержание: Странная история (5-32); Казнь Тропманна (33-60); Степной король Лир (61-148); Стук...стук...стук! (149-182).

Издательство Салаевых была основано в 1827 году Иваном Григорьевичем Салаевым, умелым, сметливым и энергичным предпринимателем, и его братом Афанасием Григорьевичем. Они были книгоиздателями и книгопродавцами. После смерти Ивана Григорьевича в 1858 году его дело перешло к его сыновьям. Возглавил издательство Николай Иванович (1821-1867), старший из братьев Салаевых, и с этой поры фирма братьев Салаевых стала бурно развиваться и приобрела широкую известность. Они занимались преимущественно изданием учебной литературы и в этом деле были почти монополисты. Впоследствии стали издавать и художественную литературу. Салаевы стали издавать произведения И. С. Тургенева.

Тургенев писал Салаеву: «Милостивый государь! Вчера я получил 8-й том моих сочинений (теперь их у меня 6: 3-й, 4-й, 5-й, 8-й, 9, 10), также и Ваше письмо. Вы вероятно уже получили теперь все рукописные прибавления к 1-му тому, а через несколько дней получите и портрет. Препятствия, следовательно, к окончанию печатания нет. Что же касается до исправления опечаток – я боюсь как бы не задержать дело. Так как мне пришлось бы перечесть все тома – труд не маловажный и потому вот что я вам предлагаю: тома 3 и 4-й и 5-й (романы) я перечту сам и пришлю Вам список главнейших опечаток, если таковые найдутся; что же касается до остальных томов, то потрудитесь найти какого-нибудь грамотного и аккуратного человека, которому бы один из ваших корректоров прочел бы мой исправленный оригинал, а тот бы следя за текстом, отмечал бы важнейшие опечатки. Это стоило бы Вам рублей сто, никак не больше, полагая за чтение каждого тома 15 рублей. – Если бы мой хороший приятель Н. Х. Кетчер взялся бы за это – лучше никого представить нельзя – он же корректировал одно из моих прежних изданий, но он на вряд ли согласится. Во всяком случае, полагаю, что такого человека сыскать не слишком трудно – и таким образом не было бы задержки. Корректуру 3-го, 4-го и 5-го томов Вы получите во всяком случае через 10 дней или две недели. Жду также корректуру с рукописью... Примите уверения в совершенном моем уважении. И. Тургенев».

Эти слова уважения и признательности писателя не носят формального характера. Между ним и издателями складывались порой очень доверительные, дружественные отношения. В одном из своих писем к Стасюлевичу 6/18 августа 1876 г. Тургенев замечает, что с Салаевым его связывает не только слово, но и нравственный долг. Он писал: «...что же касается до вашего любезного предложения, то вот какая вышла штука. – Положительного обещания я Салаеву не дал – но нравственно почти к тому обязан – вот по какой причине. – Не

знаю, писал ли я вам, что мой управляющий меня почти окончательно разорил. – Я его прогнал; но должен был выехать из деревни без гроша – и если бы Салаев в Москве не выдал мне в июле деньги, которые он по контракту обязан был мне выдать только в декабре – я не знаю, с чем бы я доехал! – Из сего следует и т.д. – Впрочем обо всем этом переговорим при личном свидании...» – заключает он своё письмо.

См.: Миронов А. Г. И. С. Тургенев и книгоиздательство братьев Салаевых в Москве // Книга. Исследования и материалы. Сб. 5. М., 1961. – С. 323-345.

33. Тургенев Ив. «Стук...Стук...Стук!..» // Вестник Европы. – 1871. – № 1. – С. 50-75.
Штемпель на форзаце: Омская городская библиотека периодических изданий.
Первая публикация.

Рассказ был написан в августе – сентябре 1870 г. под впечатлением летнего пребывания в России. Рассказ «Стук... стук... стук!..» создавался под настроениями, близкими к тем, которыми отмечен роман «Дым». Рисуя тип человека, безгранично верящего в свою звезду, готового к решительным действиям и мечтающего о карьере Бонапарта, но совершенно лишённого какого-либо содержания, Тургенев не мог полностью отвлечься от впечатлений европейской политической жизни. Обострение европейских политических конфликтов, приведших к Франко-прусской войне, полной дискредитации, а затем к падению ненавистного ему режима Наполеона III, очевидно, возбудило с новой силой в сознании писателя презрение ко всякого рода «Наполеонам маленьким». Главному герою рассказа (Теглеву) присущ тип «фатального» человека: «обожание Наполеона; вера в судьбу, в звезду, в силу характера, поза и фраза – и тоска пустоты». Тургенев резко отделял юношей, претендующих на звание «новых людей», но повинных «в скудости мысли, в отсутствии познаний и, главное, в бедности, в нищенской бедности дарований», от «молодых людей с мнениями гораздо более резкими, с формами гораздо более угловатыми», но в которых ощущалось «действительное присутствие силы, и таланта, и ума».

ПСС, 8, 494-498.

34. Тургенев Ив. Николай Иванович Тургенев // Вестник Европы. – 1871. – № 12. – С. 913-920.

Штемпель на форзаце: Омская городская библиотека периодических изданий.
Первая публикация.

С декабристом Н. И. Тургеневым И. С. Тургенева связывала многолетняя дружба, возникшая в 1845 году и продолжавшаяся до смерти Николая Ивановича (1871 г.). Находясь в Париже, Тургенев часто встречался с Н. И. Тургеневым и его семьей, постоянно жившими там с 1831 года, а во время отъездов Ивана Сергеевича из Франции между обоими Тургеневыми поддерживалась регулярная переписка. В конце 1850-х годов, в период начавшейся в России подготовки к реформе, в экономических и политических взглядах Н. И. Тургенева произошли изменения, поставившие его в ряд наиболее радикально настроенных деятелей освобождения крестьян. Находясь в дружеских отношениях с лондонскими эмигрантами – Огаревым и Герценом, Н. И. Тургенев выступил в «Колоколе» с рядом статей по крестьянскому вопросу. В тот же период и на той же почве происходит еще большее сближение Н. И. Тургенева с автором «Записок охотника». И. С. Тургенев впервые высказал публично свое отношение к Н. И. Тургеневу как к деятелю крестьянской реформы в речи на парижском банкете в 1863 году по поводу второй годовщины акта 19-го февраля. Отдельные положения этой речи вошли в данный некролог.

ПСС, 11, 414-416.

35. Тургенев Ив. Вешние воды // Вестник Европы. – 1872. – № 1. – С. 5-129.

Штемпель (с. 5): Омская городская библиотека периодических изданий.

Первая публикация.

В середине мая 1840 г. Тургенев приехал на родину Гёте – во Франкфурт-на-Майне. Он бродил по тесным и тёмным улицам города с неровными булыжными мостовыми, пока не очутился в шестом часу вечера усталый в одной из самых незначительных улиц Франкфурта. Эту улицу он долго потом не мог забыть. В кондитерской, куда зашёл выпить стакан лимонаду, увидел он дочь хозяйки, девушку необыкновенной красоты. Она взволнованно попросила его помочь привести в чувство её брата, лежавшего в глубоком обмороке. Встреча с этой девушкой и неожиданно охватившее его чувство нежной влюбленности, потушить которое ему удалось потом только поспешным отъездом, послужили через тридцать лет основой для повести «Вешние воды».

Лев Шестов писал: «В "Вешних водах" Марья Николаевна изображена чудесно, в смысле общей задачи рассказа, даже лучше, чем бы следовало. Тургенев, по ходу дела, должен был представить ее неинтересной женщиной, умевшей одержать победу над Саниным только благодаря его молодости и неопытности. А меж тем, он нарисовал картину захватывающей первобытной правды и потому именно столь величественной и манящей страсти. Нигде Тургеневу не удавалось говорить о любви с большей силой и мощью. Словно бы в нем самом на мгновение проснулись воспоминания о другой огромной страсти, пережитой его отдаленным предком тысячи лет тому назад. Даже язык, которым описывается сцена в лесу, как будто уже не тургеневский». «Вешние воды» кончаются посрамлением Санина, не умевшего побороть соблазн и отдавшегося минутному увлечению: «Она (Марья Николаевна) медленно перебирала эти безответные волосы, сама вся выпрямилась, на губах змеилось торжество, а глаза, широкие и светлые до белизны, выражали одну безжалостную тупость и сытость победы. У ястреба, который когтит пойманную птицу, такие бывают глаза».

ПСС, 8, 500-527.

36. Тургенев Ив. Конец Чертопханова // Вестник Европы. – 1872. – № 11. – С. 5-46.

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел XV / № 1059. Штемпели (с. 5): Омская городская библиотека периодических изданий; Б. Омской воен. прогим.

Первая публикация.

В отличие от других рассказов «Записок охотника», над которыми Тургенев работал в 70-х годах, «Конец Чертопханова» не был завершением старых набросков, а создавался в 1871-1872 годах совершенно заново. Замысел «Конца Чертопханова» связан своими корнями с первыми произведениями цикла. Рассказ получился значительно длиннее прочих и разбит на нумерованные главки, чего нет в других рассказах «Записок охотника». «Конец Чертопханова» – это история помещика, который, спасая жида, получает в подарок великолепного коня, ставшего причиной его гибели. Значительное место в произведении занимает описание лошади. Тургеневу было важно показать с психологической достоверностью, как постепенно лошадь в сознании героя вытесняет любимого человека. Таким образом, писатель раскрывает характер героя, главной чертой которого было желание превосходить других, обладать предметом зависти окружающих.

ПСС, 3, 507-509.

37. Тургенев Ив. Пунин и Бабурин // Вестник Европы. – 1874. – № 4. – С. 553-601.

Штемпель: Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске. Суперэкслибрис на кожаном корешке: О.П.В.В.

Первая публикация.

«Пунин и Бабурин» – самая крупная повесть, примыкающая по своему идейному замыслу к последнему роману писателя «Новь». Повесть, создававшаяся во время перерывов в работе над этим романом, персонажи которого должны были стать воплощением новых взглядов Тургенева на тип «полезного» общественного деятеля, необходимый в политических условиях России 1870-х годов. Действие в повести происходит в 1830-е – 1840-е годы. Кажущийся уход в прошлое таил в себе глубокий смысл: в прошлом Тургенев стремился найти истоки многих современных ему явлений русской жизни; наблюдая русский национальный характер, «русскую суть», он пытался ответить на самые злободневные вопросы. Повесть «Пунин и Бабурин» была для писателя новой попыткой в этом направлении. Бабурин (предшественник Базарова) – образ незаурядной личности мещанина-республиканца, энергично протестующего против деспотизма.

ПСС, 9, 430-443.

38. Тургенев Ив. Живые мощи. Отрывок из «Записок охотника» // Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. – СПб.: Типография А. М. Котомина, 1874. – С. 65-79.

Ярлык на форзаце: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел III / № 1755.

Первая публикация.

Тургенев писал в 1874 г. Я. Полонскому: «Любезный Яков Петрович! Желая внести свою лепту в «Складчину» и не имея ничего готового, стал я рыться в своих старых бумагах и отыскал прилагаемый отрывок из «Записок охотника», который прошу тебя препроводить по принадлежности. Всех их напечатано двадцать два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными из опасения, что цензура их не пропустит; другие – потому что показались мне не довольно интересными или не идущими к делу. К числу последних принадлежит и набросок, озаглавленный «Живые мощи». – Конечно, мне было бы приятнее прислать что-нибудь более значительное; но чем богат – тем и рад. Да и сверх того, указание на «долготерпение» нашего народа, быть может, не вполне неуместно в издании, подобном «Складчине». Кстати, позволь рассказать тебе анекдот, относящийся тоже к голодному времени у нас на Руси. В 1841 году, как известно, Тульская и смежные с ней губернии чуть не вымерли поголовно. Несколько лет спустя, проезжая с товарищем по этой самой Тульской губернии, мы остановились в деревенском трактире и стали пить чай. Товарищ мой принялся рассказывать, не помню какой случай из своей жизни, и упомянул о человеке, умиравшем с голоду и «худом, как скелет». – «Позвольте, барин, доложить, – вмешался старик хозяин, присутствовавший при нашей беседе, – от голода не худеют, а пухнут». – «Как так?» – «Да так же-с; человек пухнет, отекает весь как склянка (яблоко такое бывает). Вот и мы в 1841 году все пухлые ходили». – «А! в 1841 году! – подхватил я. – Страшное было время?» – «Да, батюшка, страшное». – «Ну и что? – спросил я, – были тогда беспорядки, грабежи?» – «Какие, батюшка, беспорядки? – возразил с изумлением старик. – Ты и так Богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?». Мне кажется, что помогать такому народу, когда его постигает несчастье, священный долг каждого из нас».

ПСС, 3, 511-514.

1875

39. Тургенев Ив. Письмо к редактору по поводу смерти гр. А. К. Толстого // Вестник Европы. – 1875. – № 11. – С. 433-434.

Ярлык: Библиотека Омского военного собрания. / № 61 по каталогу. / № VIII отдела. Штемпель (с.5): Омская городская библиотека периодических изданий.

Первая публикация.

4 (16) октября 1875 г. Тургенев получил от Стасюлевича сообщение о смерти А. К. Толстого, последовавшей 16 (28) сентября 1875 г., и предложение написать для «Вестника Европы» некролог. Присущая Тургеневу двойственная оценка Толстого – высокая как человека и весьма сдержанная как поэта – несколько сглажена в некрологе, но звучит откровенно в его письмах. Впоследствии, отвечая на письмо М. Е. Салтыкова, назвавшего некролог «панегириком», Тургенев отозвался о своей публикации: «...Вы и правы, и не правы. Разумеется, это панегирик в смысле старинной поговорки: *De mortuis nil nisi bene* [О мертвых ничего, кроме хорошего (лат.)], но есть и *circonstances atténuantes* [смягчающие обстоятельства (франц.)]. Во-первых, у меня попросили этой статейки – а отказаться я не мог, потому что был лично обязан Толстому; во-вторых, я продолжаю думать, что Т[олстой] хотя второстепенный (пожалуй, третьестепенный) – но все-таки поэт; в-третьих, он был человек хотя не больно умный – но хороший, и добрый, и гуманный. Наконец, надо и то заметить, что Стасюлевич выкинул несколько фраз, в которых заключались оговорки. Протестовать против этого не стоило. Хвалить таких людей, как Т[олстой] – после смерти – позволительно, при жизни – дело другое. Тут есть оттенок, который Вы почувствуете – и не припишете каким-либо посторонним соображениям».

ПСС, 11, 421-423.

1876

40. Тургенев Ив. Часы // Вестник Европы. – 1876. – № 1. – С. 1-48.

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел XV / № 913. Штемпель на обложке: Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

Первая публикация.

Тургенев писал рассказ в общей сложности больше года. Он начал в Спасском, затем уехал в Москву, Петербург и за границу. Рассказ состоит из 26 пронумерованных главок. Рассказчик, старик Алексей, в 1850 г. вспоминает о событиях юности, случившихся в 1801 году. Весь сюжет связан с подаренными Алексею крестным часами, которые герои даже называют заколдованными, потому что они проявляют неожиданные, часто худшие или скрытые качества их характеров. Кульминация рассказа – уничтожение злополучных часов и несчастье с Давыдом, которое продолжает действовать на героев, как часы, и проявляет худшие качества отца Алексея и тётки, лучшие качества Латкина и истинную любовь Раи и Давыда. Образ серебряных часов луковицей с розаном становится символом пролетевшей жизни, упущенных возможностей, тоски по молодости.

ПСС, 9, 446-456.

1877

41. Тургенев Ив. Новь // Вестник Европы. – 1877. – № 1. – С. 5-136; № 2. – С. 465-580.

Ярлык: Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии. / Хронологический каталог № 829 / Отдел XIII / № 6. Штемпель (с .5): Омская городская библиотека периодических изданий.

Первая публикация.

«Новь» – роман о народническом движении в России. Отдавая дань уважения героическому порыву молодежи, ее подвигу самопожертвования, не веря в возможность революционных преобразований, Тургенев придает участнику «хождения в народ», «романтику реализма» Нежданову черты «российского Гамлета». В 1870-е годы, живя в Париже, Тургенев сблизился с деятелями народнического движения – Г. А. Лопатиным, П. Л. Лавровым, С. М. Степняком-Кравчинским; материально помогал народническому журналу «Вперед».

В «Лекциях по русской литературе» В. Набоков предлагает следующую характеристику романа: «Тургенев в «Нови» пытался изобразить разные типы русских людей, оказавшихся в

конфликте с социальным движением того времени (70-е гг.). С одной стороны, мы видим здесь революционеров, настойчиво стремящихся приблизиться к народу: (1) гамлетовские сомнения Нежданова, образованного, утонченного главного героя, испытывающего тайную склонность к поэзии и романтическим приключениям, но напрочь лишенного чувства юмора, как большинство тургеневских положительных героев, к тому же слабого и ущербного во всем, кроме чувства собственной неполноценности и бесполезности; (2) Марианна – чистая, правдивая в своей суровой наивности девушка, готовая умереть здесь и сейчас за высокое «дело»; (3) Соломин – сильный и молчаливый человек; (4) Маркелов – честный болван. С другой стороны, мы находим здесь мнимых либералов и откровенных реакционеров, как Сипягин и Калломейцев. Роман этот – весьма посредственное рукоделье, в котором автор со всей силой своего таланта безуспешно тщится придать жизненности героям и сюжету, выбранным не столько по велению его гения, а скорее для того, чтобы во всеуслышание высказаться на злобу дня».

Лев Шестов оставил интересные наблюдения о Тургеневе – авторе романа «Новь»: «/.../ у Достоевского было предвзятое намерение представить в карикатурном виде молодое поколение, и хотя он тоже не совсем мог отделаться от общественной точки зрения, все же насколько больше чутья проявил он в "Бесах", чем Тургенев в "Нови". /.../ Тургенев же почти не отличал нигилистов от либералов. Ему казалось, что "нигилисты" только одна из общественных партий, добивавшаяся реформ и не умевшая понять, что всякого рода прогресс достигается не бурными революциями, а рядом медленных, постепенных перемен. Он не допускал и мыслей о том, что наши нигилисты продолжали бы свое страшное дело даже и в том случае, если бы все реформы, о каких только мечтали в Европе, были осуществлены в России, и что "постепенность" внушала им отвращение не потому, что она не достаточно быстро приводила к желанным результатам, а потому, что о результатах они, хотя и говорили, но никогда не думали. Тургенев не понимал, что нигилисты остались бы одинаково беспокойным элементом, независимо от того, пришлось бы им жить при крепостном праве или в идеально устроенном государстве будущего. /.../ Тургенев надеялся, что выручат старые приемы – и написал "Новь" по тому же шаблону, по которому были написаны "Рудин", "Отцы и дети"».

ПСС, 9, 478-543.

42. Тургенев Иван. [Предисловие к переводам повестей Флобера «Католическая легенда о Юлиане Милостивом» и «Иродиада»] // Вестник Европы. – 1877. – № 4. – С. 603.

Ярлык: Фундаментальной библиотеки Омской женской гимназии / По хронологическому каталогу № 461. Штемпель (с.469): Омская городская библиотека периодических изданий.

Первая публикация.

Написанное в форме письма к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, предисловие Тургенева к сделанному им переводу двух повестей Г. Флобера явилось своеобразной рекомендацией их русскому читателю. Вместе с тем, Тургенев изложил в нём своё понимание творчества французского писателя. Замысел предисловия возник у Тургенева в связи с завершением перевода «Легенды о святом Юлиане Милостивом» и с намерением писателя перевести вторую повесть Флобера, «Иродиаду». 17 февраля (1 марта) 1877 г. Тургенев писал по этому поводу Стасюлевичу: «Мне бы очень хотелось, чтобы обе эти легенды появились в апрельской книжке с небольшим предисловием от моего лица».

ПСС, 10, 530.

43. Тургенев Ив. Рассказ отца Алексея // Вестник Европы. – 1877. – № 5. – С. 99-110.

Ярлык: «Библиотека Омского военного собрания / № 63 по общему каталогу / № VIII отдела по частному / каталогу. Штемпель (с. 6): Омская городская библиотека периодических изданий.

Первая публикация.

В период работы Тургенева над рассказом разгорается острая полемика вокруг «Нови», вышедшей в свет в январском и февральском номерах «Вестника Европы». Вскоре после опубликования первой части романа в Париж из России начали доходить отрицательные отклики, которые удручающе действовали на писателя. Тургенев писал о своём намерении не выступать более с крупными художественными произведениями и о решении заняться переводами. К 17 февраля 1877 г. Тургенев завершил перевод «Легенды о св. Юлиане Милостивом» Флобера и начал переводить другую его легенду – «Иродиада». Параллельно с переводами «готических» легенд Тургенев написал «небольшой, тоже легендообразный рассказ», содержание которого было почерпнуто им из его старых отечественных воспоминаний. Отойдя от актуальной проблематики своего последнего романа о народниках, Тургенев создал рассказ, тематически примыкающий к опубликованному в начале 1877 г. «Сну» и другим его так называемым таинственным повестям и рассказам 1860–1870-х годов.

В рассказе Тургенева сын сельского священника Яков, решивший порвать с духовной карьерой и стать доктором, чтобы «ближним помогать», пошел на «святотатство» по «велению дьявола». Тургенев проявлял особенный интерес к явлениям «святотатства» в эпоху повсеместного распространения философии позитивизма и естественнонаучного эмпиризма. Тургенев показал фантастическое преломление в восприятии суеверного простодушного человека истории гибели его сына. Юноша из двухсотлетнего рода приходских священников не выдержал сомнений, стал жертвой галлюцинаций, кульминационным завершением которых стало содеянное в состоянии одержимости «преступления», которое будучи следствием его болезненного кризиса, предстает как проявление «таинственных», ещё не познанных стихийных сил.

ПСС, 9, 467-475.

44. Тургенев И. С. Из письма в редакцию: [По поводу смерти С. К. Брюлловой] // Вестник Европы. – 1877. – № 11. – С. 448-449.

Ярлык: Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии /хронологический каталог № 829 / Отдел XIII / № 6. Штемпель: Омская городская библиотека периодических изданий».

С. 448-449: «В одном из некрологов покойной я прочел описание впечатления, произведенного на меня Софьей Константиновной (тогда еще Кавелиной) – на педагогическом диспуте, в Санкт-Петербурге. – Да! Это был незабвенный для меня вечер. – Маленькая, небольшого роста, девушка в простом сереньком платьице, с белым платочком на шее, с назад зачесанными недлинными русыми волосами, говорила почти еще детским голосом там умно и увлекательно, возражала так дельно, высказывала такое разнообразное знание своего предмета, такие энциклопедические сведения, - что все слушатели – (а их собралось много на этот диспут) – были поражены – скажу прямо: очарованы. /.../ Девушка не была красавицей; но более миловидного, симпатического лица представить нельзя: нежно-белый лоб светился умом и чуткостью мысли, та же живая мысль играла в глазах, звучала в голосе. /.../ Мне потом довольно часто приходилось беседовать с Софьей Константиновной; иногда я вступал с нею в спор. – Но всякий раз я уносил с собой убеждение, что в ней воплотился один из лучших наших женских типов. В каждом ее слове, взгляде, движении высказывалась душа свободная – свободная прежде всего! – чуждая всему мелкому, низкому, узкому, деятельная, трудолюбивая, всегда готовая помочь, принести пользу, кроткая при всей энергии, веселая при все глубине натуры. /.../ Подумайте одно: оплакивая раннюю кончину этой 25-летней женщины, можно без преувеличения сказать, что в ее лице изучение, преподавание истории у нас на Руси понесли значительную утрату...»

Софья Константиновна Брюллова (рожденная Кавелина, 1851-1877), дочь Константина Дмитриевича Кавелина (1818 -1885), русского историка, правоведа, психолога, социолога и

публициста, с которым Тургенев познакомился в 1843 г., когда они оба были членами кружка Белинского. Кавелин впоследствии сотрудничал вместе с Тургеневым в «Современнике», «Колоколе» и других изданиях.

В основу некролога легли воспоминания Тургенева о диспуте 19-летней Кавелиной с известным педагогом В. Д. Сиповским о методах преподавания истории в средних учебных заведениях. Тургенев присутствовал на этом диспуте, и выступление юной Кавелиной произвело на него сильное впечатление. Со времени диспута между писателем и молодой девушкой завязалась переписка. Под свежим впечатлением от диспута Тургенев писал П. Виардо о Кавелиной 22 февраля 1871 г.: «Вот это, несомненно, нечто новое, и ни тени педантизма, детская непосредственность, такая полная отрешенность от всего личного, что исчезает всякая робость. Это удивительно! Ей хлопали оглушительно».

ПСС, 11, 433-435.

1878

45. Тургенев И. Новые письма А. С. Пушкина // Вестник Европы. – 1878. – № 1. – С. 7-8.

Ярлык: Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии. / Хронологический каталог № 830 / Отдел XIII / № 6. Штемпель на форзаце: Омская городская библиотека периодических изданий.

Первая публикация.

Переговоры Тургенева с младшей дочерью Пушкина, гр. Н. А. Меренберг (1836-1913), о публикации находившихся в ее руках писем поэта к невесте, потом жене, Н. Н. Пушкиной, урожденной Гончаровой (1812-1863), начались весной 1876 г. У Анненкова возникли сомнения, можно ли издать полностью тексты этих интимно-семейных писем. Сомнения эти разделял, ознакомившись с письмами, и Тургенев, предложивший их для публикации «Вестнику Европы»: «Они крайне любопытны, – писал он М. М. Стасюлевичу, – но насколько удобны к печати – это другой вопрос. Надо было бы выкинуть самое интересное, ибо П<ушкин> не церемонился со своей женою – и высказывался очень резко насчет своих и ее родных, знакомых и т. д.». После долгих переговоров, затянувшихся из-за колебаний гр. Меренберг, а затем вследствие того, что Тургенев был занят завершением и печатанием романа «Новь», – тексты писем, отредактированные им, только в октябре 1877 г. поступили в набор.

Тургенев внимательно отнесся к своим обязанностям «издателя» (т. е. редактора) писем, выправляя орфографию и устраняя самые интимные детали, а также то, что могло вызвать цензурные затруднения (резкие упоминания о Николае I и т. п.). Тогда же, по просьбе Стасюлевича, было написано Тургеневым предисловие к письмам и отправлено ему в Петербург. Смысл предисловия он видел в том, чтобы объяснить значение писем для читателей, оправдать появление этих семейных документов в печати и устранить возможность кривотолков.

Первая часть писем Пушкина была напечатана в «Вестнике Европы», 1878, № 1, с. 11-46. За предисловием Тургенева следует второе, редакционное предисловие, справочно-биографического характера. Вторая часть писем появилась в № 3 журнала, с. 5-38. При печатании Стасюлевич восстановил – полностью или частично – почти все пропуски в текстах, сделанные Тургеневым, на что последний жаловался П. В. Анненкову в письме.

Несмотря на предисловие Тургенева, письма Пушкина были плохо поняты современниками и даже вызвали возмущение в кругах дворянских читателей. «Первая половина писем, – писал Тургенев Анненкову, – в публике не имела успеха. Письма нашли слишком бесцеремонными и грубыми». Тургенев получил даже сообщение, что «сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить» его за издание писем их отца. Тургенев вопрошал в письме: «Почему же меня – а не родную сестру, разрешившую печатание?..».

ПСС, 10, 597-598.

46. Тургенев Ив. Пергамские раскопки: письмо в редакцию // Вестник Европы. – 1880. – № 4. – С. 767-771.

Штемпель: «Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске». Суперэклибрис на кожаном корешке: О.П.В.В. Штемпель на обложке: Городская библиотека имени Ф.М. Достоевского.

Первая публикация.

Раскопки алтаря Зевса, одного из крупнейших памятников античного мира, производились в 1878-1879 гг. на территории древнего города Пергама в Мизии (Малой Азии). Фрагменты алтаря были доставлены в Берлин и помещены сначала в Берлинском музее, где велась многолетняя кропотливая работа по реставрации памятника, а затем в специально построенном для алтаря Зевса помещении – Пергамон-музее. Тургенев познакомился с алтарем Зевса в Берлинском музее в первый период его демонстрации, когда плиты с горельефами, изображающими битву богов с гигантами, ещё не были реставрированы и, видимо, даже не было окончательно установлено расположение многих из них. Очевидно, Тургенев посетил Берлинский музей по пути в Россию в начале февраля 1880 г. О впечатлении, произведённом на него пергамскими горельефами, Тургенев рассказал сразу же по приезде в Петербург в литературном кружке М. М. Стасюлевича на одной из «пятниц» у Я. П. Полонского.

Весною 1880 г., приехав в Пушкинский праздник прямо из Берлина, Тургенев за завтраком у редактора журнала заинтересовал всех своим рассказом о пергамских раскопках, которые в том году только что начали приводиться в порядок в берлинском музее. Кто-то из присутствовавших заметил Тургеневу, что он непременно должен написать статью об этом. Тургенев тотчас же пообещал, но редактор выразил сомнение, чтобы это когда-нибудь было исполнено им, если его не запереть в комнату. Тургенев торжественно встал, напомнил, как в старину в Сенате снимали сапоги с неблагонадежных писарей, чтоб они не убежали со службы, извинился, что подагра не позволяет ему прибегнуть к такому способу удостоверения в его благонадежности, и тут же снял с себя галстук в виде залога, заметив, что порядочному человеку без галстука нельзя уйти так же, как и без сапог, – и ушел в кабинет. Через час времени он уже вынес написанный им этюд: «Пергамские раскопки». По-видимому, статья «Пергамские раскопки», начатая у Стасюлевича как «блестящая импровизация», заканчивалась уже дома. Она приобрела характерную для тургеневских корреспонденции форму «письма в редакцию» и была отправлена для апрельского номера «Вестника Европы», который выходил в свет без опозданий первого числа каждого месяца.

Один из самых проникательных отзывов принадлежит Анненкову, почувствовавшему в небольшом очерке глубокие философско-эстетические раздумья Тургенева о природе античного искусства, о вечности и власти над сознанием человека искусства, красоты. «Две странички «Пергамских раскопок» принадлежат сами к изящнейшим горельефам русской литературы. Статейка так и просится в образцы стиля, чувства, красоты мысли и выражения», – писал он Стасюлевичу.

ПСС, 10, 575-576.

47. Тургенев И. С. Речь И. С. Тургенева, читанная в публичном заседании Общества любителей Российской словесности по поводу открытия памятника А. С. Пушкина в Москве // Вестник Европы. – 1880. – № 7. – С. IV-XIII.

Штемпель: «Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске». Суперэклибрис на кожаном корешке: О.П.В.В. Штемпель на тит. л.: Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

Первая публикация.

Открытие памятника А. С. Пушкину (скульптор А. М. Опекушин) состоялось в Москве 6 июня 1880 года. Речи, произнесенные по поводу этого события, вызвали многочисленные отклики в печати, где особенно выделялись речи Достоевского и Тургенева. Речь Достоевского, убежденная и страстная, произвела более яркое и глубокое впечатление, чем изящная, проникнутая высокой и тонкой культурой, но очень сдержанная и по тону, и по выводам речь Тургенева, который писал: «Поразительна в поэтическом темпераменте Пушкина эта особенная смесь страстности и спокойствия, или, говоря точнее, эта объективность его дарования, в котором субъективность его личности сказывается лишь одним внутренним жаром и огнем. /.../ Эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений – все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех иностранцев, которым он стал доступен».

48. Тургенев Ив. Предисловие к публикации: из пушкинской переписки. Три письма // Вестник Европы. – 1880. – № 12. – С. 819.

Штемпель: Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске. Суперэклибрис на кожаном корешке: О.П.В.В. Штемпель (с. 457): Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

Первая публикация.

Публикация Тургенева – один из последних его откликов на Пушкинские торжества в Москве, происходившие в июне 1880 г. Тургенев послал М. М. Стасюлевичу два письма Пушкина и одно – С. Л. Пушкина к Тургеневым, «сообщенных» ему – очевидно в копиях – сыновьями Н. И. Тургенева, приложив к ним комментируемое примечание.

ПСС, 10, 602.

1881

49. Тургенев Ив. Крокет в Виндзоре // Слово. – 1881. – № 3. – С. 135-136.

Суперэклибрис на кожаном корешке: В.К.Б. [Войсковая казачья библиотека].

Редакция журнала поместила следующий комментарий (с.135): «Настоящее стихотворение было написано И. С. Тургеневым в 1876 г. Печатание этого стихотворения могло в то время казаться неудобным; но теперь, по нашему мнению, к помещению его в журнале не может быть препятствий, – тем более, что оно уже довольно распространено – в неверных списках». Позиция Англии, молчаливо поддерживавшая Турцию в её кровавых злодеяниях против Болгарии и снабжавшая её оружием, вызвала гнев и единодушное осуждение в русском обществе. Выражением этого гнева стало стихотворение И. С. Тургенева «Крокет в Виндзоре». По словам поэта, оно было написано в июле 1876 г.: «Эту штуку я... написал или, вернее, придумал ночью, во время бессонницы, сидя в вагоне Николаевской дороги – и под влиянием вычитанных из газет болгарских ужасов». Стихотворение сразу приобрело широчайшую известность и, распространяясь в списках, буквально «облетело всю Россию».

Сидит королева в Виндзорском бору...

Придворные дамы играют

В вошедшую в моду недавно игру;

Ту крокет игру называют.

Катают шары и в отмеченный круг

Их гонят так ловко и смело...

Глядит королева, смеется... и вдруг

Умолкла... лицо помертвело.

Ей чудится: вместо точеных шаров,
Гонимых лопаткой проворной –
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию черной...
То головы женщин, девиц и детей...
На лицах – следы истязаний,
И зверских обид, и звериных когтей –
Весь ужас предсмертных страданий.

И вот королевина младшая дочь –
Прелестная дева – катает
Одну из голов – и все далее, прочь –
И к царским ногам подгоняет.
Головка ребенка, в пушистых кудрях...
И ротик лепечет укоры...
И вскрикнула тут королева и страх
Безумный застлал ее взоры.

«Мой доктор! На помощь! скорей!» И ему
Она поверяет виденье...
Но он ей в ответ: «Не дивлюсь ничему;
Газет вас расстроило чтение.
Толкует нам «Таймс», как болгарский народ
Стал жертвой турецкого гнева...
Вот капли... примите... все это пройдет!»
И в замок идет королева.

Вернулась домой – и в раздумье стоит...
Склонились тяжелые вежды...
О ужас! кровавой струею залит
Весь край королевской одежды!
«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!»
«Нет, ваше величество! Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!»

50. Тургенев Ив. Песнь торжествующей любви // Вестник Европы. – 1881. – № 11. – С. 5-24.

Штемпель на форзаце: Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске. Суперэклибрис на кожаном корешке: О.П.В.В. Штемпель (с.5): Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

Первая публикация.

«Песнь торжествующей любви» стоит в общем ряду так называемых «таинственных повестей» Тургенева («Сон», «Клара Милич» и др.). Выполненная в жанре «италианской хроники», она соотносится с многочисленными произведениями западноевропейской литературы (с новеллами эпохи Возрождения, Стендаля, Мериме, Флобера, Гофмана и др.). В конце XIX века были созданы либретто и написана музыка двух опер на основе тургеневского сюжета. Опера В. Н. Гартевельда, впервые поставленная в 1895 г. в Харькове, неоднократно затем (до 1909 г.) ставилась в Москве и во многих провинциальных театрах. Опера А. Ю. Симона (либретто Н. Н. Вильде) шла в 1897 г. в Большом театре; партию Фабио пел Л. В. Собинов

ПСС, 10, 412-420.

51. Тургенев Ив. Отчаянный // Вестник Европы. – 1882. – № 1. – С. 37-56.

Штемпель: Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске. Суперэкслибрис на кожаном корешке: О.П.В.В. Штемпель на обложке тит. л.: Книжный магазин С. Г. Александрова / в г. Омске. Штемпель (тит. л., с.5): Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

Первая публикация.

Художник В. В. Верещагин в своих воспоминаниях рассказывал, что в младшем классе Морского корпуса вместе с ним учился племянник Тургенева, «с первых же дней прозванный отчаянный; он скоро убежал из корпуса, и Иван Сергеевич снова привез его, уже связанного». Вспоминая об этом, Верещагин высказал предположение, не был ли это «тот самый Мишка, о котором Тургенев впоследствии писал и рассказывал».

Тургенев неоднократно выступал в Париже с чтением «Отчаянного». Вспоминая об одном таком чтении, происходившем на квартире у писателя, В. В. Верещагин пишет: «Этот же самый рассказ я слышал из уст И. С. и он произвел на меня несравненно большее впечатление, чем в чтении. Я знал, что Тургенев хорошо рассказывает, но в последнее время он был всегда утомлен и начинал говорить как-то вяло, неохотно, только понемногу входя в роль, оживляясь. В данном случае, когда он дошел до того момента, где Мишка ведет плясовую целой компании нищих, И. С. встал с кресла, развел руками и начал выплясывать трепака, да ведь как выплясывать! /.../ Я просто любовался им и не утерпел, захолопал в ладоши, закричал: «Браво браво, браво!» И он, по-видимому, не утомился после этого, по крайней мере, пока я сидел у него, продолжал оживленно разговаривать...».

Против стремления Тургенева «объяснить некоторые явления нашей жизни отчаянностью» выступил и Д. Н. Мамин-Сибиряк в неопубликованной статье «Последний рассказ И. С. Тургенева». «Мы, просматривая /.../ длинный ряд вышибленных из обыкновенной колеи людей, ничего не видим в них отчаянного, а, наоборот, это люди, как все люди, с той разницей, что это необыкновенно честные натуры, любящие, нежные. Во все времена таких людей легионы, и они проходят совершенно незамеченными, если их не выдвинут на сцену какие-нибудь исключительные обстоятельства. Вот как для романиста, так равно для психолога, социолога и всякого простого смертного и важно выяснить именно этот решающий момент, когда такие люди говорят «не могу» и превращаются в отчаянных. Для различных натур, темпераментов, условий воспитания, общественного положения этот момент наступает в разное время /.../. Но, во всяком случае, самой интересной в этом отношении является такая постановка вопроса, когда в отчаянного человека превращается не какой-нибудь оглашенный или пропойца, а самый заурядный смертный», – писал Мамин-Сибиряк. По его мнению, «вот именно этого-то вопроса и не решено, и новое произведение Тургенева является только неудачной попыткой в этом направлении».

С художественной стороны рассказ в большинстве отзывов был оценён положительно. ПСС, 10, 403-410.

52. Тургенев И. С. Стихотворения в прозе // Вестник Европы. – 1882. – № 12. – С. 473-520.

Штемпель (на обложке и на с. 473): Книжный магазин С. Г. Александрова в г. Омске.

Первая публикация.

Данная публикация представляет собой первую часть «Стихотворений в прозе» (50 стих.). Вторая часть стихотворений (32 стих.), при жизни автора не публиковавшихся, находилось в тургеневском архиве у наследников П. Виардо.

«Стихотворения в прозе» являют собой лирический дневник последних лет И. С. Тургенева. Писатель, при всяком выдающемся случае, под живым впечатлением факта

или блеснувшей мысли, писал на первом попавшемся клочке бумаги и складывал всё в портфель. Многие фрагменты хранили отблеск интимных переживаний Тургенева. Первоначально цикл стихотворений в прозе получил заглавие «Senilia» («Старческое»; «Бред»). П. Анненков (будучи одним из первых читателей стихотворений в прозе Тургенева) писал: «/.../ что за гуманность, что за теплое слово, при простоте и радужных красках, что за грусть, покорность судьбе и радость за человеческое свое существование».

«Стихотворения в прозе» ввели новый прозаический жанр малой формы в русскую литературу. Впоследствии тургеневской манере «Стихотворений в прозе» подражал К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин. В начале XX века возник новый жанр, «мелодекламация», для которого писалась музыка иллюстративного характера. В 1903 г. А. С. Аренский написал музыку для чтения «Стихотворений в прозе» В. Ф. Комиссаржевской («Как хороши, как свежи были розы...», «Лазурное царство», «Нимфы»). Мелодекламация на текст Тургенева «Сфинкс» написана была А. Д. Кастальским и включена в его оперу «Клара Милич» (1907).

В 1918 г. Л. П. Гроссман назвал «Стихотворениях в прозе» «последней поэмой Тургенева». Автор писал: «/.../ несмотря на кажущуюся отрывочность отдельных стихотворений тургеневского цикла, он представляет собою стройное композиционное целое. Это строго согласованное, сжатое тисками трудной, искусной и совершенной формы, отшлифованное и законченное создание представляет в своем целом поэму о пройденном жизненном пути...». Гроссман выделил главные темы «Стихотворений в прозе: Россия, Христос, Конец света, Рок, Природа, Любовь, Смерть, Безверие.

1883

53. Тургенев Ив. Клара Милич: повесть // Вестник Европы. – 1883. – № 1. – С. 13-62.

Штемпель: Правление общества взаимного вспоможения приказчиков в Омске. Суперэкслибрис на кожаном корешке: О.П.В.В. Штемпель на обложке тит. л.: Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

Первая публикация.

Иннокентий Анненский в свое время по-особенному (поэтически) «вчитался» в последний текст умирающего Тургенева: «С Klarой Милич в музыку тургеневского творчества вошла новая звенящая нота. Это была нота физического страдания. «Все мешается кругом – и среди крутящейся мглы Аратов видит Klarу в театральном костюме: она подносит склянку к губам, слышатся отдаленные «браво! браво!» и чей-то грубый голос кричит Аратову на ухо: «А ты думал, это все комедией кончится? Нет, это трагедия, трагедия!»».

ПСС, 10, 423-433.

2. Публикации о творчестве Ивана Сергеевича Тургенева (1850-1883)

1850

54. [Дружинин А. В.] Современные заметки: письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // Современник. – 1850. – № 5. – С. 66-146 (паг. 6-я).

Ярлык: «Фундаментальная библиотека Омского городского училища / хрон. № 57». Надпись на форзаце: «Современник / май 1850 года / Канц. Глав. Упр. Зап. Сиб.».

О Тургеневе с. 80-81: «В «Отечественных записках» за апрель месяц /.../ помещён маленький рассказ г. Тургенева «Дневник лишнего человека». Повесть эта принадлежит к самым слабым произведениям автора «Записок Охотника». Это одна из тех повестей, которые никогда не дочитываются до конца, и о которых два-три любителя выражаются с глубокомысленным видом: «это собственно не повесть, а психологическое развитие». /.../ Мы в последнее время так уже привыкли /.../ к рассказам «темных», «праздных», «лишних» людей, к запискам мечтателей и ипохондриков, мы так часто /.../ заглядывали в душу героев больных, робких, загнанных, огорченных, вялых, что наши потребности совершенно изменились. Мы не хотим тоски, не желаем произведений, основанных на болезненном настроении духа. /.../ Может быть, я и не прав, но мое заблуждение разделяют многие, предпочитающие свежий воздух и веселую природу душевной комнате больного, да сверх того еще и мнительного человека. Прочитав с довольно унылым чувством повесть г. Тургенева, я задумался над этой повестью одного из любимых моих писателей. Мне захотелось разгадать одну из главных причин той мелочности, в которую впала наша беллетристика за последние пять или шесть лет».

ДРУЖИНИН Александр Васильевич (1824-1864) – русский писатель, литературный критик, переводчик Байрона и Шекспира; инициатор создания Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным. Родился в состоятельной чиновничьей семье, образование получил в Пажеском корпусе. В редакционном кружке «Современника» с конца 1840-х по конец 1850-х годов Дружинин был близок с Д. В. Григоровичем, И. С. Тургеневым и в особенности с П. В. Анненковым и В. П. Боткиным, с которыми его сближали не только литературно-эстетические предпочтения, но и житейские развлечения. В «Письмах иногороднего подписчика» Дружинин подчёркивал, что он из «хорошего общества» и часто распространялся о «хорошем тоне джентльмена».

1851

55. [Гаевский В. П.] Обзор русской литературы за 1850 год. II. Романы, повести, драматические произведения, стихотворения // Современник. – 1851. – № 2. – С. 33-74 (паг. 3-я).

Ярлык: «Фундаментальная библиотека Омского городского училища». Надпись на форзаце: «№ 23. / Современникъ / Февраль 1851 года / Канцелярии Главного управления Западной Сибири».

О Тургеневе с. 56-64: «Если мы скажем, что ряд статей, под одним общим заглавием «Записки Охотника» – лучшее произведение г. Тургенева, мы, может быть, повторим только сказанное прежде нас многими /.../ в произведениях г. Тургенева мы чувствуем русскую природу, русский лес, русские широкие поля /.../ мы дышим русским воздухом».

ГАЕВСКИЙ Виктор Павлович (1826 - 1888) – критик, историк литературы, присяжный поверенный Санкт-Петербургской окружной судебной палаты, принимал весьма близкое участие в реформах графа С. С. Уварова. Родился в 1826 году в дворянской семье. В 1845 году закончил Александровский лицей. Редактор в журнале «Современник» (1850-1853). Под

редакцией Гаевского и с его примечаниями издано Литературным фондом «Первое собрание писем И. С. Тургенева» (СПб., 1884).

56. [Дружинин А. В.] Современные заметки: письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // Современник. – 1851. – № 2. – С. 215-254 (паг. 6-я).

Ярлык: «Фундаментальная библиотека Омского городского училища». Надпись на форзаце: «№23. / Современникъ / Февраль 1851 года / Канцелярии Главного управления Западной Сибири».

О Тургеневе с.226: «Провинциалка, комедия г. Тургенева, /.../ не принадлежит к числу лучших вещей даровитого автора, несмотря на прекрасный язык, которым она написана».

57. Театральная хроника. I. Русский театр: Провинциалка, комедия г. Тургенева // Отечественные записки. – 1851. – № 3. – С. 57-62 (паг. 8-я).

Надпись на форзаце: «Отечественные записки / Март / 1851 года / Канцелярии Главного Управления Западной Сибири».

С.57: «/.../ первое место принадлежит комедии г. Тургенева, известной уже читателям «Отечественных записок» – Провинциалке. Эта небольшая, но тщательно отделанная пьеска, смотрится с таким же удовольствием, как и читается. В ней одно главное лицо /.../ это Дарья Ивановна, жена уездного стряпчего, предназначенная судьбою для жизни шумной и суетливой, для жизни больших городов, а не для мелких интересов какого-нибудь маленького уездного городка».

58. Периодические издания: [обзор] // Отечественные записки. – 1851. – № 4. – С. 81-116 (паг. 2-я).

О Тургеневе с. 104-105: «Два рассказа из «Записок Охотника» (И. С. Тургенева): Бежин луг и Касьян с Красивой Мечи, принадлежат, по нашему мнению, к лучшим рассказам, особенно последний. Они оригинальны и по действующим лицам, и по содержанию /.../ если портреты некоторых мальчиков, разговаривающих на Бежином Лугу, несколько приукрашены, то нельзя видеть подобной лести в Касьяне. /.../ часть каждого рассказа г. Тургенева составляет описание русской природы, которое мы можем назвать истинно описательной поэзией».

59. Комета, учебно-литературный альманах, изд. Н. Щепкиным. М., 1851: [рецензия] // Современник. – 1851. – № 5. – С. 1-32 (паг. 3-я).

Ярлык: «Фундаментальная библиотека Омского городского училища / Хрон. № 58». Надпись на форзаце: «Современник / Май / 1851 года / Канцелярии Главного управления Западной Сибири».

О Тургеневе с. 5-6: «Разговор на дороге» г. Тургенева принадлежит к лучшим статьям альманаха, хотя, может быть, и не к лучшим произведениям автора. Но такова увлекательная грация его таланта, что, несмотря на некоторую неточность, которая чувствуется здесь в простонародном складе речи, мы прочли этот разговор с большим удовольствием. На всем, что пишет г. Тургенев, даже на тех из его произведений, которые менее удались ему, лежит особенная аристократическая прелесть, какая-то мягкая и несколько изнеженная грация, невольно заставляющая любить даже и такие из его произведений, которые не удовлетворяют всем требованиям искусства. /.../ Так как изобретательность легко достается ему, то автор, кажется, не хочет дать себе труда глубже вдумываться в свои создания».

1852

60. [Дудышкин С. С.] Русская литература в 1851 году // Отечественные записки. – 1852. – № 1. – С. 1-60 (паг.4-я).

Ярлык вырезан.

О Тургеневе на с.12 : «.../ умная пьеса Тургенева «Провинциалка», которая при всем отсутствии театральных эффектов, любимых большинством публики, имела большой успех в представлении. /.../из двух рассказов г-на Тургенева «Бежин луг» и «Касьян с Красивой Мечи», последний нравится нам особенно».

ДУДЫШКИН Степан Семёнович (1820-1866) – журналист и критик. Родился в небогатой купеческой семье. Окончил Витебскую гимназию (1837) и юридическое отделение Санкт-Петербургского университета (1841). Сотрудничал в «Отечественных записках», после смерти Валериана Майкова (1823-1847) заведовал критическим отделом этого журнала, а с 1861 года был его фактическим редактором. Вместе с Анненковым и Дружининым Дудышкин представлял дворянское направление в критике 50-х гг. XIX века. Состоял членом Русского географического общества (с 1859). Член комитета Литературного фонда. Совместно с А. А. Краевским в 1858 - 1860 годах издал серию книг «Историки и публицисты новейшего времени в переводе на русский язык». Подготовил первое критическое собрание сочинений М. Ю. Лермонтова (1860).

61. [Дудышкин С. С.] Петербургские театры в ноябре и декабре // Отечественные записки. – 1852. – №1. – С.57-72 (паг.4-я).

Ярлык вырезан.

О Тургеневе с. 60: «.../ прекрасная комедия г. Тургенева «Где тонко, там и рвется». /.../ В ней очень верно и умно обрисовано положение молодого человека лет тридцати, который влюблен, и даже очень, но не хочет или боится жениться, между тем, как исход его любви заключается в одном только браке. /.../ Судя по тому, что эта пьеса явилась на сцене года три после того, как была напечатана, можно заключить, что она писана не для сцены. В ней очень мало сценического, очень мало того, что поражало бы всех, нравилось бы всем. В ней также есть много длиннот, очень занимательных и даже необходимых в чтении, но утомительных на сцене. Вот почему эта пьеса произвела сомнительное впечатление, несмотря на то, что была прекрасно разыграна. Г-жа Самойлова и г-н Максимов очень верно поняли свои роли и сумели с большим искусством передать их психологическую сторону».

1854

62. Библиографическая хроника // Отечественные записки. – 1854. – № 3. – С. 1-56 (паг. 4-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища». / Хрон. № 50». Надпись на форзаце: «№ 66 / Отечест. Записки / 1854 / март / Глав. Управ. Запад. Сибири».

О Тургеневе с. 47-51: «Повесть г. Тургенева «Два приятеля» искренно обрадовало нас. Что б ни написал г. Тургенев – очерк ли из крестьянского быта, повесть ли, в которой действует средний наш класс, мы всегда читаем каждое произведение автора с особенным удовольствием. Мы откровенно говорим, подкуплены талантом г. Тургенева /.../ Мы любим произведения г. Тургенева потому, что видим в них писателя мыслящего, образованного и даровитого. /.../ В повести «Два приятеля» есть два лица /.../ На Вязовнина можно смотреть и как на фразера, и как на натуру «непризнанную», слегка разочарованную /.../ которому скучно от странного деревенского соседства. Доброта Барсукова, его снисходительность, его радушие, при всей его угловатости, говорят вам, что это русский благородный человек; только вследствие стечения обстоятельств он убежал сам в себя».

63. Библиографическая хроника // Отечественные записки. – 1854. – № 11. – С. 1-52 (паг. 4-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища». / Хрон. № 50».

О Тургеневе с. 30-33: «В 9-м номере «Современника» напечатана повесть г. Тургенева «Затишье». Повесть эта безжалостнейшим образом погубила тех молодых и немолодых людей, в роде Веретьева, которым некогда давался такой большой простор в нашей литературе, и которые вечно подавали надежды всем читателям /.../ О том, что в повести много ума – и говорить нечего. Веретьев и Астахов – два лица, которые выражают идеи автора, вышли живыми, а не вывесками мысли; это лучшая похвала, по нашему мнению, которую можно сделать автору».

1855

64. [Анненков П. В.] О мысли в произведениях изящной словесности. (Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л. Н. Т[олстого] // Современник. – 1855. – № 1. – С. 1-26 (паг. 3-я).

Ярлык: Фундаментальной библиотеки уездного училища». / Хронол. катал. № 62 / Систем. катал. Отд. V № 33».

С. 12: «.../ в повестях «Два приятеля» и «Затишье» г. Тургенев занимается типом, весьма хорошо известным в литературе нашей. В течение последнего десятилетия литература наша постоянно и во всех видах старалась передать нравственную физиономию человека с развитой мыслью, но с неопределенной волей и ничтожным характером, с громкими задачами для жизни и большими требованиями от нее, но с бессилием к исполнению самой малой доли житейских обязанностей». С. 20-21: «г. Тургенев еще не вполне дописывает свои лица и образы, отчего им не достаёт совершенной очевидности, и слишком много в них предоставлено отгадке читателя /.../ целиком переносить из действительности образы легче, чем вдумываться в них, чем отыскивать слово, оправдывающее какую либо загадочную пустоту или странность /.../ Мы не знаем, чем завершит свою деятельность г. Тургенев, но уже довольно ясно видим его стремление к высшему роду повествования».

АННЕНКОВ Павел Васильевич (1812-1887) – известный литератор, критик-мемуарист, убеждённый западник, из дворянского рода. Лично знал К. Маркса и находился с ним в переписке. Павел Васильевич Анненков вошёл в русскую культуру как основатель пушкинистики. Он записывал под диктовку Николая Гоголя первый том «Мёртвых душ»; наблюдал, как Виссарион Белинский незадолго до смерти работал над вызвавшим большой общественный резонанс «Письмом к Гоголю»; входил в круг лиц, приглашённых на защиту диссертации Николая Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Анненков находился в Париже в дни революции; раньше других (благодаря обширным знакомствам в самых разных сферах) узнал о грядущей крестьянской реформе. Он не пропускал значимых театральных премьер, посещал литературные чтения, фиксировал основные идеологические полемики своего времени. Тем не менее, современники иногда называли его «туристом-эстетиком», а потомки, изучавшие его биографию, – «лишним человеком», не стремившимся «оставаться в модном социальном тренде». Дружба Тургенева и Анненкова длилась несколько десятилетий. Их знакомство произошло в 1843 году в доме Белинского. Павел Васильевич, как правило, знакомился с новыми сочинениями Тургенева ещё до сдачи рукописей в печать (взгляд со стороны нужен был Тургеневу). Анненков поддерживал в писателе веру в себя, когда после резких оценок критиков Тургенев впадал в уныние.

Издания Анненкова были популярны у омичей, об этом свидетельствует количество экземпляров в фонде редких книг ОГОНБ им. А. С. Пушкина: издание «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1799-1826» (СПб., 1874: 1-й экз. со штемпелем

«Омская городская общественная библиотека имени Виссариона Григорьевича Белинского»; 2-й экз. с штемпелем «Омская городская общественная библиотека имени Александра Сергеевича Пушкина»; 3-й экз. с владельческим росчерком фамилии (не читается); издание «**Воспоминания и критические очерки**» (СПб., 1877: штемпели «Книжный магазин С. Г. Александрова в г. Омске», «Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии»); из библиотеки Сибирского казачьего войска сохранились два журнальных конволюта, состоящих из первых публикаций Аннекова – «Литературные проекты А. С. Пушкина» («Вестник Европы» 1873-1874), «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» («Вестник Европы» 1880-1881), «Замечательное десятилетие (1838-1848)» («Вестник Европы», 1880).

65. Журналистика: [обзор] // Отечественные записки. – 1855. – № 2. – С. 112-124 (паг. 3-я).
Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища». / Хрон. № 51.

О Тургеневе с. 120-122: «*Месяц в деревне*, комедия г. Тургенева может быть поставлена высоко /.../. Но, вероятно, она не приобретет у большинства читателей такой популярности, как многие другие произведения того же автора, потому что интерес ее – чисто психологический; и чтоб оценить по достоинству тонкие в своей верности черты, которыми изображаются в ней «игра бесчисленных волнений человеческого нравственного существа», нужно иметь и собственную склонность и собственную способность к наблюдению «душевных оттенков». Действие комедии многосложно, но ясно и не запутанно». /.../ Все несчастны, потому что не могут быть счастливы, не растерзав сердца людей, к которым искренно привязаны. Но Наталья Петровна и Беляев чувствуют в себе силу быть великодушными, самоотверженными; они поняли друг друга; они знают, что не только любят, но и любимы; это возвышает их до героизма. /.../ Комедия, или, сказать, драма, кончается общей разлукой».

66. [Панаев И. И.] Петербургская жизнь: Заметки нового поэта // Современник. – 1855. – № 5. – С. 113-129 (паг. 3-я).

Ярлык: Фундаментальной библиотеки уездного училища». / Хронол. катал. № 62 / Систем. катал. Отд. V № 33».

О Тургеневе с. 121-122: «Г. Тургенев имел счастливую мысль вступить за романтизм. Действительно, в настоящую минуту люди положительные, гордые своим бессердечием и благоразумием забили своими насмешками бедных мечтателей, бедных романтиков, бедных поэтов. Слова: романтик и – пустой человек, нелепый фантазер сделались в их устах почти синонимами. Надобно же, наконец, каждому отдать свое и восстановить равновесие между людьми положительными и романтическими. /.../ Такой подвиг может совершить только такой талант, каким владеет автор «Записок охотника», ибо для этого подвига необходимо, кроме тонкого анализа внутренних ощущений и глубокого поэтического чувства, еще собственный жизненный опыт. /.../ Мы ожидаем еще этого подвига от г. Тургенева потому, что его «Яков Пасынков» только намек на такой подвиг; это небольшой эскиз, набросанный для будущей большой картины».

ПАНАЕВ Иван Иванович (1812-1862) – русский писатель и литературный критик, журналист. Родился в дворянской семье. Образование получил в Благородном пансионе при Санкт-Петербургском университете (1830). В «Современнике» Панаев под псевдонимом «Новый поэт» писал ежемесячные остроумные фельетоны, сначала критические, потом о петербургской жизни.

Дружеская связь Тургенева с Панаевым поддерживалась и питалась преимущественно работой в «Современнике». Личная приязнь между Тургеневым и Панаевым была в достаточной мере поверхностна. Безусловное превосходство ума, дарования и эрудиции Тургенева ставило уже известную грань между ними и налагало отпечаток на их отношения. Да

и по натуре они были слишком различны. Панаев – «добрейший», «милейший», «всеобщий друг-приятель», легкомысленный, беспутный и пустоватый, Панаев, прост и весь нараспашку; Тургенев является натурой более сложной и внутренне противоречивой. Его слабование порождало в личных отношениях некоторую уклончивость, переменчивость, раздвоенность.

В круге чтения омичей были издания И. И. Панаева; сохранились отдельные экземпляры его публикаций в фонде редких книг ОГОНБ: «Очерки из Петербургской жизни нового поэта» (СПб., 1860: штемпель «Омская центральная библиотека имени А. С. Пушкина»), «Сочинения» (СПб., 1860. Т.3: ярлык «Библиотека Омской клас. гимназии»), «Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском» (СПб., 1876: штемпель «Омская городская библиотека имени Н. А. Некрасова»), журнальный конволют первой публикации «Литературных воспоминаний» («Современник» 1861: штемпель «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска»).

1856

67. [Некрасов Н. А. Боткин В. П. Чернышевский Н. Г.] Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // Современник. – 1856. – № 2. – С. 201-223 (паг. 5-я).

Надпись: «*Современник Февраль 1856 года / Омского Уездного Училища / № 78: [зачёркнуто красными чернилами, написано «73»]*».

О Тургеневе с. 205: «В следующем номере будем говорить о «Рудине», повести г. Тургенева /.../ мы почитаем ее самым живым литературным явлением настоящего времени».

68. [Чернышевский Н. Г. ?] Повести и рассказы И. С. Тургенева. Три части. 1856 // Современник. – 1856. – № 12. – С.50 (паг. 4-я).

Надпись: «*Фундаментальной библиотеки Омской женской гимназии*».

С. 50: «В первых книжках следующего года мы надеемся поместить разбор этих повестей и рассказов, в которых столько ума, тонкой наблюдательности и поэзии. /.../ Издание отличается большим вкусом: бумага и шрифт превосходные».

1857

69. Дудышкин С. С. Повести и рассказы И. С. Тургенева. С 1844 по 1856 г. Санкт-Петербург. 1856. Три части. Статья первая // Отечественные записки. – 1857. – № 1. – С. 1-28 (паг. 2-я).

Ярлык: *Фундаментальной библиотеки уездного училища. / Хронол. катал. № 53.*

«Перед нами литературная деятельность одного из лучших наших современных писателей /.../ Сколько здесь современного, живого, сколько интересного и поучительного! Эти двенадцать лет не даром прошли в русской литературе, хотя в это время Гоголь уже не писал, Лермонтова не было и литература жила воспоминаниями то о Гоголе, то о Лермонтове и Пушкине. /.../ Отношение идеала жизни сделалось насущным вопросом нашей литературы /.../ все герои г. Тургенева или бегут куда-то, или уезжают путешествовать по Европе. Они делаются «лишними» в обществе. /.../ [У Тургенева] люди разделяются не только на *умных* и на *дураков*: те и другие равно редки, между ними занимает место огромный разряд *пошлых людей*. Эти люди не умны и не глупы /.../ главное их качество – *довольство самими собою*. Эти господа не знают, что такое раскаяние, стремление к идеалу и тоска от невозможности достичь его. [Герои Тургенева постигнуты болезнью века, у них апатия чувства и воли при пожирающей деятельности мысли].

В «Переписке» «мы опять встречаемся с любимым лицом г. Тургенева» – «Лишним Человеком» – Алексеем Петровичем: «виной тому, что этот господин сделался лишним, не одна пошлость жизни, не одно общество». Вина в самом человеке: «Я совершенно одинок на земле (говорит Алексей Петрович). В молодости я вел жизнь уединенную, хотя, помнится, никогда не

прикидывался Байроном /.../ любовь к фантазии, довольно холодная кровь, гордость, лень – словом, множество разных причин отдалило меня от общества людей /.../ Я никого не люблю; все мои сближения с людьми как-то натянуты и ложны; да и воспоминаний у меня нет, потому что во всей моей прошедшей жизни я ничего не нахожу, кроме собственной моей особы. Спасите меня...». Дудышкин услышал понимание жизни в тургеневском «Фаусте»: «жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение... жизнь тяжелый труд. Отречение, отречение постоянное – вот ее тайный смысл».

Размышляя над текстами Тургенева, Дудышкин подчёркивает две важные мысли, которые когда-то уже прозвучали в обществе: 1) «писатель, который служит честно литературе, в то же время служит отечеству» (Гоголь); 2) «делать дело можно только в России, а мыслить и мечтать – где угодно» (Карамзин). По мнению критика, русская литература – «односторонняя, потому что описывает одну отрицательную сторону и опускает из вида положительную». Герои Тургенева «бесцветны и однообразны»: «это вся та же больная личность русского человека XIX столетия, поэтому все дело Тургенева – в *будущем*».

70. Дудышкин С. С. Повести и рассказы И. С. Тургенева. С 1844 по 1856 г. Санктпетербург. 1856. Три части. Статья вторая и последняя // Отечественные записки. – 1857. – № 4. – С. 49-72 (паг. 2-я).

Ярлык: *Фундаментальной библиотеки уездного училища. / Хронол. катал. № 53.*

Критик особо говорит о лиризме Тургенева: «Лиризм для писателя все – его душа, его стремление, его чувства, его убеждения/.../ современного лиризма между нашими русскими писателями больше всех у г. Тургенева. И оттого он больше, нежели кто-либо другой, умеет действовать на больные нервы нашего современного общества».

С.69: «/.../ мы назвали бы г. Тургенева писателем мыслящим с инстинктом поэтической красоты, потому что его прежде всего занимает мысль в произведении; но у него столько поэтического инстинкта, что он не дает этой мысли остаться сухой, отвлеченною».

1859

71. К. [Добролюбов Н. А. Костомаров Н. И.] Украинские народные рассказы Марка Вовчка. Пер. И. С. Тургенева. СПб. 1859 // Современник. – 1859. – № 5. – С. 103-113 (паг. 3-я).

Ярлык: *Фундаментальной библиотеки уездного училища. / Хронол. катал. № 66.*

На с. 103-104 о Тургеневе: «Желая дать русской публике возможность сколько можно лучше и ближе познакомиться с прекрасными рассказами Марка Вовчка, их взялся перевести Тургенев. В предисловии он говорит, что задача его была – «соблюсти в переводе чистоту и правильность родного языка и в то же время сохранить по возможности ту особую, наивную прелесть и поэтическую грацию, которою исполнены «Народные рассказы» /.../ В его собственном таланте столько поэтической грации и прелести, его сочувствия так близки к народной жизни, что он мог приложить к этому делу свою душу /.../ русская публика получает теперь перевод, не уступающий оригиналу».

72. Анненков П. В. Русская литература. *Дворянское гнездо*. Роман И. С. Тургенева Москва. 1859 // Русский вестник. – 1959. – № 8. – С. 508-538 (паг. 2-я).

Надпись на тит. л.: Омского уездного училища.

С. 508-509: «Трудно сказать, начиная разбор нового произведения г. Тургенева, что более заслуживает внимания: само ли оно со всеми своими достоинствами, или необычайный успех, который встретил его во всех слоях нашего общества. Во всяком случае, стоит серьезно подумать о причинах того единственного сочувствия и одобрения, того восторга и увлечения, которые вызваны были появлением *Дворянского гнезда*. На новом романе автора сошлись

люди противоположных партий в одном общем приговоре; представители разнородных систем и воззрений подали друг другу руку и выразили одно и то же мнение. Роман был сигналом повсеместного примирения и образовал род какого-то литературного *treve de Dieu* (примирение именем Бога (фр.)), где каждый позабыл на время свои любимые мнения, чтобы вместе с другими спокойно насладиться произведением и присоединить голос свой к общей и единодушной похвале. Конечно, тут можно видеть торжество поэзии и художнического таланта, самовластно подчиняющих себе разнороднейшие оттенки общественной мысли, но с некоторою основательностью тут можно предполагать также, что не каждая из рукоплещущих сторон одинаково понимает внутреннее значение произведения, и не каждая в приговоре своем подразумевает именно то, что другие». С. 512: «.../в *Дворянском гнезде*/.../ он изобразил такое событие, которое оказалось связанным тончайшими нитями с нашею современностью, с сердцами всего настоящего, или, лучше, всего отживающего поколения. Таков был результат смелого и вместе дружелюбного отношения к жизни. Мудрено ли, что общество, узнав, наконец, в яркой картине одну из тайн собственного существования, встретило картину с увлечением и восторгом, которыми оно обыкновенно награждает людей, открывающих ему дорогу к самосознанию, к оценке себя и к суду над собой? /.../ Из среды патриархального, но уже суетного и испорченного семейного быта г. Тургенев вывел образ молодого существа, которое с первых шагов на поприще жизни замечает, что оно не вторит общим интересам окружающих, их понятиям, радостям и заботам. В душе Лизаветы Михайловны созрел идеал существования, который не может сдружиться с тем, что представляется девушке в настоящем и чего может она ожидать в будущем. После первых неудачных усилий помириться на чем-нибудь в текущей жизни, она быстро разрывает с ней все связи и заключается в монастырь». С. 516-517: «Для Лизаветы Михайловны достаточно было няни Агафьи с ее пламенным рассказом о мучениках и подвижниках, с ее народно-мистическим настроением, чтоб обратить молодой ум совсем в противоположную сторону, именно: к строгому пониманию моральной идеи, заключающейся в религии /.../ Лизавета Михайловна является нам в полной красе девичьего развития; дело только в том, что фантазия девушки, работа ее головы и сердца, самая игра жизненных сил, все уже окрашено врожденным нравственным чувством, от которого она ни убежать, ни освободиться не может, которое составляет ее величие и ее кару среди людей. Да и проявляется оно особенным, весьма тонким образом. Ни разу не встретишь у нее резкого слова, крикливого суждения или враждебного поступка против определения и понятий большинства (а ведь подобные грубые порывы мысли и нужны многим людям для уразумения характера): нравственное чувство ее выражается только постоянною боязнью жизни, постоянным к ней недоверием и каким-то испугом перед новыми, еще неизвестными ей явлениями, точно в молодой душе Лизаветы Михайловны уже поселилось убеждение, что оттуда ждать нечего. Никто из самых близких людей не владеет ее сердцем, ее доверенностью: привязанностью племянницы не может даже похвастаться сама Марфа Тимофеевна, превосходный тип умной, добросердечной старухи, по природе любящей в человеке молодость и достоинство». С. 536: «История воспитания Лаврецкого, рассказанная автором, поясняет нам, отчего на молодых физиономиях могут показываться черты и признаки старчества. Если это так, то, во-первых, ироническое название *Дворянского гнезда*, данное кругу, из которого вышел Лаврецкий, само собою оправдывается, а во-вторых, необходимость обновления, упрощения и освежения этого круга становится очевидна. Пророчеством близкого обновленья кончается и самый роман г. Тургенева: последнее слово его есть воззвание к молодому поколению, являющемуся на смену старого с новою жизнью и новыми понятиями. Так и должно было кончить все это повествование: иначе оно вышло бы апофеозом немощи и страдания, подтверждением того антиобщественного правила, по которому нравственное достоинство никогда не должно иметь в жизни гордого и смелого шага, а всегда или падать, или влачиться за другими, как калека».

73. [Панаев И. И.] Петербургская жизнь: Заметки нового поэта // Современник. – 1859. – № 10. – С. 457-496 (паг. 3-я).

Ярлык: Фундаментальной библиотеки уездного училища. / Хронол. катал. № 66.

О Тургеневе на с. 476: «*.../отрадное художественное наслаждение я ощутил наяву, увидев Максимова в «Холостяке» Тургенева, который возобновлен и несколько сокращен. Мысль этого возобновления очень счастливая, потому что пьеса, несмотря на свою длину, от которой охлаждается драматическое движение, имеет неоспоримые достоинства. /.../ Надобно сказать, что партер и ложи 1 яруса были почти пусты, и что Александринский театр обыкновенно бывает битком набит сверху донизу, в какой-нибудь уродливой мелодраме, переведенной с французского».*

1860

74. Н. Ш.[Шелгунов Н. В.] Литературное чтение в зале Пассажа // Русское слово. – 1860. – № 2. – С. 72-78 (паг. 3-я).

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса. / Отдел XV / № 4194.

О Тургеневе на с. 76-77: «Капитальным чтением, около которого и группировалось все остальное, была статья И.С. Тургенева «Дон-Кихот и Гамлет». Статья эта в высшей степени честная по мысли, честная по направлению, произведение почти поэтическое по изложению и по чувству, которым она проникнута, составляет замечательное явление нашей современной литературы. В статье проведена параллель между Дон-Кихотом, этим благородным и честным, вечно увлекающимся чудачком, Я которого стоит всегда на втором плане и олицетворением эгоистического Я в образе Гамлета, вечно холодного, сомневающегося. /.../ Статья И. С. Тургенева вызвала страшный гром рукоплесканий /.../ каждый из нас как человек, – более или менее Дон-Кихот или Гамлет».

ШЕЛГУНОВ Николай Васильевич (1824-1891) – русский публицист и литературный критик, учёный-лесовод, участник революционно-демократического движения 1850-1860-х годов. Родился в дворянской семье. Окончил Лесной институт (1841), затем служил в лесном департаменте в Петербурге. С 1859 года Шелгунов стал сотрудничать в «Русском Слове». В это время на первом месте стояла идея «освобождения» крестьян. Автор прокламаций «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», «К солдатам», «К молодому поколению». Ему принадлежит популярный перевод на русский язык работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» («Современник», 1861, № 9-11, под назв. «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции»).

В фонде редких книг сохранилось два экземпляра из собрания сочинений Н. П. Шелгунова (СПб., 1871. Т. 1: ярлык «Омская Центральная Пушкинская библиотека»; СПб., 1872. Т. 3: штампель «Омская гимназия»).

75. [Добролюбов Н. А.] Новая повесть г. Тургенева. («Накануне», повесть И. С. Тургенева. Русский вестник, 1860, № 1-2) // Современник. – 1860. – № 3. – С. 31-72 (паг. 2-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. / Хрон. № 67.

С. 35-36: «В «Накануне» мы видим неотразимое влияние естественного хода общественной жизни и мысли, которому невольно подчинилась сама мысль и воображение автора. /.../ Г. Тургенева по справедливости можно назвать живописателем и певцом той морали и философии, которая господствовала в нашем образованном обществе в последнее двадцатилетие. Он быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание». С. 53-54: «Певец чистой, идеальной женской любви, г. Тургенев так глубоко заглядывает в юную, девственную душу, так полно охватывает ее и с таким вдохновенным трепетом, с таким жаром любви рисует ее лучшие мгновения, что нам в его рассказе так и

чуется – и колебание девственной груди, и тихий вздох, и увлажненный взгляд, слышится каждое биение взволнованного сердца, и наше собственное сердце млеет и замирает от томного чувства /.../ Талант г. Тургенева всегда был силен этою стороною, его повести постоянно производили своим общим строем такое чистое впечатление, и в этом, конечно, заключается их существенное значение для общества». С.55-56: «г. Тургенев весь отдается изображению того, как Инсарова любят, и что из того происходит. Там, где любовь должна, наконец, уступить место живой гражданской деятельности, он прекращает жизнь своего героя и оканчивает повесть /.../ в «Накануне» главное лицо – Елена /.../ В ней сказалась та смутная тоска по чем-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь все русское общество, и даже не одно только так называемое образованное». С. 59: «/.../ насколько Елена со своей жаждой деятельного добра близка нашей жизни, настолько же Инсаров, как патриотический деятель, далек от нее». С. 71: «/.../ как бы не была плоха наша жизнь, но в ней уже оказалась возможность таких явлений как Елена. И мало того. Что такие характеры стали возможны в жизни, они уже охвачены художественным сознанием, внесены в литературу, возведены в тип /.../ Для удовлетворения нашего чувства, нужны люди – герои для борьбы с врагами внутренними, люди живые и энергические /.../ Нужно, чтобы они умели понять нужды русской жизни, всей силою души захотели уврачевать наши раны, вполне отдались идее общего блага, слились с нею всем существом своим и увлеклись бы за собою на дело правды и добра новых деятелей, честных и усердных ко благу родины».

ДОБРОЛЮБОВ Николай Александрович (1836-1861) – русский литературный критик, поэт, публицист. Полным настоящим именем не подписывался. Родился в семье священника. Учился в Нижегородском духовном училище и духовной семинарии (1848-1853), в Петербургском главном педагогическом институте (1853-1857). Призвание к литературе и к литературной критике Добролюбов почувствовал рано; он сознательно готовил себя к литературному поприщу – много читал, анализировал прочитанное, пробовал свои силы в прозе и критике, с 13-летнего возраста писал стихи. С лета 1856 он публикуется в журнале «Современник», с 1857 г. становится его постоянным сотрудником, с начала 1858 – редактором отдела критики и библиографии, определяя, наряду с Чернышевским, направление журнала. В мае 1860 по настоянию Чернышевского и Некрасова Добролюбов выехал за границу лечиться от туберкулеза; жил в Германии, Швейцарии, Франции, Италии, продолжая писать.

Статья Добролюбова о романе «Накануне» послужила поводом к разрыву Тургенева и других либерально настроенных писателей с редакцией «Современника» и к дальнейшей демократизации журнала. Добролюбов полагал, что крестьянская революция, руководимая передовой разночинной интеллигенцией, на основе крестьянской общины обеспечит развитие не только страны, но и социалистических отношений в ней, минуя расслоение крестьянства и капитализм. Похоронен на Волковом кладбище рядом с В. Г. Белинским.

Статья «Новая повесть г. Тургенева» была перепечатана в первом издании сочинений Н. А. Добролюбова (СПб., 1862. Т. 3. С. 275-331) под новым названием «Когда же придет настоящий день?». В Омске сохранились два экземпляра из первого собрания сочинений Добролюбова: первый том из библиотеки Омской женской гимназии и четвертый том из библиотеки Сибирского казачьего войска.

76. Басистов П. Е. Толки о том, что нового в новом романе г. Тургенева (*Накануне*. И. С. Тургенева. Москва, 1860) // Отечественные записки. – 1860. – № 5. – С. 3-18 (паг. 3-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. / Хрон. № 215.

С. 2: «Роман г. Тургенева «Накануне» возбудил множество противоречивых мнений. Небезупречный во многих местах в художественном отношении, но в то же время полный поэтических красот, с глубоко задуманною идеею, он заслуживает подробного разбора». С. 4: «Г. Тургенев принадлежит к небольшому числу тех избранных, чутких натур, в которых

находят в себе живой отголосок все лучшие стремления развивающегося русского общества». С. 5: «В Елене Николаевне Стаховой представляет нам г. Тургенев девушку, которой нравственные требования уже не удовлетворяют тем, что дает русское общество в его современном состоянии (дело идет о так называемом образованном обществе) /.../ ей не нравится ни художник Шубин, ни ученый Берсенев, ни делец Курнатовский /.../ она чувствует, что все это – не то, а между тем они из лучших, из передовых людей нашего образованного общества». С. 6-7: «Только иностранец мог показать Елене, каковы должны быть настоящие люди /.../ Что же такое нашла Елена особенного в Инсарове – такого, о чем никто не мыслит в целой России? Ей понравилась его прямота и непринужденность /.../ его воля и упорное преследование своей цели; понравилась самая цель – освобождение своей угнетенной родины /.../ К сожалению г. Тургенев не обрисовал этого героя в такой полноте, какая необходима была для того, чтоб он и читателя увлекал также, как увлек Елену». С. 9: «/.../ нам теперь нужны Дон-Кихоты, люди дела, люди, способные к самоотвержению. /.../ Теперь нам нужны люди, герои для борьбы с врагами внутренними, не говоруны, не рефлектеры /.../ надобно, чтобы они всей силой души своей захотели уврачевать наши раны, вполне отдались идее общего блага. И возможность Елены показывает возможность таких людей. Вот мысль нового романа г. Тургенева! Вот, что хотел он сказать его заглавием!».

БАСИСТОВ Павел Ефимович (1823-1882) – русский педагог. Родился в мещанской семье. В 1843 году окончил 1-е отделение (историко-филологическое) философского факультета Московского университета. Преподавал в Тверской гимназии (учитель греческого языка), в первой Московской гимназии (преподаватель словесности), в течение 1844-1877 годов – во втором кадетском корпусе, Александровском и Николаевском женских институтах, мещанском и театральном училищах. Он был поборником русских начал не только в школе, но и вообще в жизни и литературе, боролся со всем неискренним, напыщенным, всячески избегал прописной морали и имел сильное нравственное влияние на своих многочисленных учеников и учениц. Его статьи печатались в «Журнале для воспитания», «Отечественных записках», в «Санкт-Петербургских ведомостях» и в других изданиях. Умер 22 июня 1882 года. Его могила находится в некрополе Новодевичьего монастыря.

В фонде редких книг ОГОНБ им. А. С. Пушкина сохранились книги П. Е. Басистова: три экземпляра перевода с греческого «Ифигения в Тавриде» Еврипида (СПб., 1876) из библиотек Сибирского кадетского корпуса и Омской классической гимназии, а также из личной библиотеки Алексея Петровича Львова; два экземпляра «Нестерова летопись и Поучение Владимира Мономаха» (М., 1874) из библиотек Сибирского кадетского корпуса и Фундаментальной библиотеки Омской гимназии.

77. [Леонтьев К. Н.] Письмо провинциала к г. Тургеневу // Отечественные записки. – 1860. – № 5. – С. 18-27 (паг.3-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. / Хрон. № 215.

С. 25: «/...если писателю невесело, не по себе с его лицами, едва ли уважение спасет их от холодности... Надо их любить, а не уважать; вы не любите Инсарова. Вы любите Рудина, и он все озарил вокруг себя, и сама Наталья, которой нравственный принцип туманнее принципа Елены, вышла мила».

ЛЕОНТЬЕВ Константин Николаевич (1831-1891) – русский врач, дипломат; мыслитель религиозно-консервативного направления; философ, писатель, публицист, литературный критик, социолог. В конце жизни принял монашеский постриг с именем Климент. Родился в дворянской семье. Окончил медицинский факультет Московского университета. В 1851 году написал своё первое произведение – комедию «Женитьба по любви». Для его оценки он решил обратиться к И. С. Тургеневу, жившему тогда в Москве, и получил положительный отзыв о пьесе, однако она не была опубликована, так как её не пропустила цензура. В 1854-1856 годах в качестве военного врача участвовал в Крымской войне. В 1863-1873 годах – на

дипломатической службе на Ближнем Востоке. Спасение России от капитализма Леонтьев видел в возрождении византийской культуры, в сильной монархической власти, церковно-монашеском христианстве, в национальной самобытности. В литературно-критических статьях («Письмо провинциала к Тургеневу по поводу повести Тургенева *Накануне*», 1860), в рецензиях отвергал демократическую литературу, гоголевское направление, живопись передвижников, требовал отражения «идеальных, изящных, красивых сторон действительности». Скончался от пневмонии

24 ноября 1891 года; был похоронен в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры близ храма Черниговской Божией Матери (ныне – Черниговский скит).

В фонде редких книг ОГОНБ им. А. С. Пушкина хранится журнальный конволют из библиотеки Сибирского казачьего войска с первыми публикациями К. Н. Леонтьева – «Паликар-Костаки» (1870), «Дитя души» (1876), «Сфакиот» (1877).

78. Белинский В. Г. Параша. *Рассказ в стихах. Т. Л. СПб. 1843* // Белинский В. Г. Сочинения: [в 12 ч.]. Ч. 7. – Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. – М.: В типографии В. Грачёва и Комп., 1860. – С. 258-277.

Ярлык: Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии. Слепое тиснение: Н. М. Максимов. Штемпель: Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

На тит. л.: Цена за каждую часть 1 р. сер.

Поэма И. С. Тургенева «Параша» была издана отдельной книжкой в апреле 1843 г. в Петербурге за подписью «Т. Л.». По свидетельству П. В. Анненкова, Белинский открыл в «Параше» «признаки недюжинной авторской наблюдательности и способности выбирать оригинальную точку зрения на предметы».

С. 258-259: «/.../ могучим властителем душ нашего времени уже перестали быть «стишки» - в потребности публики их сменила поэзия мысли. Это особенно стало заметно после Лермонтова /.../ День появления в журнале неизвестного стихотворения Лермонтова – теперь эпоха в истории русской литературы: стихотворение читают, перечитывают, списывают, вытверживают на память. Стихотворения, не принадлежащие Лермонтову, тоже прочитывают, даже похваляют, но с тем, чтоб совершенно забыть их по выходе новой книжки журнала. Многие заключают из этого, что вместе с Лермонтовым умерла и русская поэзия. Что касается до нас, мы не разделяем этого мнения и думаем, что русская поэзия не умерла, а только уснула, по обыкновению, и что по временам она будет просыпаться и рассказывать нам свои прекрасные сны – до тех пор, пока не явится на Руси новый поэт... Небольшая книжка, на днях появившаяся в Петербурге под скромным названием «рассказа в стихах», есть именно один из таких прекрасных снов, на минуту проснувшейся русской поэзии, какие давно уже не виделись ей. Уверенные в глубоком сне нашей поэзии, мы взяли за «Парашу» с явным предубеждением, думая найти в ней – или сентиментальную повесть о том, как он любил ее, и как она вышла замуж за него, или какую-нибудь юмористическую болтовню о современных нравах, написанную прозаическими стихами. Каково же было наше удивление, когда вместо этого прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутреннего содержания, отличающуюся юмором и ирониею!.. Однако же, несмотря на то, уверенность наша в тяжелом сне русской поэзии была так велика, что мы не поверили первому впечатлению и прочли снова, – еще лучше! И теперь, когда, от многократно повторенного чтения, мы почти знаем наизусть прекрасное поэтическое произведение, так неожиданно, так отрадно освежившее душу нашу от прозы и скуки ежедневного быта, – спешим познакомить публику с явлением, которое имеет полное право на ее внимание». С. 260-261: «Содержание «Параша» в смысле «сюжета» до того просто и немногосложно, что его можно рассказать в двух словах: на уездной барышне женится помещик-сосед, – вот и все. Но это не содержание, а только канва содержания; само же

содержание поэмы так полночи богато, что его нельзя передать. Поэма начинается описанием помещичьего дома с безобразною наружностью, с садом, похожим на огород, но с гротом, который любила посещать героиня поэмы». С.265-266: «/.../ Параша встретила с охотившимся молодым человеком /.../ Портрет незнакомца превосходно очерчен автором. Это один из тех великих маленьких людей, которых теперь так много развелось и которые улыбкою презрения и насмешки прикрывают тощее сердце, праздный ум и посредственность своей натуры. Он был за границею и вынес оттуда множество бесплодных слов и сомнений... У некоторых журналов теперь вошло в манию нападать на таких путешественников, и они с торжеством указывают на них, как на живое доказательство, что нечего за добром ездить на Запад. /.../ К особенностям героя поэмы принадлежит и то, что, будучи влюбчивым, он был спокоен и горделив, а потому и счастлив в женщинах, удачно обманывая и таких между ими, которых сам не стоил; еще: не будучи особенно умным, он вполне владел умом, дарованным ему от бога. Говоря о страсти своего героя сгибаться перед знатью, автор очень остроумно признается в том, что любит пустой блеск большого света, не увлекаясь им и смотря на него без желания; он очень остроумно подшучивает над моральными выходками против большого света непризнанных, бесхвостых львов и львиц, то есть людей, которые бранят большой свет за то, что тот не хочет их знать. Люблю, говорит автор:

Люблю я пышных комнат стройный ряд,
И блеск, и прихоть роскоши старинной...
А женщины... люблю я этот взгляд
Рассеянный, насмешливый и длинный;
Люблю простой, обдуманый наряд...
Я этих губ люблю надменный очерк,
Задумчиво приподнятую бровь,
Душистые записки, быстрый почерк,
Душистую и быструю любовь;
Люблю я эту поступь, эти плечи,
Небрежные, заманчивые речи...

С. 267: «/.../ Юность сама по себе есть уже поэзия жизни, и в юности каждый бывает лучше, нежели в остальное время своей жизни; женщины в особенности. Надо иметь слишком много глубины и силы в натуре, чтоб не охолодеть в прозе жизни, сберечь чувство и душу от холода действительности и сохранить юность сердца и в лета зрелости и в годы старости. Но такие натуры слишком редки, и поэзия юности слишком редко бывает ручательством за поэзию дальнейших возрастов. Брак есть решительная эпоха в жизни мужчины и еще более в жизни женщины: для обоих это – гроб поэзии и колыбель пошлой прозы и очерствения души и чувства. Автор «Параши» превосходно охарактеризовал эпитетом «довольного собой» целый разряд людей, особенно страшных и гибельных для благоуханной поэзии женственных существ. /.../ Эти господа не знают, что такое раскаяние, стремление к идеалу и тоска от невозможности достичь его, что такое горе без несчастья и страдание при хорошем положении дел и добром здоровье. Как бы ни была глубока и богата духовными дарами натура женщины, но если ее мужем делается один из таких господ, ей остаются только две неизбежные дороги: или медленно зачахнуть, или помириться с жизнью, как она есть...». С. 275: «Другие, может быть, станут благоразумно рассуждать, что выйди Параша вместо Виктора за человека с душою возвышенною, сердцем страстным и проч., – она не утратила бы благоухания души своей и в пошлом спокойствии не забыла бы жаркого волнения сердца и сладости страдания... Нет, если б она была выше своей судьбы, – не спокойствие, а страдание было бы уделом ее». С. 275-276: «Многие найдут в поэме следы подражания Пушкину и особенно Лермонтову. /.../ В стихах г. Т. Л. столько жизни и поэзии, в созерцании его столько истины и верности, что тут всякая мысль о подражательности нелепа. Вся поэма проникнута таким строгим единством мысли,

тона, колорита, так выдержана, что обличает в авторе не только творческий талант, но и зрелость и силу таланта, умеющего владеть своим предметом». С.277: «Дай бог, чтоб наша встреча с талантом автора «Параши» не была также случайна, но превратилась в знакомство продолжительное и прочное. Грустно было бы думать, что такой талант – не более, как вспышка юности, кипение молодой крови, а не признак призвания, и может обмануть возбужденные им ожидания и надежды, как обманула поэта героиня его поэмы...».

ПСС, 1, 461-465.

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (1811-1848) – русский литературный критик, философ, публицист. Детство провёл сначала в Кронштадте, где отец его служил флотским лекарем, затем в г. Чембаре (ныне г. Белинский) Пензенской губернии, где отец Белинского получил должность уездного врача. Учился в Чембарском уездном училище (1822-1824) и в Пензенской гимназии (1825-1828). В 1829 г. поступил на словесное отделение Московского университета. Лекции Николая Надеждина и Михаила Павлова вводили слушателей в круг идей германской философии (Шеллинга и Окена), вызвавших среди молодёжи сильное умственное возбуждение. Увлечение интересами мысли и идеальными стремлениями соединило наиболее даровитых студентов в тесные дружеские кружки, где Белинский нашёл горячо любимых друзей, которые ему сочувствовали и вполне разделяли его стремления (Герцен, Огарёв, Станкевич, Кетчер, Евгений Корш, впоследствии Василий Боткин, Фаддей Заблоцкий и другие). В 1839 г. Белинский писал: «Мы живём в страшное время, судьба налагает на нас схи́му, мы должны страдать, чтобы нашим внукам легче было жить... Нет ружья, – бери лопату, да счищай с «расейской» публики (грязь). Умру на журнале, и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок». Я – литератор; говорю это с болезненным и вместе радостным и горьким убеждением. Литературе «расейской» – моя жизнь и моя кровь... Я привязался к литературе, отдал ей всего себя, то есть сделал её главным интересом своей жизни...».

Лето 1844 года Белинский проводил с семьёй на даче в Лесном. Тургенев поселился вблизи Белинского, в Парголово, и до самой осени почти каждый день посещал его. Дружба с великим критиком стала в жизни молодого писателя событием огромной важности и окончательно решила его судьбу.

К сожалению, в Омске не сохранилось ни одной прижизненной публикации Белинского (а были ли они?). В фонде Омской областной библиотеки хранятся 14 разрозненных экземпляров из собраний сочинений Белинского 1860-1880-х годов:

М., 1859. Ч. 1: ярлык «Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии», тиснение «Н. А. Максимов»; Ч.4: ярлык «Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии», тиснение «Н. А. Максимов»;

М., 1860. Ч. 5: ярлык «Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии», тиснение «Н. А. Максимов»; Ч.6: штемпель «Библиотека почтово-телеграфных чинов в г. Омске»; Ч. 7: ярлык «Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии», тиснение «Н. А. Максимов»; Ч. 8: ярлык «Фундаментальной библиотеки Омской классической гимназии», тиснение «Н. А. Максимов»;

М., 1862. Ч. 3: штемпель «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска»;

М., 1863. Ч. 4: надпись «Ф.Б.Ж.Г.» [Фундаментальной библиотеки женской гимназии], суперэкслибрис «Б.О.Ж.Г.»;

М., 1866. Ч. 6: ярлык «Фундаментальной библиотеки Омской первой женской гимназии»;

М., 1871. Ч. 3: владельческая надпись неразбочиво;

М., 1874. Ч. 7: штемпель «Библиотека в.[оенно]-топ.[ографического] училища»;

М., 1875. Ч. 9: штемпель «Библиотека в.-топ. училища»;

М., 1882. Ч. 12: владельческая надпись 2 ноября / К. Михайлов, ярлык «Омская Центральная Пушкинская библиотека»;

М., 1883. Ч. 7: ярлык «Омская центральная Пушкинская библиотека».

79. Лонгинов М. Сочинения И. С. Тургенева, исправленные и дополненные. Издание Н. А. Основского. Москва, в тип. В. И. Рышкова. 1860. Том I, стр. 338. Том IV, стр. 436 // Русский вестник. – 1861. – № 2. – С. 911-916.

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. / Хрон. № 79.

С. 911-912: «В современной русской литературе нет имени, которое пользовалось бы таким почетом, как имя г. Тургенева /.../ Достаточно его подписи под самую коротенькую статейкой, чтоб общий интерес был возбужден, чтоб она вызвала разговоры, суждения. /.../ Имя г. Тургенева без преувеличения можно назвать каким-то литературным талисманом. Мы не нарушим никаких литературных тайн, если скажем, что оно не только употребляется как приманка для читателей и подписчиков, но и служит лучшим залогом успеха всякого литературного предприятия, публичного чтения и т. п.». С. 916: «Новое издание Сочинений И. С. Тургенева далеко отстало по изяществу от роскошного издания его «Повестей и рассказов», напечатанного в 1856 году. Оно очень опрятно, но не более. Бумага порядочная, шрифт убористый, но не очень приятный для чтения. Зато текст исправлен; цена чрезвычайно дешевая, что, разумеется, и составляет причину того, что издание далеко не роскошно. Жаль также, что в нем нет никаких библиографических и т.п. указаний и примечаний. Блестящее литературное поприще г. Тургенева принадлежит истории литературы, и такие приложения к его сочинениям необходимы уже в наше время. Как бы то ни было, будем благодарны и за то, что сделано. Теперь, по крайней мере, всякому доступны эти прекрасные произведения благороднейшего из современных талантов, творения, в которых дышит обаятельною прелестью поэзия».

ЛОНГИНОВ Михаил Николаевич (1823-1875) – известный русский литератор, писатель, поэт, мемуарист, библиограф, историк литературы и одновременно видный государственный деятель, крупный чиновник, орловский губернатор в 1867-1871 годах, начальник главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (с 1871 по 1874 год, почти до момента своей смерти). Лонгинов родился в Санкт-Петербурге в семье крупного чиновника. В раннем детстве был очень живым, развитым ребёнком и производил на окружающих впечатление вундеркинда. Учился и воспитывался сначала в Александровском Царскосельском лицее, затем на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Активный либерал и вольнодумец круга «Современника», приятель Некрасова, Тургенева и Дружинина, спустя двадцать лет стал консерватором, государственным чиновником, заняв кресло «главного цензора» России, беспощадно вымарывал из произведений своих бывших коллег даже самые незаметные намеки на фривольность или свободомыслие. Скончался, едва перешагнув возраст 51 года; похоронен на Волковом кладбище Петербурга.

Омский читатель был знаком с публикациями Лонгинова из журнала «Русский архив»; в фонде редких книг ОГОНБ хранится комплект номеров с 1864 по 1917 гг.

80. Н. Ч. [Чернышевский Н. Г.] Полемиические красоты. Коллекция первая. Красоты, собранные из «Русского вестника» // Современник. – 1861. – № 6. – С. 447-478 (паг. 2-я).

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса Отдел XV / № 2648.

О Тургеневе С. 454-456.

В «Полемиических красотах» Чернышевский заявил о полном расхождении с автором «Дворянского гнезда»: «Наш образ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись».

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович (1828-1889) – русский философ-материалист, революционер-демократ, энциклопедист, теоретик критического утопического социализма, литературный критик, публицист и писатель. Родился в Саратове в семье протоиерея Александро-Невского кафедрального собора. Начитанность Николая поражала окружающих; в детстве он даже имел прозвище «библиофага», то есть пожирателя книг. В 1843 году поступил в Саратовскую духовную семинарию, не окончив её, в 1846 году он поступил в Петербургский университет на историко-филологическое отделение философского факультета. Мировоззрение Чернышевского формировалось под влиянием античного, а также французского и английского материализма XVII - XVIII веков, трудов естествоиспытателей – Ньютона, Лапласа, Лаланда и других идей социалистов-утопистов, классиков политэкономии, диалектики Гегеля и в особенности антропологического материализма Фейербаха. Влияние на формирование его взглядов оказал кружок И. И. Введенского. В это время Чернышевский начал писать свои первые художественные произведения. В 1860-е годы Чернышевский стал признанным лидером публицистической школы русского философского материализма. Главное философское сочинение Чернышевского – «Антропологический примат в философии» (1860). 12 июня 1862 года Чернышевский был арестован по обвинению в составлении прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Николай Гаврилович пробыл в тюрьме, на каторге и в ссылке свыше двадцати лет. Похоронен в Саратове на Воскресенском кладбище.

В своих воспоминаниях Н. Г. Чернышевский писал: «Вообще, при моем вступлении в «Современник» Тургенев имел большое влияние по вопросам о том, какие стихотворения, повести или романы заслуживают быть напечатанными. Я почти вовсе не участвовал в дирижировании этого отдела журнала, но было много разговоров у Некрасова со мною и о поэтах и беллетристах. Находя в моих мнениях о них больше согласного с его собственными, чем во мнениях Тургенева, Некрасов, по всей вероятности, стал держаться тверже прежнего против рекомендации плохим романам или повестям со стороны Тургенева. А когда сблизился с Некрасовым Добролюбов, мнения Тургенева быстро перестали быть авторитетными для Некрасова». Тургенева «тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции» и «ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского». Результатом всех этих расхождений и споров было то, что свой роман «Накануне» Тургенев отдал не в «Современник», а в «Русский вестник».

В фонде редких книг ОГОНБ сохранилось два экземпляра изданий Чернышевского того времени: «Эстетические отношения искусства к действительности» (СПб., 1855: штемпель «Библиотека Сибирского кадетского корпуса»; СПб., 1865: штемпель «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска»).

81. Панаев И. И. Литературные воспоминания. Часть вторая. Гл. VI-VIII (1839-1847) // Современник. – 1861. – № 11. – С. 43-76.

Ярлык: Фундаментальной библиотеки Омского городского училища.

О Тургеневе с. 59-60: «О Тургеневе я много слышал от Грановского и других, познакомившихся с ним за границей... Тургенев скоро сблизился с Белинским со всем нашим кружком. Все, начиная с Белинского, очень полюбили его... «Отечественные записки» приобрели в Тургеневе замечательного сотрудника; кружок наш – блестящего и образованного собеседника, хорошо знакомого с иностранными литературами, слегка посвященного в тайны немецкой философии и рассказчика, увлекавшегося иногда через край своей прихотливой и поэтической фантазией... Белинский очень горячо любил всех своих петербургских приятелей; они благоговели перед ним, смотрели на него, как на своего учителя, слушали его, не переводя дыхания, и принимали на веру каждую его строчку, каждое его слово. /.../ Появление Тургенева оживило Белинского. В нем он мог найти до некоторой степени удовлетворение своей потребности (состязание относительно теоретических вопросов), и потому сильно к нему привязался».

82. Писарев Д. И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Русское слово. – 1861. – № 12. – С. 1-53 (паг. 3-я).

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел XV/ № 4213.

С.1: «До сих пор мужчина и женщина мешают друг другу, до сих они взаимно, самыми разнообразными и утонченными средствами отравляют друг другу жизнь. Разойтись они не могут, сойтись, как следуют, не умеют, и, инстинктивно стараясь сблизиться, запутываются в такие сложные, мучительные, неестественные отношения, о которых свежий человек со здоровым мозгом не может себе составить даже приблизительно верного понятия». С. 23: «У Тургенева мы находим разнообразие женских характеров. /.../ он входит своим тонким анализом во внутренний мир выводимых личностей. У Тургенева уловлен смысл нашей жизни, но, рядом с тонкими и верными замечаниями и соображениями попадаются поразительно фальшивые ноты, в роде построения Инсарова». С. 32: «Ася такая личность, в которой есть все задатки счастливой полной жизни, она не заразилась ее нелепостями. Встретясь она со свежим мужчиною, она бы показала нам, что значит быть счастливою и дала бы нам самый спасительный и плодотворный урок, которого нам до сих пор никто не умел дать. Но где же взять такого мужчину? У нас их нет. И вот свежее, молодое, здоровое существо попала в лазарет, в котором стонут на разные лады субъекты, одержимые разнообразными болезнями». С. 32: «Наталья в Рудине похожа на Асю /.../ В Асе больше грации, в Наталье больше твердости; Ася отличается подвижностью, Наталья – сдержанностью и способностью глубоко вдумываться в предмет». С. 36: «Наталья полюбила Рудина и ошиблась в нем. Причины ошибки Натальи лежат не в ней самой, а в окружающих ее обстоятельствах. Рудин был лучшим из окружающих ее мужчин; что же делать, если и лучший оказался никуда не годным? /.../ ни Волынцев, ни Лежнев не могли шевельнуть молодую девушку, находящуюся в той поре жизни, когда ум требует яркости идей. Роман Натальи очень похож на роман Аси; и та и другая искала в любимом человека жизни и силы; и та и другая наткнулись на вялое резонерство и на позорную робость /.../ в чем тут виновата женщина?».

Писарев считает, что образы Елены и Инсарова надуманные, поэтому предсказывает увядание таланта Тургенева (с. 50): «Тургенев соорудил ходульную фигуру – это очень грустно; это показывает радикальное изменение во всем мирозерцании, это начало увядания. Кто в России сходил с дороги чистого отрицания, тот падал. /.../ Гоголь тоже затосковал по положительным деятелям, да и свернул на переписку с друзьями. Что-то будет с Тургеневым?».

ПИСАРЕВ Дмитрий Иванович (1840-1868) – публицист и литературный критик, переводчик, революционер-демократ. Плеханов называл его «одним из самых выдающихся представителей шестидесятых годов». Происходил из культурной дворянской семьи. По окончании Петербургской гимназии (1852-1856) поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Закончив курс кандидатом в 1861 г., Писарев с весны начал активно сотрудничать в журнале «Русское слово» (до закрытия в 1866), став его ведущим критиком и практически соредактором. К этому времени произошел перелом в общественном сознании Писарева: резкий переход от академической аполитичности к злободневной журналистской деятельности, к расшатыванию острым словом устоев старой русской жизни: «...что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (Соч., т. 1, 1955, с. 135). 2 июля 1862 Писарев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где провел более 4 лет. Досрочно освобожденный 18 ноября 1866 г. по амнистии, он пытается наладить отношения с Г. Е. Благосветловым, начавшим (по закрытии «Русского слова») новый журнал «Дело»; после неудачи принимает приглашение Н. А. Некрасова сотрудничать в «Отечественных записках». Надломленный физически Писарев всё же написал для этого журнала за короткий срок ряд статей («Старое барство», «Французский крестьянин в 1789 г.»). Погиб во время морского купанья. Похоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

В Омске сохранилось прижизненное издание «Сочинений» Д. Писарева (СПб., 1866. Ч. 5-6: штемпель «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска»).

83. Принципы и ощущения. По поводу романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». (Рус. Вестник» 1862 г. №2) //Отечественные записки. – 1862. – №3. – С.97-126 (паг. 3-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. / Хрон. № 217.

С. 97: «/.../ явился, наконец, давно ожидаемый роман г. Тургенева, /.../ он есть в высшей степени жизненное явление настоящей минуты». С. 114: «Базаров, как истый нигилист, не торопится в деревеньку к своему старику-отцу /.../ Родственное чувство благодарности не говорит в нем слишком громко; да и приехав в деревеньку к отцу, он соскучился в ней через два дня. Нежность стариков ему непонятна; деятельность и хлопотливость еще более смешна; говорить о науке не могут; природа скучна – что же делать?». С. 117: «Базаров /.../побежден /.../ он сознал в себе романтика, сознал первое отрицание своих убеждений /.../ умирая, попросил к себе Одинцову: «Прощайте... Дуньте на умирающую лампу, и пусть он погаснет»; С. 119: «герой г. Тургенева умирает совершенно естественно: это не случайность, это результат тех убеждений, которыми жил Базаров. Что-нибудь одно: или признавай какие-нибудь принципы для жизни и живи с людьми, или живи своими одинокими ощущениями, и когда они станут противными – умри». С. 117: «Лучшие лица в художественном отношении не Базаров, не Одинцова, а братья Кирсановы и старики Базаровы. Это лица, из которых каждый в своем воспитании зачерпнул предрассудки своего времени, но предрассудки эти были помяты жизнью. Одно оставшееся семя добра, истины и долга, вечно живущее в этих людях, заставив их измениться, отстать от науки, от так называемого прогресса, не сделало их черствыми, и у них сохранилась возможность двигаться вперед».

84. А. О. [Острогорский А. Н.] По поводу женских характеров в некоторых повестях // Современник. – 1862. – № 5. – С. 1-36 (паг. 2-я).

Надпись на форзаце: «Ф.Б.О.Ж.Г. / № 359» [Фундаментальная библиотека Омской женской гимназии].

С. 5-6: «Повесть Тургенева «Накануне» была встречена публикою с большим энтузиазмом, ею восхищались и не со стороны эстетической, а по сочувствию к героине повести. Елена выразила собою, говорили женщины, ту жажду благотворной деятельности, которая снедает проснувшееся общество. Русская женщина призвана стать во главе общественного движения и вести за собой других. Некоторые даже заметили после появления повести перемену в своих знакомых, у них как-то прибавилось гонору. /.../ Елена прекрасно выразила собою черты современного движения женщин, но движения плохо осмысленного, непонятного /.../ В ней восхищались более всего готовностью покинуть семью и обеспеченную, спокойную жизнь и променять ее на трудную и беспокойную жизнь в Болгарии. Но в этом еще нет никакого геройства; это достоинство отрицательное. /.../ Елена кончила свое деятельное поприще в Болгарии сиделкою, строй милосердия. /.../ зачем ей было ходить в Болгарию; ведь у нас тоже есть, что делать. Елена или не понимала этих явлений, или, видя их, не скорбела, и считала такую сферу действий не стоящею и искала большего». С. 9: «/.../ литература указала женщинам, что они имеют с мужчинами права жизни: они вострепнулись, поднялись и остановились на Елене. Этот неудачный выбор показывает, что мы еще не совсем выяснили себе, зачем это все делается, для чего служит эта деятельность». С. 14: «Мы заимствуем примеры из сочинений Тургенева, потому что он умеет навеять на читателя симпатию к своим героям, заставляет сочувствовать их безысходному положению. Такое отношение побуждает искать какой-то злополучной судьбы там, где при зрелом обсуждении всегда оказывается, что виноваты бываем мы сами. Так было в повести *Затишье*». С. 35: «Женщинам нашего поколения и вообще всем людям, искренно желающим лучшего устройства нашего общества, следует помнить, что многие неурядицы происходят от нас самих».

ОСТРОГОРСКИЙ Алексей Николаевич (1840-1917) – российский педагог и публицист. Окончил Петербургский кадетский корпус, Михайловскую артиллерийскую академию. Преподавал в бесплатной Василеостровской начальной школе, в военно-учебных заведениях и учительской семинарии в Москве. Публиковал статьи в журналах «Учитель», «Чтение для юношества», «Образование». В 1869-1877 гг. редактор журнала «Детское чтение», для которого писал научно популярные статьи и художественные произведения о природе, мире, животных. Большое значение в формировании человека и регуляции жизни отводил христианской этике. Считал важнейшими предметами литературу, историю, а также отводил ведущую роль воспитывающему чтению, приносящему общественные мотивы в сознание человека. Считал, что профессиональное образование учителя есть дело всего общества. Высоко ставил роль нравственности в воспитании. Считал нравственное воспитание детей – наиболее жизненной стороной воспитания. В своих работах проанализировал педагогическое значение справедливости. Защищал права личности ученика. Считал, что школа должна вырабатывать в учениках более ясную и основательную самооценку. Видел тесную связь между педагогикой, психологией и художественной литературой в деле воспитания детей. Пропагандировал идеи различных педагогов и мыслителей (В. Г. Белинского, К. Д. Ушинского, В. Я. Стоюнина, П. Ф. Каптерева и особенно Н. И. Пирогова).

В Омске сохранилось 13 экземпляров прижизненных изданий А. Н. Острогорского, из них главные – «Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми» (СПб., 1879: ярлык «Библиотеки Омской прогимназии»); «Педагогические экскурсии в область литературы» (М., 1897), «Педагогическая хрестоматия» (СПб., 1907: штемпель «Попечительный совет Омской 3-ей женской гимназии»), «Н. И. Пирогов и его педагогические заветы: очерки по истории русской педагогической мысли» (СПб., 1914: штемпель «Книжный магазин М. И. Васильевой»). В фонде редкой книги ОГОНБ находится комплект номеров журналов «Учитель» за 1861-1869, «Образование» за 1894-1909, «Детское чтение» (1880-1906). В культурном мире Омска идеи Острогорского были известны.

85. [Катков М. Н.] Роман Тургенева и его критики // Русский вестник. – 1862. – № 5. – С. 393-424.

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел XV/ № 522.

С. 393: «Действительно, все в этом произведении [«Отцы и дети»] свидетельствует о созревшей силе этого первоклассного таланта: ясность идей, мастерство в обрисовке типов, простота в замысле и ходе действия, воздержанность и ровность в исполнении, драматизм возникающий естественно из самых обыкновенных положений, ничего лишнего, ничего задерживающего, ничего постороннего. Но сверх этих общих достоинств. Роман г. Тургенева имеет еще тот интерес, что в нем уловлен текущий момент, схвачено убегающее явление, типически изображена и запечатлена на веки мимолетная фаза нашей жизни». С. 395: «Неужели, восклицали критики, все наши молодые люди таковы как Аркадий и Базаров? Неужели это свежее, молодое поколение, в котором заключаются все наши надежды, все наше будущее, таково как эти два типа? Но это безотраднo, это ужасно, это невозможно! Однако же что же особенно безотраднo и ужасно в типическом изображении молодого поколения у г. Тургенева?». С. 396-398: «что дурного в Аркадии? Он не хищный, в этом его достоинство. Он податлив на все доброе /.../ За такую молодежь, как Аркадий, еще нельзя отчаиваться». С. 402-403: «Верен ли тип изображенный в Базарове? Есть ли истина в замысле этого типа? Точно ли в нем представлено нечто действительное? Или это каприз и выдумка? По-видимому, нет никакой возможности дать вполне доказательный ответ». С. 405-406: «По толкованию г. Антоновича, Базаров есть какая-то жалкая карикатура на что-то небывалое. По его толкованию, это какой-то нелепый хвастунишка, фанфарон, обжора, пьяница, пустомеля. Мнения, которые он высказывает в спорах, глупы и нелепы. Сколько он глуп в своем образе мыслей, столько же безобразен в своих поступках. /.../ Таким образом, Базаров, со своими

тенденциями и мнениями, со своим беспардонным отрицанием, со своим нигилизмом, оказывается совершенно аномалией, полнейшим уродом, который ничего не представляет собой, которому ничто не соответствует ни в нашем обществе. Ни в литературе. Критик оскорблен намерением автора изобразить в лице этого шута Базарова современное направление». С. 409: «/.../ что кажется одному дурным, то самое кажется другому бесподобным. Г. Писарев восторженно благодарит автора за художественное изображение Базарова, в котором он видит истинный тип лучших и сильных умов нового поколения. Он совершенно доволен Базаровым». С. 422: Автор везде дает ему [Базарову] центральное место /.../ Все располагает так, чтобы он производил впечатление силы. /.../ Мы видим перед собою человека способного и крепкого, которого нельзя упрекнуть ни в какой пошлости».

КАТКОВ Михаил Никифорович (1818-1887) – влиятельный русский публицист, издатель, литературный критик консервативно-охранительных взглядов. Редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики. В своих изданиях обеспечивал идеологическую поддержку контрреформам Александра III. Тайный советник (1882). Родился в дворянской семье. Окончил Московский университет (1838), слушал лекции в Берлинском университете (1840-1841). В студенческие годы примыкал к кружку Н. В. Станкевича, некоторое время был близок с В. Г. Белинским, А. И. Герценом, М. А. Бакуниним. Сотрудничал в «Московском наблюдателе» (1838-1839) и «Отечественных записках» (1839-1841) преимущественно как литературный критик. Помещал также переводы (У. Шекспир, Г. Гейне, Ф. Купер). В 1845-1850 гг. он преподавал философию в Московском университете; близко сошелся с профессором П. М. Леонтьевым, будущим соратником на журнальном поприще. В 1850-е гг. К. защищал свободу слова, местное самоуправление, высказывал умеренно-либеральные взгляды, решительно выступая против революционных и социалистических идей. Его привлекал английский уклад жизни, устойчивость политического быта, консерватизм, характерные для английской политической жизни. С 1856 и до конца жизни был редактором-издателем журн. «Русский вестник», к участию в котором привлек И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. К. Толстого и др. писателей. Скончался в своём имении Знаменское-Садки, был похоронен в Москве в Алексеевском монастыре (кладбище было уничтожено в 1930-е гг., могила не сохранилась).

В фонде редких книг сохранились издание Каткова «Об элементах и формах славяно-русского языка» (М., 1845: ярлык «Библиотека Сибирского кадетского корпуса») и комплект журналов «Русский вестник» за 1856-1906 гг.

86. [Катков М. Н.] О нашем нигилизме. По поводу романа Тургенева // Русский вестник. – 1862. – №7. – С. 402-426.

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища. / Хрон. № 80.

С. 409-410: «Религия отрицания направлена против всех авторитетов, а сама основана на грубейшем поклонении авторитету. /.../ Чем решительнее отрицание, тем менее обнаруживает оно колебаний и сомнений, тем лучше, тем могущественнее авторитет, тем возвышеннее идол, тем непоколебимее вера. Отрицательный догматик ничем не связан; слово его вольно как птица; в уме его нет никаких определенных формаций, никаких положительных интересов, которые могли бы останавливать и задерживать его; ему нечего отстаивать, нечего охранять; он избавлен от необходимости сводить концы с концами. Ему нужна только полная самоуверенность и умение пользоваться всеми средствами для целей отрицания. Чем менее он разбирает средства, тем лучше. Он в этом отношении совершенно согласен с отцами иезуитами и вполне принимает их знаменитое правило, что цель освящает всякие средства. /.../ Дух догматического отрицания не может быть общим признаком какой бы то ни было всемирной эпохи; но он возможен во всякое время, в большей или меньшей степени, как общественная болезнь, овладевающая некоторыми умами и некоторыми сферами мысли. Как частное явление оно встречается и в наше время, в большей или меньшей степени, в некоторых общественных

средах; но, как и всякое зло, оно везде находит себе противодействие в могущественных силах цивилизации. Образование, наука, политическая и промышленная жизнь, развитие и состязание всевозможных интересов, свобода совести, воспитательное влияние среды, живая сила предания – вот препятствия, которые встречает это явление в образованных обществах нашего времени». С. 412: «История разбила у нас все общественные завязи и дала отрицательное направление нашей искусственной цивилизации. Она сама вся основана на отрицаниях; нет ни одной общественной основы, которая бы чувствовала себя неприкосновенною, нет ни одной общественной силы, которая не была бы подавлена или которой была бы дана возможность развития. Ничему не предоставлено самопроизвольного и естественного течения, и, вместо живых органических сил, люди чувствуют себя в механических сочетаниях, совершенно внешних и чуждых для жизни. Люди живут, таким образом, двойною жизнью, – внешнею, в которой они не принимают умственного и нравственного участия, и внутреннею, которая более походит на мир сновидений, чем на действительность». С. 414: «В Базарове наш автор взял один из лучших типов нигилизма. Он принадлежит к числу людей импульсивных. Как и все наши образованные люди, он прямо из школы вынес добрый задаток этого духа отрицания, – вынес семя его, которое нашло в нем благодарную почву. Как и у всех наших так называемых образованных людей, в его уме живучими и сильными элементами оказывается лишь то, что запечатлено отрицающим характером; все прочее оказывается слабым, мертвым, гнилым, подлежащим отрицанию». С.423: «Смотря на тургеневского Базарова, всякий скажет, что это человек честный. Несмотря на все злоухищрения критиков, обвинявших автора во враждебном чувстве к его герою, дело несомненное, что автор не уронил его нисколько и не отнял у него ни одной черты, которая может производить выгодное для него впечатление. Все, что говорит в пользу героя, бросается в глаза. Этого мало; смотря на тургеневского Базарова, вы должны сознаться, что честность в нем не есть какое-нибудь случайное, чисто индивидуальное свойство; вы должны сознаться, что это в нем черта типическая. Вы чувствуете, что он не пойдет на всякую подлость, подобно, например, Ситникову. Правда, он еще молод, жизнь еще не попробовала его; но вы чувствуете, что от всего мелкого и презрительного он довольно застрахован своею гордостью, громадно развившимся самомнением. Если от пошлости спасает его то искреннее чувство озлобления, которое дает тон его уму, то от мелкой подлости спасает его эта гордость. Ему невозможно не быть, в известном смысле и в известной степени, человеком честным; иначе он должен был бы сломить себя и отказаться от высоты, на которой стоит в собственных глазах. Он чтит в себе силу, и ему невозможно оскорбить ее позовами на презрительное и мелкое дело. Ему невозможно представить себя в таком положении, которое с какой-нибудь стороны показало бы его в жалком виде. Он должен быть высок и силен; он должен внушать к себе уважение, – и это в нем не просто расчет, это в нем жизненная потребность. Люди такого разбора могут дойти, пожалуй, до героизма в этом отношении. /.../ Норма их нравственности не определяет качества поступка; она определяет только его размеры и относительное значение». С. 426: «Есть только одно верное радикальное средство против нигилизма – усиление всех положительных интересов общественной жизни. Чем богаче будет развиваться жизнь во всех своих нормальных интересах, во всех своих положительных стремлениях, религиозных, умственных, политических, экономических, тем менее будет оставаться места для отрицательных сил в общественной жизни. При таких обстоятельствах Базаровым было бы крайне неловко; им приходилось чувствовать себя в положении презрительном и бессильном, а это для них самая лютая смерть».

1863

87. [Салтыков-Щедрин М. Е.] Наша общественная жизнь // Современник. – 1863. – № 1-2. – С. 357-376 (паг.2-я).

Ярлык: Фундаментальная библиотека Омского городского училища.

О Тургеневе с. 363, 365-367, 370.

С. 357: «Читатель провинциальный живет совершенно иной жизнью; она не распадается в глазах его на мелочные подробности, но представляется в одном общем фокусе, доходит до слуха его как общий гул, в котором он стремится уловить господствующую ноту. В этой-то именно ноте он и ищет настоящей жизненной установки». С. 365-366: «Слово «нигилисты» пущено в ход И. С. Тургеневым и не обозначает собственно ничего. В романе Тургенева, как и во всяком благоустроенном обществе, действуют отцы и дети /.../ дети не в отцов вышли, и вследствие этого происходят между ними беспрестанные реприманды. Отцы – народ чувствительный и веруют во все. Они веруют и в красоту, и в истину, и в справедливость, но больше прохаживаются по части красоты. Они проливают слезы, читая Шиллерову «Resignation», они играют на виолончели, а отчасти и на гитаре, но не остаются нечувствительными и к четвертакам. Да, люди, о которых я докладывал выше, как о поддавшихся обаянию четвертака, – это всё отцы. Вообще это народ легко очаровывающийся. Когда-то они были друзьями Белинского и поклонниками Грановского, но, по смерти своих руководителей, остались, как овцы без пастыря. Очарования их приняли характер беспорядочный, почти растрепанный; с одной стороны, – *Laura am Clavier*, с другой – тысяча рублей содержания, даровая квартира и несколько пудов сальных свечей – вот две мучительные альтернативы, между которыми проходит их жизнь. Тем не менее, надо отдать им справедливость: Лаура с каждым днем все дальше и дальше отодвигается на задний план, и все ближе и ближе придвигается тысяча рублей содержания. Способность очаровываться осталась та же, но предмет ее изменился, и изменился потому, что нет в живых ни Белинского, ни Грановского. Будь они живы, они, конечно, сказали бы «отцам»: цыц! и тогда, кто может угадать, чем увлекались бы в настоящую минуту эти юные старцы? /.../ В противоположность отцам, дети представляют собой собрание неверующих. /.../ Соблазняются красивыми плечами женщины и при этом не содрогаются при мысли, что красивые плечи составляют лишь тленную оболочку нетленной души. С. 367: «/.../ как назвать совокупность всех этих зловерных качеств? как назвать людей, совокупивших в себе эти качества? Я знаю, госпожа Коробочка назвала бы их фармазонами, полковник Скалозуб назвал бы вольтерьянцами; но И. С. Тургенев не захотел быть подражателем и назвал нигилистами.../.../ Одним словом, нигилист есть человек, беспрерывно испускающий из себя какой-то тонкий яд, от которого мгновенно дуреют слабые головы мальчишек!». С. 370: «/.../ страшную услугу оказал г. Тургенев. Хорошо еще, что он заблагорассудил уморить Базарова почти насильственной смертью, но что было бы, если б Базаров выдержал, если б пришлось писать вторую часть романа и показать Базарова в соприкосновении не с госпожою Одинцовой и братьями Кирсановыми, но с жизнью действительною, если б, одним словом, пришлось изобразить Базарова деятелем общественным и политическим?».

САЛТЫКОВ Михаил Евграфович (псевдоним Н. Щедрин) (1826-1889) – русский писатель, журналист, редактор журнала «Отечественные записки», Рязанский и Тверской вице-губернатор. Отец Евграф Васильевич из старинного, но обедневшего дворянского рода. Мать Ольга Михайловна – из семьи богатого московского купца Забелина; от матери Салтыков унаследовал резкую прямооту, экспансивность, независимость поведения. В 1836 г. Салтыков поступил пансионером в Московский дворянский институт, в 1838 г. переведён в Царскосельский лицей. Многие соученики Салтыкова стали губернаторами, послами, министрами. Учение Белинского о гоголевском реализме и «натуральной школе», как и увлечённое чтение самого Гоголя, сыграли большую роль в писательском самоопределении Салтыкова. Посещение «пятниц» Петрашевского, хотя и недолгое (до нач. 1847), определило многое в идейной и политической биографии писателя. Петрашевцы были противниками крепостного права и самодержавия, увлекались философией Л. Фейербаха и романами Ж. Санд, социальной критикой и утопиями Ш. Фурье, Сен-Симона, В. Консидерана. Салтыков вспоминал в книге «За рубежом»: «...Духовно мы жили во Франции ... оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас...». В наказание за вольнодумие в 1848 года он был выслан в Вятку (Киров).

В ноябре 1855 года ему разрешено было покинуть Вятку; в феврале 1856 года он был причислен к Министерству внутренних дел; в марте 1858 года Салтыков был назначен рязанским вице-губернатором, в апреле 1860 года переведён на ту же должность в Тверь. Как только «Отечественные записки» перешли (с 1 января 1868 года) под редакцию Некрасова, Михаил Салтыков стал одним из их самых усердных сотрудников, а в июне 1868 года окончательно покинул службу и занял должность одного из главных сотрудников и руководителей журнала, официальным редактором которого стал десять лет спустя, после смерти Некрасова. Пока существовали «Отечественные записки», то есть до 1884 года, М. Е. Салтыков работал исключительно для них. Здоровье Михаила Евграфовича, расшатанное ещё с половины 1870-х годов, было глубоко подорвано запретом «Отечественных записок» в 1884 году. Он умер 28 апреля (10 мая) 1889 года и погребён, согласно его желанию, на Волковом кладбище, рядом с И. С. Тургеневым.

В Омске читали прижизненные издания Салтыкова. В фонде редких книг ОГОНБ сохранилось 9 экземпляров книг Салтыкова-Щедрина «тургеневской эпохи»: два экземпляра издания **«Признаки времени и письма о провинции»** (СПб., 1869: в 1-м экз. штампель «Общество попечения о начальном образовании в Омске. Библиотека», во 2-м экз. ярлык: «Библиотека Омской класс. гимназии»), **«Дневник провинциала в Петербурге»** (СПб., 1873: ярлык «Омская городская вторая библиотека»), **«В среде умеренности и аккуратности. Господа Молчалины – отголоски»** (СПб., 1878: ярлык «Омская городская вторая библиотека»), **«Круглый год»** (СПб., 1880: ярлык «Войсковая библиотека Сибирского казачьего войска»), **«В среде умеренности и аккуратности»** (СПб., 1881: ярлык «Войсковая библиотека Сибирского казачьего войска»), **«Признаки времени и письма о провинции два экземпляра издания»** (СПб., 1882: надпись «Получ. 21 Апреля 1883 г. / Войсковой каз. библиотеки»), **«Благонамеренные речи»** (СПб., 1883: ярлык «Войсковая библиотека Сибирского казачьего войска»). В Омск приходили номера журнала «Отечественные записки», когда его главными редакторами были Некрасов и Салтыков-Щедрин, в фонде редких книг Омской областной библиотеки хранится комплект журнала за 1868-1884 гг.

1864

88. Антонович М. А. Современные романы. (Призраки. Фантазия Ив. Тургенева. «Эпоха», 1864 г. №1-2) // Современник. – 1864. – № 4. – С. 233-238 (паг. 2-я).

Надпись на с. 273: «Омского Уездного Училища / № 349».

С. 233-234: «/.../ все ожидали, что г. Тургенев снова выступит с романом в роде «Отцов и детей», в котором окончательно добьет своих противников. /.../ А, впрочем, как знать, может быть, за «Призраками» снова грянет что-нибудь посерьезнее; ведь у г. Тургенева до сих пор поэзия и тенденция появлялись периодически, вперемежку; за «Асей – чистой поэзией, следовало «Накануне» с тенденциями; затем «Первая любовь» – поэзия, а после нее «Отцы и Дети» с резко выраженной тенденцией, наконец, «Призраки» – поэзия, за ними по очереди должна следовать тенденция, и теперь возникает вопрос, последует, или не последует? Пождем, увидим, а теперь полюбуемся «Призраками»; чудесная штука, не злая, не разобиженная и никого не обижающая, как и прилично быть поэзии, а главное невелика, всего два печатных листа; читаешь разные картины, любишься ими, и вдруг перед тобой уже отраднo мелькает конец, как приют для усталого путника».

АНТОНОВИЧ Максим Алексеевич (1835-1918) – русский литературный критик, публицист, философ. Сын дьячка. Окончил Ахтырское духовное училище, Харьковскую семинарию (1855), Петербургскую духовную академию (1859). Познакомился с Н. А. Добролюбовым; дебютировал в печати статьёй о книге А. П. Щапова о старообрядцах, написанной совместно с Добролюбовым и опубликованной в журнале «Современник». В 1862 г. после смерти Н. А. Добролюбова и ареста Чернышевского вошел в редакцию журнала

«Современник», вел отдел «Русская литература». В 1862 г. появилась нашумевшая статья Антоновича «Асмодей нашего времени», посвящённая разбору романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» и положившая начало полемике между журналами «Современник» и «Русское слово». После закрытия журнала «Современник» жил за границей (1866-1868). По возвращении сотрудничал с различными изданиями, занимался переводами.

В Омске сохранились издания с переводами М. А. Антоновича: с немецкого «Введение в историю девятнадцатого века» Г. Гервинуса (СПб., 1864); с французского «История Второй империи во Франции» Т. Делора (СПб., 1871), «Жизненные явления, общие животным и растениям» К. Бернара (СПб., 1878: штемпель «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска»), «Современный социализм» Э. Лавеле (СПб., 1882: ярлык «Омская городская Пушкинская библиотека»); с английского «Астрономия» Н. Локиера (СПб., 1876: ярлык и штемпель «Библиотеки Омской женской прогимназии», штемпель «Книжный магазин С. Г. Александрова в Омске»).

89. [Писарев Д. И.] Нерешенный вопрос (статья первая) // Русское слово. – 1864. – № 9. – С. 1-44 (паг. 2-я).

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел № XV / № 4904.

В журнале статья – без подписи. В 1866 г. была опубликована под названием «Реалисты», без разделения на три статьи, с общей нумерацией глав и с посвящением матери.

С.10: «Один из лучших людей старшего поколения, Тургенев, писатель честный, написавший и напечатавший «Записки охотника» задолго до уничтожения крепостного права, Тургенев, говорю я, обращается к молодому поколению и громко предлагает ему вопрос: «Что вы за люди? Я вас не понимаю, я вам не могу и не умею сочувствовать. Вот что я успел подметить. Объясните мне это явление». Таков настоящий смысл романа. Этот откровенный и честный вопрос пришелся как нельзя более вовремя». С. 18-19: «Базаров с первой минуты своего появления, приковал к себе все мои симпатии, и он продолжает быть моим любимцем даже, теперь. Я долго не мог себе объяснить причину этой исключительной привязанности, но теперь я ее вполне понимаю. Ни один из подобных ему героев не находится в таком трагическом положении, в каком мы видим Базарова. Трагизм базаровского положения заключается в его полном уединении среди всех живых людей, которые его окружают. Он везде производит свою особую резкий диссонанс, он всех заставляет страдать своим присутствием и существованием, он сам это видит и понимает; и понимает, кроме того, с мучительной ясностью роковые причины и абсолютную неизбежность этих страданий». С. 22: «Базаров заслуживает сочувствия, потому что быть мучителем, и мучителем роковым, для каждого разумного существа гораздо тяжелее, чем быть жертвою». С. 40-41: «Базаров даже и говорит-то совсем немного и выражает свои мысли так коротко и отрывисто, что почти каждое его слово требует дополнительных и пояснительных комментариев. Так не говорят болтуны, то есть люди, наслаждающиеся звуком собственных речей. Так говорят только деловые люди, чувствующие непримиримую ненависть ко всякому риторству».

90. [Писарев Д. И.] Нерешенный вопрос (статья вторая) // Русское слово. – 1864. – № 10. – С. 1-58 (паг. 2-я).

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел № XV / № 4905.

С. 1-3: «Базаров – циник; взгляд Базарова на женщину проникнут самым грубым цинизмом". Такое суждение вы услышите от каждого русского человека, прочитавшего роман Тургенева и умеющего произнести слова «циник» и «цинизм». В устах русского человека эти слова имеют, конечно, ругательное значение. /.../ Циником называют у нас человека прямодушного и откровенного, презирающего всякое фразерство и беспощадно разоблачающего гадости, которые мы любим облекать в грациозные формы и смягчать

благозвучными словами. /.../ остается разрешить вопрос, каким языком лучше говорить о красоте женщины: высоким и восторженным или простым и естественным». С. 4-5: «Базаров не пускается в дальнейшие диалектические тонкости и не объясняет причины, почему красивые речи возбуждают в нем непобедимое отвращение. Между тем такая причина действительно существует, и ее никак нельзя назвать неосновательною». С. 7-8: «/.../циники, подобные Базарову, уважают себя только за то, что крепко трудятся; а эстетики уважают себя за то, что красиво едят, красиво пьют, красиво умываются и красиво глядят на красивых женщин». С. 9-10: «Справляясь с идеями, мы думаем, что нам также легко справляться и с живыми явлениями, а вдруг оказывается, что живое явление затрагивает нас с такой стороны, которую мы и не подозревали в своей особе. /.../ Базаров, с первого разговора своего с Одинцовой, заметил, что эта женщина умеет уважать свое достоинство и смотрит на жизнь серьезными глазами мыслящего человека. Шутить с такою женщиною было невозможно; обманывать ее было трудно и опасно. /.../ Искренность Базарова доходит до крайних пределов, и мне кажется, что именно эта искренность, эта полнейшая честность, неподдельность приводят за собою его неудачу и разрыв только что зарождавшихся отношений. Эта неподдельность показалась некрасивою». С. 19: «Вам, может быть, угодно знать теперь, почему Одинцова не полюбила Базарова или, точнее, почему ее зарождавшаяся любовь к этому человеку не повела за собою никаких счастливых последствий. А по тому же самому, почему король Лир оттолкнул от себя ту единственную дочь, которая действительно была к нему привязана; потому что чувство Базарова, подобно чувству Корделии, выразилось некрасиво, то есть несогласно с эстетическими требованиями того лица, к которому это чувство адресовалось». С. 57-58: «Тургенев не виноват в том, что его именем пользуются Хлестаковы и держиморды нашей журналистики. И все идеи Базарова остаются верными и честными идеями, несмотря на тот толстый слой грязи, которым завалили их. Конечно, Тургенев мог бы быть менее пассивным в то время, когда его имя марали /.../ но ведь известное дело, старость не радость, и шум журнальной полемики ему уже не по летам».

1865

91. Писарев Д. Прогулки по садам российской словесности // Русское слово. – 1865. – № 3. – С. 1-68 (паг.2-я).

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел XV / № 4910.

О Тургеневе С. 53-55: «Что же касается до целого ряда статей, посвященных роману Тургенева, то, мне кажется, нетрудно понять, что этот ряд статей клонится не к прославлению романа, а к поражению тупых филистеров подобных г. Дудышкину, и близоруких реалистов, подобных г. Антоновичу. Смотрите на это чудовище, заговорили филистеры, указывая юным нигилистам на фигуру Базарова, только что появившегося в печати. Ваши идеи приведут вас прямым путем к этому ужасному результату; поэтому отрекайтесь тотчас от ваших заблуждений. Близорукие и робкие реалисты, под предводительством г. Антоновича, действительно приняли Базарова за чудовище и стали доказывать, путаясь и сбиваясь в своих рассуждениях, что их идеи никогда не могут привести их к ужасному результату, изобретенному г. Тургеневым. На этой позиции реалистам грозило неизбежное поражение, потому что филистеры могли доказать, как дважды два – четыре, что Базаров – не клевета, не карикатура, а совершенно верный итог реалистических тенденций. Поэтому надо было повернуть вопрос иначе; надо было доказать, что Базаров – не чудовище, а мыслящий работник и превосходный человек. Эту задачу я постарался выполнить, и мне кажется, что я могу считать мою цель достигнутою, потому что до сих пор ни филистеры, ни «Современник» не представили ни одного возражения против моего взгляда на личность Базарова. Филистеры нападают на разные частности «Нерешенного вопроса», не касаясь анализа базаровского типа, а

«Современник» не производит до сих пор ничего, кроме угрожающих демонстраций. Если же наша литература принуждена будет признать умственные и нравственные достоинства Базарова, то вместе с тем она принуждена будет отказаться от всех своих нелепых предубеждений против нашего реализма. Значит, ряд статей о Базарове был написан затем, чтобы защитить и разъяснить весь строй наших понятий, а не затем, чтобы выставить напоказ красоты тургеневского романа. В каком чине состоит Тургенев на службе у Аполлона, до этого мне нет никакого дела; если вы мне скажете, что Тургенев – второстепенный поэт, а Пушкин – первоклассный гений, я с вами даже и спорить не буду, потому что этот вопрос меня несколько не интересует. Я вам скажу только, что Тургеневу посчастливилось поднять в нашей умственной жизни такой вопрос, которого никогда не поднимал и не мог поднять Пушкин. Поэтому о Тургеневе я писал для того, чтобы разъяснить поднятый им вопрос; о Пушкине же я буду писать только затем, чтобы образумить суеверных обожателей этого устарелого кумира. В том и другом случае я имею в виду только то количество пользы, которое могут доставить данному обществу в данную минуту те или другие идеи. Идеи Базарова я считаю полезными, – поэтому я говорю о них с уважением; идеи Пушкина я считаю бесполезными, – поэтому я говорю о них с пренебрежением».

92. Антонович М. А. Промахи (Последний философ-идеалист. В. А. Зайцева. «Русское Слово», 1864, декабрь); (Нерешённый вопрос. «Русское Слово», 1864, сентябрь). Статья вторая // Современник. – 1865. – № 4. – С. 273-322 (паг. 2-я).

Ярлык: Фундаментальной библиотеки уездного училища / Хронол. катал. № 72 / Систем катал. Отд. № 159.

С. 308: «Г. Тургенев в своем романе искажил убеждения лучшей части современного поколения, мы протестовали против таких искажений; г. Тургенев навязывал современному поколению нелепые идеи и тенденции, каких оно вовсе не имеет, мы называли это намеренным обманом и вообще непохвальным приемом; г. Тургенев старался превознести отцов на счет детей и давал понять, что отцы и в науке и в искусстве «ближе к истине», чем дети, мы утверждали, что он говорит это или против совести, или потому, что не понимает современного направления в науке и искусстве; г. Тургенев старался выставить детей в невыгодном свете и с нравственной стороны, и тут отдавал предпочтение отцам, мы на основании самого же романа доказали, что в нравственном отношении отцы несколько не выше детей, что действия отцов выступают в романе в более благоприятном свете оттого собственно, что г. Тургенев действия отцов изобразил одними фразами, сокровенными и благопристойными, а действия детей – другими, более грубыми и бесцеремонными, а если изобразить те и другие одинаковыми фразами, то и они окажутся одинаковыми по моральному достоинству».

93. Писарев Д. И. Посмотрим! // Русское слово. – 1865. – № 9. – С. 1-78 (паг. 2-я).

Ярлык: библиотека Сибирского кадетского корпуса. Штемпель: Омская городская библиотека периодических изданий.

С. 8: «Враги реализма любили говорить о романе Тургенева три года назад; они надеялись тогда, что этот роман принесет им пользу, что он испугает молодых людей резкостью изображения и отбросит их назад к сентиментальному реализму и благонаправленному чиновничеству. Враги реализма вскоре разочаровались в своих надеждах; когда «Русское слово» объяснило молодым людям, что в резких чертах базаровской физиономии нет ничего страшного, порочного и предосудительного, тогда роман Тургенева потерял для врагов реализма всю свою привлекательность».

94. Писарев Д. И. Новый тип // Русское слово. – 1865. – № 10. – С. 1-54 (паг. 2-я).
Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса.

С. 6-7: «Над существованием новых людей прежде всех задумался в нашей беллетристике Тургенев. Инсаров был неудачною попыткою в этом направлении; Базаров явился очень ярким представителем нового типа; но у Тургенева, очевидно, не хватило материалов для того, чтобы полнее обрисовать своего героя с разных сторон. Кроме того, Тургенев, по своим летам и по некоторым свойствам своего личного характера, не мог вполне сочувствовать новому типу; в его последний роман вкрались фальшивые ноты, которые вызвали со стороны «Современника» строгую и несправедливую рецензию г. Антоновича. Эта рецензия была ошибкою. /.../ Тургенев – чужой в отношении к людям нового типа; он мог наблюдать их только издали и отмечать только те стороны, которые обнаруживают эти люди, приходя в столкновение с людьми совершенно другого закала. Базаров является один в таком кругу, который вовсе не соответствует его умственным потребностям; Базарову некого любить и уважать, и потому всякому читателю, а «проницательному» в особенности, может показаться, что Базаров неспособен любить и уважать. Это последнее мнение составляет совершенную нелепость; нет того человека, у которого не было бы способности и потребности любить и уважать подобных себе людей; ничто не дает нам права думать, чтобы Тургенев захотел взвести на своего героя такую пустую небылицу; он просто не знал, как держат себя Базаровы с другими Базаровыми; не знал, как проявляются у таких людей чувства серьезной любви и сознательного уважения; он чувствует небывалость этого типа и недоумевает перед ним, да так и останавливается на этом недоумении все-таки потому, что не хватает материалов. /.../ нетрудно понять, почему Тургенев принужден был в своем Базарове остановиться на одной суровой стороне отрицания».

1867

95. Страхов Н. Н. Новая повесть г. Тургенева: Дым. Повесть. «Рус. Вестн.» 1867. Март // Отечественные записки. – 1867. – № 5. – С. 157-180 (паг. 2-я).

Ярлык: Фундаментальной библиотеки уездного училища / Хронол. катал. № 72 / Систем катал. Отд. № 159.

С. 167: «Тургенев к числу прежних своих женских образов, которые он один умеет рисовать с таким глубоким пониманием, присоединил новый, который, по прелести и по несчастливой судьбе, станет рядом с Наташей (в «Рудине»), «Асей», Лизой (в «Дворянском гнезде»), Еленой («Накануне»)… Образ Ирины (в «Дыме») далеко не дорисован /.../ Ирина ненавидит пустоту и пошлость, скрывающуюся под блеском и роскошью высшего света». С. 168: «/.../ все обвинения Ирины заключаются в том, что она не ушла с Литвиновым. /.../ Литвинов даже не Рудин с его неистощимым, увлекательным энтузиазмом, не Базаров, с которым, по выражению Одинцовой, «говоришь точно по краю пропасти ходишь»; Литвинов просто потерявшийся мальчик; из-за чего же тут жертвовать жизнью?». С. 169: «/.../ мы находим в повести Тургенева слишком много счастья. /.../ Ни одного из прежних своих героев он не наделял счастьем так легко и так надолго, как Литвинова. Кроме Инсарова, так быстро умершего. Тургенев даже не женил ни одного из своих героев и не давал им удачи в любви. /.../ Русское общество имеет так мало крепких основ, так сильно поражено различными недугами, что в нем трудно быть счастливым, ибо для счастья требуется прочный строй жизни, требуется атмосфера, в которой бы спокойно и свободно могли раскрываться душевные силы». С. 169-170: «/.../ откуда же отчаянная мысль, что все человеческое дым? Нужно говорить правду, это мысль не Литвинова, а самого г. Тургенева. Вот уже третье произведение, в котором проглядывает эта мысль. «Призраки», «Довольно», «Дым» – все это вариации на старинную тему: *суета сует и всяческая суета*. В «Дыме» автор развивает ее почти так же, как древний Экклезиаст: «Все дым и пар; все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за

явлениями, а в сущности все то же, да то же; все торопится, спешит куда-то, и все исчезает бесследно, ничего не достигая». Не то же ли говорит Экклезиаст: «Что пользы человеку во всем труде его, которым он трудится под солнцем? То, что было, есть то же, что будет; и то, что сделано было, есть то же, что сделано будет; и нет ничего нового под солнцем».

СТРАХОВ Николай Николаевич (1828-1896) – русский философ, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской академии наук (1889), действительный статский советник. Родился в семье священника. Учился в костромской духовной семинарии (1840-1844), в Петербургском университете (1845-1848). Окончил естественно-математическое отделение Главного педагогического института (1851). Был учителем в Одессе и Петербурге. Защитил магистерскую диссертацию по зоологии (1857). С 1861 г. стал сотрудником Ф. М. и М. М. Достоевских по журн. «Время», а затем «Эпоха». Сотрудничал также в «Библиотеке для чтения», «Гражданине», а в последние годы жизни – в «Русском вестнике». В 1867 был редактором «Отечественных записок». Служил в Петербургской публичной библиотеке (с 1873), чиновником в Комитете иностранной цензуры (с 1885). Страхов полемизировал с «Современником» и «Русским словом», выступал с нападками на творчество Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других писателей демократического лагеря, обвиняя их в «утилитарном» подходе к искусству (статьи этих лет вошли в сборник «Из истории литературного нигилизма», 1890). Положительно оценив роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», Страхов в то же время истолковал его как антинигилистический; в более поздних статьях рассматривал Тургенева как жертву «западничества». Похоронен в Санкт-Петербурге на Новодевичьем кладбище.

В фонде редких книг ОГОНБ сохранились отдельные издания Страхова из круга чтения омичей, а также некоторые его переводы: два издания Страхова «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. (1862-1885)» (СПб., 1895: штемпель «Переплетчик Е. М. Андреевских», надпись «Тюкал. Центр. Биб-ка»; Киев, 1901: Фундаментальной библиотеки Омской первой женской гимназии); два издания Страхова «**Борьба с Западом в нашей литературе**» (СПб., 1882: штемпель «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска»; СПб., 1883: штемпель «Библиотека Омского коммерческого клуба»), «**Из истории литературного нигилизма. 1861-1865**» (СПб., 1890: ярлык «Омская городская Пушкинская библиотека»), «**Заметки о Пушкине**» (СПб., 1888: ярлык «Фундаментальной библиотеки Омской первой женской гимназии»; Киев, 1897: штемпель «Фундаментальная библиотека 1-й мужской гимназии»), два конволюта с первыми журнальными публикациями Страхова из библиотеки Сибирского казачьего войска); его переводы с немецкого – «История новой философии» К. Фишера (СПб., 1864: штемпель «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска»), «История материализма и критика его значения в настоящее время» Ф. А. Ланге (СПб., 1881: владельческая надпись «Лавра Чиркова»); два экземпляра издания под редакцией Страхова Луи Фигье «Светила науки от древности до наших дней» (СПб.; М.: 1869: штемпель «Сибирская военная гимназия»).

96. Аннеков П. В. Русская современная история в романе И. С. Тургенева «Дым» // Вестник Европы. – 1867. – № 6. – С. 100-120 (паг. 4-я).

Ярлык вырезан. Штемпель: Омская городская библиотека периодических изданий.

С. 110-111: «...одно из самых зрелых созданий Тургенева, образ героини любовного романа, Ирины Ратмировой. Что это за женщина?/.../ Ирина презирает и ненавидит окружающий ее мир, который вознес ее на высшую ступень благосостояния, почестей и довольства. Неожиданная встреча в Бадене с Литвиновым, прежним своим женихом, давно покинутым ею, сразу возбуждает в ней предчувствие, что в этом случайном обстоятельстве заключается для нее единственный последний исход из того состояния духовного сиротства, в котором она находится». С. 114: «Очевидно – честный, строгий к себе и размышляющий Литвинов принадлежит к числу русских людей, которых всегда можно застать врасплох.

В самом деле, герой этот напоминает нам тех спокойных, часто весьма здравомыслящих наших людей, которые необъяснимым образом оказываются замешанными в планы и предприятия, противоречащие их настоящему характеру, образу мыслей и привычкам суждения».

97. [Утин Б. И.] Аскетизм у Тургенева // Отечественные записки. – 1867. – № 7. – С. 52-56 (паг. 2-я).

Ярлык: Фундаментальной библиотеки уездного училища / Хронол. катал. № 659.

С. 52: «г. Тургенев /.../ принадлежит к числу писателей, «которые навсегда останутся честью для нашего отечества», так как он /.../ есть наш классический писатель, изучаемый в школах подобно тому, как изучаются там Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, так как его переводят на иностранные языки. /.../ интересно будет указать в его творчестве такой элемент, как аскетическое воззрение. /.../ В настоящее время мы обыкновенно представляем себе аскетическое настроение, как плод полного утомления жизнью, как выход из печального взгляда на мир, приобретенного долгою опытностью». С. 53: «Две лучшие героини г. Тургенева, Лиза и Елена, обрекают себя на отшельническую жизнь, потому что безмерно, до конца полюбили. /.../ Молодые. Исполненные сил и душевной прелести, они отрекаются от мира. /.../ Подобным образом не находит выхода и гибнет от страсти Вера в «Фаусте» /.../: «жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение... жизнь – тяжелый труд. Отречение, отречение постоянное – вот ее тайный смысл, ее разгадка». С. 54-55: «Несколько иное настроение обнаруживает герой «Призраков» и герой «Довольно». Эти люди не жалуются на житейские испытания; не видно чтобы жизнь обидела их /.../. Между тем, оба отрекаются от жизни /.../ крайняя душевная слабость, доходящая до отвращения к себе, до изнеможения – вот душевное настроение, внушающее этим лицам мысли о ничтожестве и суете всего на свете».

УТИН Борис Исаакович (1832-1872 г.) – юрист; окончил курс в Дерптском университете; был профессором Петербургского университета по кафедре истории положительных законодательств. В 1861 г., во время студенческих волнений, вместе с К. Д. Кавелиным, В. Д. Спасовичем, М. М. Стасюлевичем и А. Н. Пыпиным оставил университет. Памятен своим воспитательным влиянием на студентов и своею живою преподавательскою деятельностью; отличался высоким нравственным ригоризмом. Последние годы жизни был членом Петербургского окружного суда и Петербургской судебной палаты.

Омичи были знакомы с работами Утина по журнальным публикациям. Его труды: «О мировой юстиции и самоуправлении в Англии» («Современник», 1860); «Очерк исторического образования суда присяжных в Англии» («Русский вестник», 1860); «Судебная реформа» («Отечественные записки», 1862); «Государственный быт Англии» («Отечественные записки», 1862); «Светское законодательство и церковь с XVII в.» («Вестник Европы», 1868, № 7) и др.

1868

98. Лунин Н. [Благосветлов Г. Е.] Старые романисты и новые Чичиковы (Дымъ. Соч. Ив. Тургенева. изд. Салаевыхъ. М-ва, 1868 г.) // Дело. – 1868. – № 1. – С. 1-17 (паг. 2-я).

Надпись: Каз. биб. / по каталогу 9/68.

С. 4: «Тургенев, действительно, создан для украшения собою картинной галереи наших идеалистов. Воспитание его, блестящее внешнее образование, сама его жизнь была выдержанной школой, в которой формируется присяжный эстетик. Жесткая рука материальной нужды и лишений не касалась его и не могла положить на нем своего грубого, плебейского отпечатка; беспечальная область рисуемых им героев и героинь совершенно гармонирует с розовой обстановкой его собственной жизни». С. 5: «Как все прежние произведения Тургенева, «Дым» отличается мастерской мозаической отделкой той будуарной роскошью женских чувств и положений, которыми Тургенев всегда так сильно действовал на своих читателей и

особенно читательниц». С. 8: «либеральный и столь же благонамеренный, Литвинов по своей бесцветности и вялости ускользает от всякого анализа; в нем все так благоустроено, так неуловимо гладко, так аккуратно приглажено и примазано, что нет никакой возможности определить, зачем эта жизнь явилась на свет божий и для чего она влачится».

БЛАГОСВЕТЛОВ Григорий Евлампиевич (1824-1880) – русский журналист, публицист, автор литературно-критических статей; редактор журналов «Русское слово» и «Дело». Сын священника. Окончил юридически факультет Петербургского университета (1851). Студентом одновременно с Н. Г. Чернышевским участвовал в кружке И. И. Введенского. Преподавал в военных учебных заведениях, но за «вредный образ мыслей» был уволен и подчинен полицейскому надзору (1856). В 1857-1860, живя за границей, был воспитателем детей А. И. Герцена, принимал некоторое участие в его издательской деятельности. Благосветлов активный деятель революционного подполья 1860-х гг., член ЦК организации «Земля и Воля» (1862). В 1860-1866 – фактический редактор журнала «Русское слово»; Благосветлов участвовал в полемике, которую вел журнал с «Современником», придерживаясь взглядов, близких Д. И. Писареву. В 1866-1880 – редактор-издатель журн. «Дело». Первые статьи Благосветлова – историко-литературного и критического характера. Затем выступал как публицист по вопросам народного образования, равноправия женщин, экономическим, политическим, историческим проблемам. Скончался 7 (19) ноября 1880 года в Санкт-Петербурге. Похоронен на Волковом кладбище.

99. Скабичевский А. Новое время и старые боги. («Дым», повесть Тургенева. Москва, 1867.) // Отечественные записки. – 1868. – № 1. – С. 1-40 (паг. 2-я).

С. 18: «Я не знаю, какое впечатление произвела повесть Тургенева на читателя, но когда я читал эту повесть, мне постоянно казалось, что я читаю талантливую повесть, написанную 30 лет назад». С. 38: «Что ж за причина, что г. Тургенев так сочувственно относится к Литвинову, тогда как этот Литвинов не выдерживает самой снисходительной критики /.../. У г. Тургенева слились вместе два взгляда: взгляд на среду, как на средоточие всего русского, и в то же время взгляд на эту среду, как на нечто дряблое, растленное, изжившееся. Из подобного слития двух взглядов следует прямой результат: если по жизни и нравам одной среды мы будем заключать о жизни и нравах всего общества, и если эта жизнь представится нам выдохшеюся, а нравы дрянными, в таком случае мы невольно придем к выводу, что и все общество никуда не годится. Вот чем только и можно объяснить постоянное сетование г. Тургенева, проходящее по всем его произведениям, о том, что у нас нет хороших людей, что не только русское племя, но и все вообще славяне страдают отсутствием воли».

СКАБИЧЕВСКИЙ Александр Михайлович (1838-1911) – русский литературный критик и историк литературы либерально-народнического направления. Родился в семье бедного петербургского чиновника из малороссийских дворян. Окончил филологический факультет Петербургского университета (1861). Ещё до окончания курса напечатал в журн. «Рассвет» статью о «Записках охотника» И. С. Тургенева. Первою статьею его, обратившею на себя внимание, было «Воспитательное значение Гончарова и Тургенева» в «Невском сборнике» Н. Курочкина (1867, под псевдонимом Алкандров). С 1868 года сделался ближайшим сотрудником «Отечественных записок». Для «Биографической библиотеки» Павленкова Скабичевский написал биографии А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Н. А. Добролюбова и А. Ф. Писемского. Ряд «Очерков умственного движения русского общества», печатавшихся в «Отечественных записках», был собран автором под заглавием «История прогрессивных идей в России», но издание не увидело света своевременно (1872), и лишь позднее «Очерки» вошли в собрание сочинений под заглавием: «Сорок лет русской критики». Предназначая свои работы исключительно для большой публики, он не занимался самостоятельными изысканиями, пользовался материалом из вторых рук и заботился только о том, чтобы изложить его в общедоступной форме. Не отделяя задач истории литературы от задач критики, Скабичевский не заботился и об исторической перспективе и явления прошлого

судил с современной точки зрения. Пользовавшаяся большим успехом «История новейшей русской литературы» не соответствовала своему заглавию: собственно истории, то есть общей картины хода литературных течений, здесь нет, а есть ряд биографических сведений о писателях. «Очерки по истории русской цензуры» интересны тем, что в них почти целиком вошло редкое конфиденциальное издание – «Исторические сведения о цензуре» Петра Щебальского. Умер в Павловске, похоронен на Волковом кладбище.

Работы Скабичевского были популярны в Омске. В фонде редких книг ОГОНБ сохранилось 19 экземпляров его изданий:

- «Сочинения» (СПб., 1890. Т. 1: штемпель «Василий Александрович Кузьмин»; Т. 2: штемпель «Библиотека Водников имени 8 февраля»);

- «История новейшей русской литературы. 1848-1908» (СПб., 1891: ярлык и штемпель «Фундаментальной библиотеки Омской первой женской гимназии»), (СПб., 1893: штемпель «Книжный магазин А. С. Александрова в Омске», владельческая надпись «В. А. Морозов»), (СПб., 1909: ярлык «Омская городская вторая библиотека»);

- «Очерки истории русской цензуры (1700-1863)» (СПб., 1892: штемпель «Омская городская общественная библиотека имени Александра Сергеевича Пушкина»);

- из серии Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей» – «М. Ю. Лермонтов» (СПб., 1891: штемпель «Книжный магазин А. С. Александрова в Омске», ярлык «Фундаментальной библиотеки Омской первой женской гимназии»), «А. С. Грибоедов» (СПб., 1893: ярлык «Омская городская вторая библиотека»), 3 экз. «Н. А. Добролюбов» (СПб., 1894: 1-й экз. с ярлыком «Омская городская вторая библиотека»); (СПб., 1901: 2-й экз. с штемпелем «Вторая Омская городская бесплатная библиотека»; 3-й экз. с штемпелем «Омская городская общественная библиотека имени Виссариона Григорьевича Белинского»); «А. Ф. Писемский» (СПб., 1894: штемпель «Ученическая библиотека Омского коммерческого училища»), «А. С. Пушкин» (Пг., 1914: штемпель «Ученическая библиотека Омского коммерческого училища») и др.

- «Русские писатели со времен Петра Великого и до наших дней» (СПб., 1908: штемпель «Книжная торговля И. С. Титова / покупка и продажа / русск. и иностр. книг, нот / и учебников», надпись «Омская центральная Пушкинская библиотека»)

100. Лунин Н. [Благосветлов Г. Е.] Старые романисты и новые Чичиковы (Дым. Соч. Ив. Тургенева. изд. Салаевых. М-ва, 1868 г.) // Дело. – 1868. – № 3. – С. 1-20 (паг. 2-я).

Суперэклибрис: «С.К.Б.» [Сибирского Казачьего (войска) библиотека].

С. 4: «/.../ наша пронизательная критика открыла в г. Тургеневе особое чутье к современным интересам действительной жизни, угадывание только что зарождающихся новых явлений и людей. Если б это было так, то почему же талантливый романист не сумел понять в «Отцах и детях» личность Базарова и почему он тешил нас «Призраками» в то время, когда перед его глазами было так много действительных событий, достойных внимания каждого мыслящего человека. Но эти события пронесли мимо г. Тургенева и не нашли в его произведениях ни одного живого отклика». С. 8: «Многие до сих пор не знают, чего желает и чего не желает г. Тургенев. Поэтому и роман его «Отцы и дети» произвел на критиков двух покойных журналов такое противоположное впечатление, что один из них едва не захлебнулся от негодования, а другой едва не растаял от восторга. И тот и другой в свое время были совершенно правы: все зависело от точки зрения на Базарова, на которого можно бы взглянуть как на карикатуру, или как на живой тип действительного существа, к которому автор отнесся совершенно индифферентно, и это недоразумение могло бы продолжаться до сих пор, если б в «Дыме» г. Тургенев не пояснил намь своего взгляда гораздо откровеннее... Во всяком случае мы теперь знаем, на какой стороне стоит автор «Дыма» и чего можно ожидать от него в будущем. Но мы не в праве считать его простым копировщиком явлений нашей жизни и не можем отказать его таланту к способности возвышаться до общих воззрений на окружающий

его мир». С. 9: «г. Тургенев держит своих читателей в продолжении двадцати лет на созерцание одних любовных картинок, приклеивая к ним, для разнообразия, кой-какие эпизоды из действительного нашего быта: не жизнь виновата, в том, что он сочиняет «Призраки» в то время, когда все лучшие наши деятели стараются рассеять их и отрезвить и без того отуманенные головы своих соотечественников; – виноват сам г. Тургенев, невзаботившийся дать своему таланту другого лучшего назначения, посвятить его изучению высших человеческих интересов и понять действительные потребности того общества и литературы, которые дали ему имя и славу». С. 20: «Для литературы, бедной содержанием, великими идеями и образами, повести г. Тургенева могут иметь свое значение. Их нужно читать не для того, чтобы расширить горизонт своей мысли или познакомиться с новыми человеческими чувствами, а для того, чтобы провести несколько часов эстетического наслаждения. Их собственно и читать не нужно, а надо, так сказать, кушать, как кушают персиковую кашку или малиновой кисель».

101. [Салтыков-Щедрин М. Е.] Напрасные опасения. (По поводу беллетристики) // Отечественные записки. – 1868. – № 10. – С. 168-194 (паг. 2-я).

Надпись: Казачьей библиот. / По каталогу 12/110 / 1 отд.

О Тургеневе с. 168-171, 191-192.

С. 168: «Конечно, общество и ныне с удовольствием останавливает свое внимание на новых произведениях своих давнишних любимцев: Тургенева, графа Л. Н. Толстого и немногих других, но так как эти писатели действуют на литературном поприще уже довольно продолжительное время, то публика не без горечи предусматривает тот момент, когда, вследствие естественного или случайного прекращения их деятельности, она надолго останется без хорошего литературного чтения. /.../ В настоящем, читают и интересуются судьбами русской литературы все те же (или, по крайней мере, того же закала) люди, которые читали, интересовались во времена самого сильного разгара славы автора «Рудина» и «Дворянского гнезда». С. 171-172: «Публику привлекали тургеневские типы потому, что они принадлежали к той среде, которая ей всего ближе была знакома. Она видела в этих типах себя саму, да, пожалуй, еще в таких праздничных одеждах, о которых знала только понаслышке. Ни Рудин, ни Лаврецкий не противоречили никаким основным ее убеждениям, не оспаривали ее права на досуг; они только вносили в этот досуг новый и очень приятный элемент изящества. Насколько чувствовал себя бессильным каждый член читающей толпы, настолько же оказывались бессильными и герои Тургенева; но эти последние представлялись в таком всеоружии изящества, что читатель, вместо того чтобы анализировать и доискиваться, привыкал видеть в них свои идеалы. Притом же в этом будировании слышалось столько хороших и честных слов, что на людей, свободно произносивших эти слова, нельзя было смотреть без особенной сердечной симпатии. Это были слова, несомненно, новые, впервые произносившиеся в нашем обществе, но не такие, однако ж, которые озадачивали бы это общество, которые не нашли бы в нем некоторой подготовки. Умственному взору настроенного этими словами читателя открывалась целая обширная область, целая безграничная картина, в которой, на общем фоне досуга, красовались слова: «изящное» и «интеллигенция». Таким образом, право на досуг не только не отрицалось, но даже как бы оправдывалось. А ежели мы еще припомним ту обаятельную обстановку, которою так богаты произведения Тургенева, то без труда поймем, почему этот писатель так всецело завладел вниманием нашей читающей публики. Мы нимало не желаем обвинить Тургенева в том, что у него везде на первом плане стоит «лишний человек». Он сам придумал такое меткое определение для своих героев, и, конечно, придумал его не с тем, чтобы льстить. Среда, которую изображал этот писатель, действительно ничем так не избыточна, как «лишними людьми», а взаимная разница между этими людьми заключается единственно в том, что одни сознают себя лишними, а другие не сознают. /.../ Уяснение типа ненужного человека необходимо должно вызвать потребность в уяснении типа человека

нужного; правдивое изображение среды, страдающей болезненными раздражениями мысли, неизбежно приведет к представлению возможности такой среды, где подобные раздражения допускаются только как исключения. Какими бы симпатичными чертами ни рисовали мы «лишнего человека» – все же это явление болезненное, а не нормальное». С. 182: «/.../следует уже искать типов положительных и деятельных и отнести к ним с тою же правдивостью, с которою литература предшествующего периода относилась к типу человека, страдающего излишним досугом. Весь вопрос в том, где искать этих деятельных и положительных типов. Очень может статься, что та среда, в которой они обретаются, представляет собою грубую и неприятную на взгляд массу, изнемогающую под игом разнородных темных сил; очень может быть, что это даже и не масса, а просто безобразная агломерация единиц, тянущих в разные стороны и не сознающих никакой общей цели». С. 147: «Автор, желающий изобразить положительного русского человека, должен не только стоять на известной нравственной высоте, но и обладать достаточною суммою знаний, без помощи которых невозможно объяснить те особенности языка, приемов и отношений, совокупность которых собственно и составляет живое лицо». С. 191: «/.../ со времени крестьянской реформы русский мужик делается в нашей литературе как бы героем дня. Целая фаланга молодых писателей исключительно посвящает ему всю свою деятельность; большинство старых писателей тоже считает долгом сказать об нем несколько лестных слов /.../ мы должны упомянуть о Тургеневе, но, к сожалению, бесспорно талантливая деятельность этого писателя на поприще разработки народных типов проявилась эпизодически и была слишком заслонена последующею литературною его деятельностью, чтобы оказать решительное влияние на характер и направление нашей литературы в этом смысле». С. 192: «Сучок, Ермолай, Бирюк, Касьян и другие типы, созданные рукою Тургенева, нисколько не знакомили нас с крестьянскою средою, не потому что это не были типы вполне живые, а потому что они представлялись нам уединенными, стоящими в положении исключительном и преисполненным недомолвок. Нужна была целая крестьянская среда, нужна была такая картина, в которой крестьянин являлся бы у себя дома и настолько свободным, чтобы стесняющие его искусственные грани, по крайней мере, не делали для него обязательною немоту языка, не заставляли его на всяком шагу озираться и оговариваться. /.../ Картина должна дать более полное и отчетливое понятие об искомом предмете, нежели даже мастерские типы Тургенева, при помощи которых перед нами раскрывалась только какая-то таинственная, недоступная глубь».

102. Л. П. [Полонский Л. А.] Критика русских писателей в Германии // Вестник Европы. – 1868. – № 12. – С. 909-916.

Ярлык: Фундаментальной библиотеки Омской женской гимназии. / По хронологическому каталогу № 351». Штемпель: Омская городская библиотека периодических изданий. Надпись: Ф.Б.О.Ж.Г.

С. 910: «Русским читателям интересно будет знать мнение наиболее популярного из современных немецких критиков, Юлиана Шмидта, об одном из наиболее замечательных писателей современной России, а именно о том, которого произведения вызвали в критике отечественной наиболее разногласия – о И. С. Тургеневе». С. 911-912: «Ю. Шмидт касается освобождения крестьян, и главную заслугу литературной деятельности Тургенева видит в том, что он изобразил, что такое была у нас неволя. /... /О личном отношении Тургенева к картинам, которые он рисует, Ю. Шмидт замечает: «Совершенно непонятно, как мог один французский критик утверждать, что сам Тургенев остается нейтральным в этом деле, ограничивается объективным, беспристрастным изображением его. Тургенев, правда, не пускается в риторство; выражение его остается трезво даже тогда, когда он рассказывает самые ужасные вещи; но именно в этом трезвом выставлении фактов во всей его наготе и чувствуется. Что у повествователя кипит кровь». С. 912-913: «Переходя к оценке литературных достоинств нашего писателя, Ю. Шмидт прежде всего делает такое замечание: «В поэтической силе Тургенев не

уступает никому из живущих ныне писателей Европы. Впрочем, великая поэтическая сила еще не делает великого поэта. Современникам трудно решить, какое значение будет иметь поэт в литературе; здесь много зависит от качества того материала, который был дан ему в нравственном и умственном воспитании его народа. Но собственно сила таланта подлежит измерению, и о Тургеневе надо сказать, что чем более вчитываешься в его произведения, тем более чувствуешь удивления к его художественной индивидуальности и к его технике, причем, разумеется. Видишь ярко и пределы его сил». С. 913-914: «Ю. Шмидт говорит, что Тургенев принадлежит к писателю *нового времени*: В малейшей повести непременно есть задача; автор старается для данного случая открыть общий закон природы, закон душевных движений. Древним не была известна обусловленность индивидуального духа природою, а их поэты отбрасывали это отношение в сторону, и только великое философское движение обоих последних столетий принудило художника так или иначе разделяться с решением этой задачи... В прежние времена смотрели на природу как на нечто чуждое, но дружились с ней /.../. Теперь мы сознаем, что составляем с ней одно целое, мы проникаемся ею, но зато теперь чуждое начало как будто закралось в собственную нашу грудь, точно какой то демон овладел нами; и вот нам интимнейшая наша жизнь представляется нам как нечто непонятное, и, как все безусловно непонятное, заключает в себе элемент ужаса. Такою мы ощущаем природу у Тургенева, самого современного из всех поэтов; так ощущает ее Шопенгауэр, самый современный из философов. И для него природа не есть то, чем она представлялась Шеллингу». С. 914-915: «/.../ мифологическое настроение – говорит Шмидт – отличает ландшафты Тургенева от ландшафтов Вальтер Скотта. О «Записках охотника» немецкий критик замечает, что они также характеризуют талант Тургенева, как «Лондонские эскизы» характеризуют Диккенса. /.../ Ю. Шмидт относит Тургенева к школе Бальзака со следующей, однако, оговоркой: «Ошибка Бальзака состоит в том, что он слишком старается; он растирает свои краски на глазах у читателя и ослабляет впечатление такою механическою работою. Сверх того, у него под оттенками портретов почти исчезает рисунок, твердое очертание. Тургенев отличается от своего образца тем, что, как истинный художник, употребляет материальные средства очень бережливо. Он выбирает один решительный шаг, когда лицо высказывается в истинном своем значении и на этот то момент он бросает ясный отвесный свет. Так рисовал свои портреты живописец английской аристократии сэр Джон Лоуренс. Тургенев отличается от Бальзака тем, что не обращается к микроскопу, а смотрит на предметы на естественном расстоянии».

ПОЛОНСКИЙ Леонид Александрович (1833-1913) – русский журналист и писатель. Леонид Александрович Полонский родился в 1833 году в Виленской губернии в дворянской семье. Окончил Санкт-Петербургский университет по камеральному (административному) разряду. Служил в канцелярии Военного министерства, затем в Министерстве народного просвещения в канцелярии министров Е. П. Ковалевского и А. В. Головнина. Государственную службу Полонский совмещал с занятием журналистикой. Прекрасно зная несколько иностранных языков, он вел отдел иностранной политики в «Русском инвалиде» (1861), «Современном слове» (1862-1863), «Санкт-Петербургских ведомостях» (1864-1865), «Голосе» (1866-1865), «Гласном суде» (1866) и «Сыне Отечества» (1867). С января 1868 года, когда Вестник Европы стал выходить ежемесячно, Полонский взял на себя в этом журнале отдел «внутреннего обозрения» и вел его на протяжении двенадцати лет. Либеральное направление этих обозрений, принесло Полонскому определенную известность. С января 1880 года начал издавать собственную политическую газету «Страна», которая сперва выходила дважды в неделю, а с 1881 года – трижды. Газета сразу заняла передовое место в либеральной политической печати. С октября 1884 до конца 1892 года Полонский вел «внутреннее обозрение» в Русской мысли. Там же им была помещена повесть «Анна» (1892), в которой сказывалось падение прежних надежд и отмечался момент появления новых людей – «удачников». В 1893 г. вступил в журнал «Северный вестник» и до весны 1896 г. вел в нём отдел «Провинциальная печать» под псевдонимом Л. Прозоров. Характерной чертой Леонида

Полонского было полное пренебрежение к известности: огромное большинство его статей являлось вовсе без подписи, а некоторые – с постоянно менявшимися псевдонимами.

1869

103. Н. Ш. [Шелгунов Н.В.] Люди сороковых и шестидесятых годов (По поводу романа г. Писемского «Люди сороковых годов». Заря 1869) // Дело. – 1869. – № 11. – С. 1-51 (паг. 2-я).

Надпись: Из Казачьей библиотеки / по каталогу 10/89 / 1 отд.

С. 32: «В чертах Елены и Инсарова заключаются все намеки на новых людей, которым так досталось потом от того же самого Тургенева: лаконизм, демократическая грубость, прямота отношений без всякого вилянья, дело без красивых слов, свобода обращения без чопорности и ложного стыда. Г-н Тургенев, сам человек сороковых годов, как бы вырыл собственными руками могилу для своего поколения и точно хочет сказать ему – ложись! твоя роль кончена, твои идеалы не нужны, вот новая выступающая сила, за которую пойдет жизнь. Но в своей земле никто пророком не бывал». С. 33: «Кончавшее свой век поколение сороковых годов могло переродиться лишь в Берсеневах, нежных, любящих, частью идеально мистических, преданных науке, в которой, по их мнению, все спасение, но не могло создать активной силы, ибо жизнь – дело грубое, как сказал Инсаров. Откуда же было явиться воспитателю, кого мог назначить г. Тургенев в учителя Елены? И тут обнаруживается снова своеобразность людей сороковых годов. Они выросли на общих понятиях и общих беспредметных чувствах, на общей правде и общем сочувствии человечеству, страдающему вообще. /.../ И вот сердце Елены подготовилось сочувствовать всем страдающим и угнетенным, и от страдающих котят Елена, по мере зрелости, перенесла свое сочувствие на страдающих людей. Мог ли поэтому г. Тургенев поставить вопрос на реальную почву социального движения? Автор мог его прозревать, мог даже знать о его существовании, но страдание людей представлялось ему явлением не социально-экономическим, а отвлеченно-нравственным». С. 35-36: «Елена – последний продукт идеала людей сороковых годов. И действительно, между Полинькой Сакс и Еленой расстояние громадно. Но зато Еленой г. Тургенев похоронил и себя и все свое поколение. Елена была лебединой песней г. Тургенева, его последним прогрессивным словом. Выше Елены люди сороковых годов выдумать ничего не могли; но это им не укор – нельзя же им было выдумывать и после смерти. На почве русского жоржзандизма они сделали много, и русская женщина помянет их таким же добрым словом, каким поминают Станкевича, Грановского, Белинского и всех честных людей того времени». С. 39: «Дым, дым, дым, все дым и пар, вся русская жизнь, все людское и особенно все русское – дым», – говорит г. Тургенев. Все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все то же да то же; все торопится, спешит куда-то, и все исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул – и бросилось все на противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и ненужная игра». И то, что еще так недавно совершалось с треском и громом – дым, и все эти горячие споры и толки молодежи, мечтающей о преобразовании мира, – дым; и суждения и речи государственных людей – дым; и все на свете – дым и пар. Эту мысль, конечно, не по-русски, высказал много ранее г. Тургенева еще царь Соломон. И где эти люди, гордые, самонадеянные, стремившиеся к чему-то? – продолжает г. Тургенев, уже не в виде монолога, а в лицах. Опошлись или подломились; либералы стали крепостниками, люди свободолюбивые превратились в лакеев. /.../ Да и какого ждать толку от России! Кто мы? На что способны, где наша сила? «Мы, славяне, – говорит автор «Дыма», – вообще, как известно, силой воли не богаты. Что прикажете делать? Правительство освободило нас от крепостной зависимости, спасибо ему; но привычка рабства слишком глубоко в нас внедрилась: не скоро мы от нее отделаемся. Нам во всем и всюду нужен барин». С. 41-42: «Человек мысли умирает с того момента, когда он перестает служить лучшим стремлениям своего поколения, когда он поет прежнюю песню, не чуя, что наступили другие времена и нужны другие песни... У Тургенева вы встретите идеальные типы,

по которым можете проследить историю развития некоторых русских мыслей и некоторых лучших русских стремлений. Тургенева можно признать русским Жорж Зандом, ибо никто лучше его не анализировал женского чувства, никто лучше его не создал разнообразных женских идеалов, не изобразил страданий известных душевных состояний. Г-н Тургенев в этом отношении имеет важное воспитательное значение».

104. Шелгунов Н. В. Люди сороковых и шестидесятых годов // Дело. – 1869. – № 12. – С. 1-51 (паг. 2-я).

Надпись: Казачьей библиот. / по катал. 10 / 90.

С. 1-2: «Люди шестидесятых годов вышли прямо из того умственного движения, которое явилось после падения Севастополя, и из той практики, в которой воплотилась идея людей сороковых годов./.../ Борьбу реалистов «детей» с идеалистами «отцами» раньше всех подметил г. Тургенев». С. 16-17: «Рудин, рассуждая вообще, не потрудился заняться изучением русского экономического быта; дав идею, он не подготовил ничего для практического ее осуществления, и если Россия шестидесятых годов знала что-нибудь о русском народном экономическом быте, то благодаря только немцу Гакстгаузену. Борьбу реалистов «детей» с идеалистами «отцами» раньше всех подметил г. Тургенев. Г-ну Тургеневу очень досталось за Базарова. Но время страстных отношений к этому типу для нас уже миновало, и мы можем смотреть на него с тем объективным спокойствием, с каким каждый человек смотрит на свое минувшее. Для нас в Базарове дороги многие черты, ибо они черты живого человека, черты не измышленные, а созданные логикой жизни и только несколько карикатурно изображенные г. Тургеневым. Карикатурность в этом случае, может быть, даже не больше как технический прием: автор прибегает к резким чертам, чтобы образ героя вышел рельефнее; ведь и с Инсаровым он прибегал к тому же приему. А Рудин? Разве рефлексия не доведена в нем до карикатурности? Но в Рудине автор имел дело с идеалистом, и потому даже самое крайнее преувеличение являлось в мягких, закругленных очертаниях; с реализмом этого сделать нельзя; он груб по самому своему существу, груб, как действительная жизнь, и потоку малейшее неосторожное преувеличение ведет к угловатости и резкости контур. /.../ Как полный тип Базаров не закончен. Да ему и нельзя быть законченным. Базаров молодая, формирующаяся сила, как бы только готовящаяся отвечать на вопросы дня. Но в этой молодой силе вы уже видите зачатки целого нового мировоззрения и направления; зачатки совсем иной теории и совсем иной практики, резко разделяющих отцов от детей». С. 19-20: «От Базарова так и брызжет силой. /.../ Действительно, здоровая, трезвая сила, избличающая непригодность идеализма для настоящего практически полезного дела, сначала пугает. Но когда всмотришься в нее, то находишь в ней столько истинной житейской теплоты, столько действительной любви, активной, а не фразерской, что опирайся смело на руку такого человека на самом краю пропасти, и тебе стоять весело рядом даже с самой очевидной опасностью. Опасность тут подле тебя, но подле же тебя и надежная рука, которая переведет тебя через всякую опасность. Этой совершенно новой чертой заявили себя только идеальные люди шестидесятых годов. Тип сороковых годов ее не имел. Рудин убежал от опасности, только заслышав о ней; Лаврецкий засадил Лизу в монастырь /.../ гордость Базарова понятна. Он знает, что его создала практическая почва того самого крестьянского мира, для которого, с освобождением от крепостной зависимости, открылось поприще гражданской деятельности. Уж, конечно, мужик протянет руку Базарову, а не Павлу Петровичу, отделившемуся от русской почвы и среди русской природы и в русской деревне ухитрившемуся вообразить себя в Англии! Люди нового типа не мечтатели; они знают, что жизнь – дело грубое и что на работу нельзя выходить в бархатном пиджаке и в лайковых перчатках». С. 31: «Базаров личность сильная, но односторонняя, далеко не отвечающая на вопросы времени и не дающая идеального образа человека шестидесятых годов. Г-н Тургенев заставил Базарова умереть как раз в тот момент, когда Базарову следовало жить. «Отцы и дети» – точно первая часть недоконченного романа».

105. Шелгунов Н. В. Неустрашимая утрата (Сочинения И. С. Тургенева. Издание братьев Салаевых. Москва. 1869 г.) // Дело. – 1870. – № 2. – С. 1-44 (паг. 2-я).

С. 1-2: «Самый могучий литературный представитель эпохи сороковых годов, г. Тургенев, кончил свою литературную деятельность. /.../ Прощание г. Тургенева производит тяжелое впечатление: «Мое двадцатипятилетнее «служение музам» окончилось среди постепенного охлаждения публики – и я не предвижу причины, почему бы она снова согрелась. Наступили новые времена. Нужны новые люди; литературные ветераны подобны военным – почти всегда инвалиды – и благо тем, которые во время умеют сами подать в отставку». /.../ Такие люди, как Тургенев, рождаются редко. /.../ Тургенев – светила первой величины». С. 8: «Белинский провидел, что Тургенев не может быть властителем дум своего времени, но что он чуток к вопросам дня и понимает их верно и тонко». С. 43-44: «Записки охотника» – краеугольный камень всей деятельности Тургенева». С. 12: «Записки охотника» целая поэма. Это канва для громадной картины, охватывающей весь русский крепостной быт во всем его мрачном настоящем. /.../ В них он захватил всю суть русской жизни».

106. Шелгунов Н. В. Неустрашимая утрата (Сочинения И.С. Тургенева. 7 том. Москва. 1869 года). Статья II // Дело. – 1870. – № 6. – С. 1-34 (паг. 2-я).

С. 1: «/.../ мужицкий мир – не тот мир, в котором Тургенев чувствует себя дома». С. 2: «/.../ иным является Тургенев в своих романах и повестях. /.../ здесь уже не общая картина быта, а психология отдельного человека. /.../ Я не знаю более тяжелого и безотрадного впечатления, как то, которое выносишь из романов и повестей Тургенева. /.../ Во всех и всегда вам рисуют роковую судьбу». С. 3: «Женские типы Тургенева отличаются каким-то неуловимым обаянием. Они вас манят, тянут к себе, вам с ними так хорошо, так тепло. /.../ И это вовсе не идеализация. Здесь верно схваченная природа женщины, пережитая и прочувствованная автором. Ни одной фальши, ни одной неверной ноты». С. 15: «Не сила активного протеста вызывает в вас Тургенев. /.../ Если вы любили и теряли, он заставит вас плакать; но он вас не вылечит, не укажет дороги /.../, у него только тонкий анализ безвыходного настоящего». С. 21: «Но вправе ли мы упрекать Тургенева за безотрадность производимого им впечатления? /.../ Он рисует страдающих людей, дает самый тонкий анализ женской души, какого в нашей литературе еще не бывало и заставляет читателя вдумываться в себя». С. 22: «В то время, как женщина Тургенева живет одной личной любовью и порывом к семейному счастью, мужчина, кроме того, стремится еще в туманную даль мировых вопросов, обнимающих счастье всего человечества». С. 29: «По свойствам своего таланта, Тургенев вовсе не утопист и не мечтатель, способный видеть и создавать отдельные идеалы и к ним стремиться. Он человек настоящего, он рисовал страдающих людей, какими их понимал и видел. Он анализировал их радости и страдания и описывал их в мелочных психологических подробностях». С. 34: «Последние произведения не больше, как признак упадка сил; это старческое обращение к детским образам представлений, которые человек переживал во время своего младенчества. Так, по-видимому, неверующие люди обращаются перед смертью к покаянию».

107. Постный. [Ткачёв П. Н.] Неподкрашенная старина. Статья вторая. (По поводу последних повестей г. Тургенева) // Дело. – 1872. – № 12. – С. 26-75 (паг. 2-я).

Надпись на форзаце: Казачьей библиот. / По каталогу 11/101.

С. 26: «Общественное значение г. Тургенева давным-давно определено, итоги его литературной деятельности почти подведены, характеры главных действующих лиц его

произведений самым тщательным образом проанализированы и вместе с критическими приговорами сданы в архив». С. 69: «Г. Тургенев считается, по преимуществу, поэтом любви и других нежных чувств. Оттого его с большим удовольствием читают сентиментальные барышни и незрелые юноши».

ТКАЧЁВ Петр Никитич (1844-1886) – русский публицист и литературный критик, революционер-народник. Родился в дворянской семье. Кандидат прав Петербургского университета (1868). С 1865 – сотрудник журналов «Русское слово» и «Дело». Статьи Ткачёва по общественно-политическим вопросам были популярны среди революционной молодёжи. В марте 1869 Ткачёв арестован и привлечен к суду по делу нечаевцев; в 1872 выслан под надзор полиции на родину (в Великие Луки); в декабре 1873 бежал за границу. С 1875 издавал в Женеве журнал якобинского направления «Набат». Будучи в ссылке и эмиграции, печатался в журнале «Дело» (под псевдонимами П. Никитин, Нионов, Постный, Всё тот же). Вслед за Н. Г. Чернышевским и Д. И. Писаревым Ткачёв признавал неизбежность развития России по капиталистическому пути, но, в отличие от них, видел в этом угрозу социалистическим перспективам. Первым в русской печати («Русское слово», 1865, № 12) солидаризировался с учением К. Маркса, но марксистом не стал. Центральной в его взглядах была заимствованная у О. Бланки идея политического заговора. В своей литературно-критической деятельности Ткачёв искал пути к научному пониманию искусства. По его мнению, критик обязан относиться к литературному произведению как естествоиспытатель к изучаемому явлению. С этим связаны ошибочные оценки ряда конкретных литературных явлений: И. С. Тургенева он несправедливо обвинял в искажении народной жизни, Л. Н. Толстого называл «салонным писателем», не принимал сатиру М. Е. Салтыкова-Щедрина, рассказы Н. В. Успенского, и т. п. Скончался в 1886 г. в Париже.

В Омске сохранилось издание Г. Т. Бокля «Этюды» (СПб., 1867) под редакцией П. Н. Ткачева из фондов фундаментальной библиотеки Омской женской гимназии.

1873

108. Чудинов А. Н. Очерк истории русской женщины последовательном развитии ее литературных типов. – Санкт-Петербург: Типография П. П. Меркульева, 1873. – 213, II с.

Сохранились два экземпляра: экз. с ярлыком «Библиотека Омской класс. гимназии» и экз. с надписью «Войсковой каз. библиотеки».

О Тургеневе в лекции шестой «Женские типы нового времени» С. 201-204.

С. 201: «Одним из лучших представителей последнего направления должен быть назван И.С. Тургенев. Начав свою литературную деятельность высокохудожественными очерками крестьянского быта, в своих «Записках охотника» он впервые самыми симпатичными красками описал внутреннюю жизнь нашего крестьянина. /.../ Кто не помнит тот глубокий трогательный образ любящей Акулины из очерка «Свидание»? /.../ Тургенев в дальнейших своих рассказах и повестях представляет нам едва ли не самую полную и лучшую в русской литературе галерею женских типов. В первых повестях его вы видите все еще прежнюю женщину чувства: это – отверженная Варя (Андрей Колосов), влюбчивая идеалистка Маша (Бреттер), безжалостно обманутая Ольга (Три портрета), сильная волей Лиза, которую судьба поставила на пути «Лишнего человека», наконец, Верочка Барсукова (Два приятеля) – этот идеал простодушной и доброй девушки – гордая, неудовлетворенная жизнью Марья Павловна (Затишье)». С. 201-202: «Первое пробуждение женской мысли обращается /.../ в области чувства. Вдумываясь и анализируя жизнь со всех сторон, женщина деятельно принимается за возможное улучшение своего положения /.../ [это Ася, Наталья (Рудин), Вера (Фауст), Лиза (Дворянское гнездо), Зинаида (Первая любовь), Елена (Накануне)].». С. 202-203: «Тургенев отодвигает на второй план, в повестях «Отцы и дети» и «Дым», вопрос женской эмансипации, коснувшись снова его – и на этот раз с отрицательной стороны – лишь в последней своей повести «Вешние воды».

ЧУДИНОВ Александр Николаевич (1843-1908) – русский писатель, переводчик, редактор, педагог и просветитель. Родился в 1843 году в дворянской семье Полтавской губернии. Окончил Владимирскую Киевскую военную гимназию и курс в Киевском университете на филологическом факультете. Преподавал словесность в учебных заведениях Киева, Воронежа, затем был инспектором Санкт-Петербургской Мариинской женской гимназии; директором классической гимназии в Пярну (в Лифляндии, теперь – Эстония). С 1862 по 1887 годы Чудинов сотрудничал с воронежским журналом «Филологические записки», в котором поместил ряд оригинальных и переводных статей, рецензий и прочее. Омские читатели выписывали журнал «Филологические записки», комплект этого журнала с 1860 по 1917 гг. хранится в фонде редких книг ОГОНБ.

1874

109. Чудинов А. Н. И. С. Тургенев и значение его литературной деятельности. Публичная лекция, прочитанная в Орле 22 марта 1874 г. // Филологические записки. – 1874. – № 2. – С. 1-24 (паг. 4-я).

Ярлык: Библиотека Сибирского кадетского корпуса / Отдел XV / № 3646. Супер-эксlibрис: Б.О.В.Г.

С. 2: «Немногие из русских писателей могут похвалиться такой широкой популярностью в кругу соотечественников, как И.С. Тургенев, хотя вместе с тем едва ли о ком другом, кроме него, ходят такие резко противоположные отзывы, такие неопределенные смутные мнения. С другой стороны, ни один из русских писателей никогда не пользовался такой громкой, блистательной известностью у иностранцев, как автор «Записок охотника». В настоящее время, более 300 переводов его произведений существует на всевозможных европейских языках, лучшие английские и немецкие критики единогласно признали его одним из талантливейших романистов последнего времени, сотрудничества его заискивают даже в далекой Америке».

110. Н.М. [Михайловский Н. К.] Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. – 1874. – № 3. – С. 186-222 (паг. 2-я).

Ярлык: Библиотека Омского военного собрания / по каталогу № 115 / № VIII отдела.

В статье представлена рецензия на книгу М. В. Авдеева «Наше общество в героях и героинях литературы», где автор, в том числе, размышляет и над героями романов Тургенева. В Омск эта книга поступила в 1874 г. См. описание № 113 данного каталога.

С. 203: «Общий вывод, к которому г. Авдеев пришел, следя последовательно за Чацким, Онегиным, Печориным, лишними людьми и русскими Гамлетами, Рудиным, Инсаровым, Базаровым, и людьми шестидесятых годов, таков: в течение пятидесятилетия 1820-1870 высшие представители русского общества постоянно и болезненно стремятся к гражданской деятельности, но постоянно осаживаются жизнью и остаются неудовлетворенными. В обществе идут постоянные смены надежд и разочарований. За протестом и надеждами Чацкого идет апатия и хандра Онегина; в Печорине жажда деятельности прорывается вновь, но, благодаря обстоятельствам, прорывается уродливо и бесплодно, и затем наступает безотрадная пора лишних людей; раздается пропаганда Рудина, не указывая, однако, прямого живого дела; в создании болгарина Инсарова, в сочувствии к нему и героини «Накануне», сказывается дальнейшая жажда гражданской, политической деятельности». С. 204: «У нас привыкли третировать Рудина свысока. Он для нас фразер, болтун, тряпка, сплетник. Г. Авдеев совершенно справедливо утверждает. Что это отношение к Рудину вовсе неправильно. Здесь много виноват г. Тургенев, без вины виноват, конечно. Он любит /.../ кружевную работу; возьмет известный фон и наплетет на нем множество тонких и совершенно случайных узоров, много способствующих индивидуальности фигуры, но вместе, затемняющих ее основной характер, загромождающих его. От того то из-за тургеневских образов и идет перепалка между

его толкователями, и притом такая странная, что один толкователь признавал белым, то другой называл черным». С. 205-206: «Рудина как «политической натуры» мы нигде своими глазами не видим потому, что ей разгуляться негде, /.../ он делает свое дело, т.е. ведет свои разговоры где-то за кулисами. А между тем, все его личные слабости принадлежат не типу, а личности. /.../ Но случайная деталь не должна давить сущности, в этом именно и состоит задача поэта. /.../ Но разве рудинские разговоры, зажигающие сердца и будящие мысль, не дело? Я больше спрошу: много ли найдется больших, выдающихся русских людей, которым выпало на долю что-нибудь, кроме разговоров? Русский человек /.../ гораздо шире европейца. Не приспособившись окончательно к той или другой частной колее, он способен к очень широкому размаху. /.../ Что делал всю жизнь Прудон? – «разговаривал», бил набат, будил совесть, будил мысль – больше ничего. /.../ Но его Европа все-таки никогда не забудет. А мы оплевали своего Рудина за то, что он не практичен и только разговаривает! Конечно, Прудон был пуританин в частной жизни, а Рудин бесхарактерен и грешен. /.../ Рудин был не бездушный фразер, этого и доказывать нечего, это доказала его смерть. Не смотря на несколько эпилогов, которыми г. Тургенев окончил «Рудина», конца этой повести все таки нет. /.../ совершенно ясно, что слово этого человека, слабого, но искреннего, грешного, но способного вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими других, – было весьма осязательным делом».

МИХАЙЛОВСКИЙ Николай Константинович (1842-1904) – русский публицист, социолог и литературовед, критик, переводчик; теоретик народничества. Родился в семье чиновника. Учился в Костромской гимназии. В 1856 был определен в Петербургский институт корпуса горных инженеров. В 1863 г. исключён за участие в студенческих выступлениях против начальства; изучал юридические науки, готовясь к деятельности адвоката. С 1868 участвовал в журнале «Отечественные записки». После смерти Н. А. Некрасова (1877) стал одним из редакторов журнала (вместе с М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. З. Елисеевым). После закрытия «Отечественных записок» работал в «Северном вестнике», «Русской мысли». С 1892 г. принял участие в «Русском богатстве», а с 1894 до конца жизни возглавлял его. Наибольшее влияние на русскую общественную мысль оказала деятельность Михайловского, связанная с «Отечественными записками», где было опубликовано большинство самых известных его критических, публицистических и социологических сочинений. В 1869 здесь появилась его знаменитая работа «Что такое прогресс?», сыгравшая большую роль в разработке народнической теории. Верховным мерилom всех общественных ценностей Михайловский считал личность, индивидуальность, «неделимое» и общественный прогресс понимал как «постепенное приближение к целостности неделимых», т. е. к самостоятельности, всесторонности и гармонии личности. Личность Михайловский рассматривал не только как высший критерий прогресса, но и как главного творца истории. Похоронен в Петербурге на Волковом кладбище.

В Омске читали книги Михайловского. В фонде редких книг сохранились экземпляры его изданий с омскими книжными знаками:

- «Сочинения», 1-е изд. (СПб., 1883. Т. 4: суперэксlibрис «Н. С.» и владельческая надпись «Н. А. Злато[неразборчиво]»), (СПб. 1883. Т. 5: штемпель «Омская городская общественная библиотека имени Александра Сергеевича Пушкина»);

- «Сочинения», 2-е изд. (СПб., 1888. Т. 3: штемпель «Библиотека почтово-телеграфных чинов в Омске»);

- «Сочинения», 3-е изд. (СПб., 1894. Т. 1: штемпель «Библиотека Омского коммерческого клуба»);

- «Сочинения», изд. журнала «Русское богатство» (СПб. 1897. Т. 3, 4, 5, 6: штемпель «Омская городская общественная библиотека имени Александра Сергеевича Пушкина»);

- «Критические опыты» (СПб., 1894. Т.3. Два экземпляра: 1-й экз. со штемпелем «Омская городская общественная библиотека имени Александра Сергеевича Пушкина» и ярлыком «Омская Центральная Пушкинская библиотека»; 2-й экз. со штемпелем «Омская городская

общественная библиотека имени Виссариона Григорьевича Белинского» и ярлыком «Омская городская Пушкинская библиотека»);

- «Литературные воспоминания и современная смута» (СПб., 1900. Т. 1, 2 : ярлык и штемпель «Фундаментальной библиотеки Омской первой гимназии»);

- пять конволютов первых публикаций Михайловского сохранились со штемпелем «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска»;

- с предисловием Н. Михайловского были издан труд Д. С. Милля «Подчинённость женщины» (СПб., 1869: штемпель «Омская городская общественная библиотека имени Александра Сергеевича Пушкина»).

111. Н. М. [Михайловский Н. К.] Новые рассказы г. Тургенева // Отечественные записки. – 1874. – № 4. – С. 403-408 (паг. 2-я).

Ярлык: Библиотека Омского военного собрания.

С. 406-407: «Вот новый рассказ «Пунин и Бабурин» г. Тургенева. В нем наш маститый беллетрист прибег к обычному техническому эффекту, который столько раз уже помогал ему блеснуть своим мастерством в индивидуализации типов. Г. Тургенев берет большую часть двух или несколько человек, связывает их, говоря простонародным языком, как черт веревочкой, либо общностью положения, либо тесной дружбой, и затем наделяет их самыми разнообразными физиономиями. Прием, требующий большого искусства, большой тонкости работы, и только истинный художник владеет этим даром «вязать и решить» вместе. Г. Тургенев им несомненно владеет и любит щеголять. Такое щегольство он обнаружил, например, в «Накануне», окружив Елену Инсаровым, Шубиным, Берсеновым и Курнатовским, в «первой любви», где героиня также окружена целой группой образов, в «Дыме» (две героини около Литвинова), в «Вешних водах» (две героини около Санина), в «Записках охотника» (Хорь и Калиныч, Чертапханов и Недопюскин). /.../ К сожалению, за последнее время г. Тургенев истощил свои комбинации и беспрестанно повторяет самого себя. Так, состязющиеся героини «Вешних вод» уже напоминают героинь «Дыма», а отошения приятелей Пунина и Бабурина не только в общем, но и во множестве мелких подробностей прямо списаны с отношений Чертапханова и Недопюскина. К еще большему сожалению, копии эти гораздо слабее оригиналов. /.../ Вообще говоря, рассказ г. Тургенева понравился. Критика за последнее время не совсем благосклонная к нашему знаменитому романисту, на «Пунине и Бабурине» с ним помирилась». С. 408: «Очевидно, г. Тургенев зажился за границей. Он полагает, что эпизод из истории революции 1848 года и русского революционера можно нарисовать одними и теми же красками. /.../ Я уверен, что если г. Тургенев поживет, наконец, в России хоть год, ему станет обидно за эту смесь французского с нижегородским».

112. Радюкин Н. [Шелгунов Н. В.] Литературная благотворительность. («Складчина», литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов.) // Дело. – 1874. – № 4. – С. 47-67 (паг. 2-я).

О Тургеневе на с. 62-64.

С. 63-64: «В «Живых мощах» недостает непосредственности и сердечности. Рассказ писан под диктовку головных чувств и доброжелательных мыслей – и больше о нем сказать нечего». /.../ Гуманность есть строй всей души г. Тургенева /.../. Поэтому в его фальши вы чувствуете только ошибки мысли, а не ошибки чувства. Г. Тургенев держал себя всегда на высшем уровне и привык вращаться с представителями времени. Если бы г. Тургеневу пришлось вести борьбу с будущим, то он никогда бы не повел ее с теми, кто изображает собою интеллект страны, и не стал бы донкихотствовать».

113. Авдеев М. В. Наше общество (1820-1870) в героях и героинях литературы. – Санкт-Петербург: Типография К. В. Грубникова, 1874. – 291 с.

Владельческая надпись на тит. л. вырезана. Штемпель: Городская библиотека имени Ф. М. Достоевского.

Тургеневу посвящены главы: Рудин («Рудин» Тургенева) /с. 74-86/; Инсаров («Накануне» Тургенева) /с. 86-97/; Базаров («Отцы и дети» Тургенева) /с. 97-118/; Маша («Затишье» Тургенева) /с. 206-224/; Лиза («Дворянское гнездо» Тургенева) /с. 224-232/; Наталья и Елена («Рудин» и «Накануне» Тургенева) /с. 232-254/.

С. 74: В «Лишних людях», открытием которых мы обязаны исключительно Тургеневу, вся глубина, до которой бедная, загнанная мысль может спуститься: дальше идти было ей некуда – надобно было или погибнуть, или идти вверх. /.../ Отсюда ясно, каким должен был явиться деятель, выросший на такой почве. Он должен был явиться героем общей мысли и сильного слова: таким и был Рудин». С. 76-77: «Рудин первый – между героями литературы – общественный деятель». С. 80: «Рудин не был пустословом /.../ речь Рудина действительно потрясала, сдвигала, зажигала человека. /.../ Рудин – человек, будивший спящих. /.../ никакой герой общественного дела не возможен, если не созрело само дело». С. 83-84: /.../ в Рудине, впервые после Чацкого, высказывается в обществе стремление к политической деятельности. /.../ Рудин – необходимое звено между людьми бесплодной мысли и людьми дела, которых общество ждет так долго и которые проступают так незаметно». С. 85: «В Рудине не достает строгой честности, трезвости взгляда и никакой практической складки. Но Рудин уже делатель, Рудин ищет работы, толкает, побуждает на нее». С. 88-89: «Человек, /.../ работающий для науки, искусства, свободы. Справедливости и проч., и достигающий своих целей и желаний, конечно, более и прочнее счастлив, нежели человек, полагающий свое счастье в любви какой-либо девушки и добившийся этой любви /.../ После Рудина, пропагандиста, человека слова, должен был явиться человек дела; Инсаров и есть такой человек. Он хочет свободы родины и работает всеми от него зависящими средствами». С. 108: «/.../ базаровский нигилизм – вовсе «не отрицание ради отрицания» /.../ Он отрицает только то, в чем не видит пользы, и не думает оставлять после ломки пустоту, а советует заметить ее чем удобнее, что сподручнее /.../ базаровский нигилизм вовсе не грешит тем, в чем упрекали потом его последователей; он не ломает ради ломки, не работает для какого-то выдуманного и недостижимого идеала. Базаровскому нигилизму справедливее было бы дать /.../ название позитивизма, учения положительности, а не отрицания». С. 110-111: «Базаров работает для дела жизни, – жизни сложившейся, как она есть, а не сочиненной. /.../ Базаров – человек упорного, неутомимого труда и железной воли». С. 217: «Веретьев унаследовал от художников их «загул», их бесхарактерность; но у него меткий природный ум; его взгляд на самую красоту не глубок, но не лишен поэтичности прелести». С. 219: «В Маше мы впервые видим простую девушку. Если мы спросим, каким образом сложилась такая строгая и цельная натура среди дряблости, испорченности, то должны сознаться, что этими достоинствами Маша обязана единственно тому, что росла и развивалась в «затишье», /.../ Маша развивалась уединенно, самостоятельно, она не читала книг». С. 221: «/.../полюбив раз – Маша любила Веретьева так, как его мелкая душа никогда не в состоянии ей отвечать». С. 227: «Лаврецкий бросил в Париже обманувшую его жену, которую любил страстно /.../ он приехал домой и Лиза – совершенная противоположность его лукавой жены – привлекает его своею правдивостью, искренностью и несколько мистической наивностью».

АВДЕЕВ Михаил Васильевич (1821-1876) – русский писатель. Сын состоятельного уральского казака. Был сотрудником журнала «Современник» и «Дело». Романы «Тамарин» (1852), «Подводный камень» (1860), написанные в значительной мере в подражание романам Лермонтова и Тургенева, изображают так называемого лишнего человека и трагическое положение женщины в дворянском обществе. В более поздних романах («Меж двух огней»,

1868, и др.) Авдеев выступает против передовых идей 1860-х гг. В критических очерках «Наше общество в героях и героинях литературы за 50 лет (1820-70)» (1874) Авдеев дает либеральное толкование развитию русской литературы XIX века. Похоронен в Петербурге на Волковом кладбище.

114. Белинский В. Г. Параша. *Рассказ в стихах. Т. Л. СПб.* 1843 // Белинский В. Г. Сочинения: [в 12 ч.]. Ч. 7. – 3-е изд. – М.: В типографии В. Грачева и К., 1874. – С. 262-281.

Ярлык: Библиотека воен. топографов. Штемпели: Библиотека в.-топ. училища; Библиотека Военно-Топографического Училища.

На тит. л.: цена 1 р. 25 к.; продаётся у книгопродавцев бр. Салаевых.